

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 1 (233) 2020 ГОД

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2020

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (233) 2020 год

Выходит два раза в год

Минск 2020

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (233) 2020

Published biannually

Minsk 2020

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Дормешкин О. Б., доктор технических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Долгова Т. А., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Шадурский В. Г., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора серии – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Kuntysh V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Dolgoval T. A., PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torshik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Barcik Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantsov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Shadurskiy V. G., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 226-14-32;
managing editor (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 947.2:929.5

А. А. Дамарад

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ДВАРАНСТВА БЕЛАРУСКІХ ЗЯМЕЛЬ У КАНЦЫ XVIII–XIX СТ. (ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ)

Артыкул прысвечаны гістарыяграфіі важнай праблемы сацыяльна-палітычнага мінулага: гісторыі дваранства Беларусі (канец XVIII–XIX ст.). Разглядаюцца расійскія афіцыйныя даследаванні XIX ст., археаграфічныя, генеалагічныя і геральдычныя даследаванні, зробленыя па ініцыятыве даследчыкаў і па заказе дзяржавы, а таксама гістарыяграфія савецкага перыяду і суверэннай Рэспублікі Беларусь. Асобна вылучаны даследаванні, якія закранаюць гісторыю беларускай шляхты, зробленыя польскімі даследчыкамі на працягу XIX–XX ст.

Ключавыя словы: дваранства, генеалогія, дзяржаўная палітыка, геральдыка.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

THE NOBILITY OF THE BELARUSIAN LANDS IN THE LATE XVIII–XIX CENTURY (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)

The article is devoted to the historiography of an important problem of the socio-political past: the history of the nobility of Belarus (late XVIII–XIX centuries). Russian official researches of the XIX century, archeographic, genealogical and heraldic researches made on the initiative of researchers and by the order of the state, and also historiography of the Soviet period and the sovereign Republic of Belarus are considered. The researches concerning the history of the Belarusian nobility made by the Polish researchers during the XIX–XX centuries are separately allocated

Key words: the nobility, genealogy, government policy, heraldry.

Уводзіны. Беларускія землі ў працэсе свайго гістарычнага развіцця з канца XVIII ст. знаходзіліся ў складзе Расійскай імперыі. Гэта стварала ўмовы для інтэграцыі розных па форме, але аднолькавых па змесце сацыяльных сістэм, у версе якіх знаходзілася вышэйшае саслоўе – шляхта ў беларускіх землях і дваранства ў Расійскай імперыі. Шляхта ў перыяд разлажэння феадальных адносін складала, зразумела, не асноўную, але вялікую частку насельніцтва (да 10%). Роля, якую яна адыгрывала ў тагачасным грамадскім жыцці, была значнай. Шляхта з’яўлялася верхам сацыяльнай лесвіцы і, па сутнасці, была сацыяльным лідэрам. Менавіта яна з’яўлялася тагачаснай элітай, вызначала развіццё грамадства. З яе шэрагаў выйшлі рэвалюцыйныя дэмакраты Каліноўскі К., Урублеўскі В., дзеячы беларускай культуры Дунін-Марцінкевіч В., Багдановіч М. і іншыя знакамітыя асобы. З беларускай шляхты паходзяць таксама шматлікія выдатныя дзеячы расійскай гісторыі, навукі, культуры. Натуральна, што гісторыя дваранства Беларусі была прадметам вывучэння навукоўцаў-гісторыкаў.

Асноўная частка. Спецыяльна гісторыі дваранства прысвечаны шэраг даследаванняў XIX ст. Найперш неабходна згадаць працу А. М. Рамановіча-Славацінскага «Дворянство в России с XVIII в.», у якой даецца аналіз становішча тагачаснага дваранства ў Расіі [1]. Гэтая праца дазваляе зразумець тыя ўмовы, у якіх апынулася шляхта беларускіх зямель пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. Больш позняе даследаванне дваранства Расійскай імперыі належыць барону Корфу С. А. [2]. Аднак у навуковым плане яно значна ўступае згаданаму вышэй. Самым значным вынікам працы С. А. Корфа з’яўляецца асветленне мясцовых асаблівасцей, якія яскрава праяўляліся ў жыцці беларускай шляхты. Аўтар выдатна апісвае рознасць культурных асяродкаў, з якіх выйшла шляхта былой Рэчы Паспалітай і дваранства ўнутраных губерняў Расійскай імперыі. Вельмі цікавыя факты прыводзіць С. А. Корф таксама наконт карпаратыўнасці шляхты, яе больш высокага культурнага ўзроўню ў параўнанні з расійскім дваранствам. Даследаваў дваранскае саслоўе ў XIX ст. таксама М. Яблачкаў. Яго праца характарызуецца найперш тым,

што ў ёй шляхта беларускіх зямель не вылучаецца з агульнай масы дваранства [3].

Надзвычай карыснай для вывучэння інтэграцыі тытулаванай шляхты ў расійскае дваранства з'яўляецца праца Е. П. Карновіча [4]. Яна прысвечана паходжанню і эвалюцыі тытулаў расійскай арыстакратыі, у прыватнасці дэвальвацый княскай годнасці ў Расійскай імперыі. Аўтар асабліва падкрэслівае колькаснае ўзбагачэнне расійскай арыстакратыі праз ўключэнне ў яе шэрагі тытулаванай шляхты беларускіх зямель.

Важнай гістарыяграфічнай праблемай пры даследаванні працэсаў інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі з'яўляюцца праблемы генеалогіі і геральдыкі XIX ст. Першыя дазваляюць прасачыць не толькі гісторыю таго ці іншага рода, але і яго ўспрыняцце як роўнага, дастойнага завязьць шлюбныя сувязі з расійскім дваранствам. Генеалагічныя даследаванні князёў Далгарукага П. В. і Лабанава-Растоўскага А. Б. выдатна ілюструюць адзін са шляхоў інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у склад расійскага дваранства, у тым ліку факты параднення беларускай арыстакратыі з дынастыяй Раманавых [5, 6].

Шэраг даследчыкаў-геральдыстаў не абмінулі ў сваіх працах і нашу шляхту. А. Б. Лакіер, які вывучаў вытокі геральдычнай сістэмы Расійскай імперыі, у сваім даследаванні «Русская геральдика» асобна падкрэсліваў, што ўключэнне ў яе шляхты былой Рэчы Паспалітай значна ўзбагаціла расійскую геральдычную сістэму [7]. Даследчык выразна паказаў розныя вытокі геральдычных выяў, адзначаючы спецыфічнасць і разам з тым сістэматызаванасць «польскай» геральдыкі [80, с. 321–323]. Граф Бобрынскі А. А. прысвяціў сваю працу тым родам, якія былі ўнесены ў Агульны гербоўнік Расійскай імперыі [8]. Значнасць гэтай працы найперш у тым, што ў ёй паказаны не толькі паходжанне таго ці іншага дваранскага рода, але таксама і пасады, чыны, якімі валодалі тыя ці іншыя асобы. На аснове гэтага матэрыялу можна нават зрабіць высновы пра ступень даверу расійскіх уладаў да шляхты беларускіх зямель, аб тым, наколькі шчыльна набліжаліся асобныя яе прадстаўнікі да імператаскага двара.

Тытулаваным дваранскім фаміліям прысвечана даследаванне С. А. Васільевіча [9]. Заслуга аўтара ў тым, што ён без усялякай тэндэнцыйнасці ставіць у адзін шэраг з расійскай арыстакратыяй беларускія тытулаваныя шляхецкія роды, паказваючы тым самым, што дваранства Расійскай імперыі па меншай меры было адкрыта для інтэграцыі ў яго князёў, графаў і баронаў Рэчы Паспалітай, якая ўжо не існавала.

Сістэматызавалі афіцыйныя геральдычныя выданні В. К. Лукомскі і С. Н. Тройніцкі [10, 11].

Даследчыкі не толькі склалі спісы родаў, унесеныя ў Агульны гербоўнік, але прывялі іх гербавыя дэвізы і супаставілі Агульны гербоўнік з Гербоўнікам Царства Польскага.

У даследаваннях археографіі XIX ст. змяшчаюцца карысныя звесткі пра шляхту заходніх губерняў. І. Я. Спрогіс, А. Энгель не толькі апісвалі архівы, але і прывялі колькасны склад дваранства па заходніх губернях, цікавыя факты падробкі дакументаў на шляхецтва [12, 13]. Карысць гэтых даследаванняў у тым, што іх аўтары працавалі непасрэдна з дакументамі і на іх аснове рабілі высновы.

Адным з першых беларускіх гісторыкаў, які закранаў становішча шляхты беларускіх зямель, быў Доўнар-Запольскі М. В. [14]. Асноўныя яго даследаванні прысвечаны сярэднявекваю, але ў сваёй абагульняючай працы «Гісторыя Беларусі» ён звяртае ўвагу і на гістарычныя абставіны ўключэння шляхты ў агульнаімперскую сацыяльную сістэму ў канцы XVIII–XIX ст. Даследчык справядліва адзначае двухбаковы лаялізм у адносінах шляхты і расійскіх уладаў, спецыяльна падкрэслівае, што цяргімае стаўленне да паланізацыі Беларусі ў першай палове XIX ст. не толькі стварыла глебу да антырасійскага руху, але і стрымлівала інтэграцыю шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі.

Савецкі перыяд развіцця айчынай гістарыяграфіі вызначаецца тым, што вывучэнне сацыяльных вярхоў было ідэалагічна незапатрабаваным. Менавіта гэтым можна патлумачыць адносна невялікую колькасць прац па гісторыі шляхецкага саслоўя ў 20–80-я гг. XX ст. Тым не менш адзначым, што ў гэты перыяд з'явіліся асобныя грунтоўныя даследаванні, якія закраналі адзначаную праблематыку. Так, П. Г. Казлоўскі ў сваёй манаграфіі «Землеуладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в.» даследуе не толькі сялянскія надзелы і павіннасці, але і эвалюцыю землеўладання дробнай і заможнай шляхты, яе суадносіны па паветах, колькасны склад і пранікненне на тэрыторыю Беларусі землеўладальнікаў з унутраных губерняў Расійскай імперыі [15].

Развіццю губернскага самакіравання і цэнтральных дваранскіх і ўрадавых органаў прысвечана праца Я. П. Ярошкіна [16]. Аўтар не толькі прасочвае змены ў адміністрацыйным кіраванні на працягу XIX ст., але і падкрэслівае неабходнасць зменаў у сістэме дзяржаўных органаў у сувязі з вырашэннем шляхецкага пытання ў заходніх губернях Расійскай імперыі. Даследчык таксама паказвае, за якія заслугі перад дзяржавай можна было атрымаць дваранства.

Цікавасць уяўляюць даследаванні С. В. Думіна, у якіх аўтар не толькі звяртаецца да гісторыі асобных груп шляхецкага насельніцтва, але

і сістэматызуе пацверджанні дваранства беларускай шляхтай. У артыкуле, прысвечаным князям татарскага паходжання, даследчык паказвае, як выкарысталі яны сваё становішча для захавання тытулаў у Расійскай імперыі, з якімі перашкодамі сутыкнуліся [17]. Асобная манаграфія С. В. Думіна прысвечана гісторыі смаленскага дваранства [18]. У ёй аўтар паказвае асаблівае, прамежкавае становішча смаленскага дваранства паміж шляхтай беларускіх зямель і карэннымі расійскім дваранствам.

Вельмі важным і грунтоўным з'яўляецца даследаванне С. В. Думіна ў сааўтарстве з С. Гарзынскім [19]. Па сваёй сутнасці яно стала спробай стварэння не толькі справачнай сістэмы па прызнаннях дваранства ў Расійскай імперыі, але і вызначэння агульных тэндэнцый у гэтым працэсе. Адзіным, але вельмі істотным недахопам гэтага даследавання можна назваць адсутнасць у ім звестак па Віленскай губерні. Гэтым самым карціна інтэграцыі шляхты ў склад дваранства падаецца няпоўнай, што, аднак, усё ж дазваляе карыстацца працай як інфарматыўнай крыніцай.

З атрыманнем дзяржаўнай незалежнасці Рэспублікай Беларусь павысілася цікавасць да гісторыі шляхецкага саслоўя і ў айчынай гістарыяграфіі. Ужо ў сярэдзіне 1990-х гг. з'явіліся даследаванні становішча шляхты ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Так, у манаграфіі С. Л. Лугаўцовай даследуецца праблема палітыкі расійскага самадзяржаўя ў адносінах да дваранства Беларусі ў адзначаны перыяд [20]. Відавочная заслуга даследчыцы ў тым, што яна прасачыла не толькі ход і характар мерапрыемстваў па абмежаванні колькасці шляхты, але і яе ўдзел у самакіраванні. Паказана ў працы і схема пераходу часткі шляхты ў іншыя сацыяльныя групы, а таксама ўдзел яе ў антырасійскіх выступленнях. Недахопам даследавання стала, на наш погляд, залішняя ўвага да законаў, якія выдаваліся цэнтральным урадам. Справа ў тым, што далёка не ўсе яны выконваліся на практыцы, а іх уключэнне ў даследаванне надае яму фармальна-юрыдычны характар.

У артыкулах і дысертацыі Г. М. Туміловіч таксама аналізуецца становішча шляхты на Беларусі ў канцы XVIII– першай палове XIX ст. Заслугай аўтара з'яўляецца тое, што яна праводзіць выразны і абгрунтаваны падзел шляхты на дробную і заможную [21]. Надзвычай карыснымі ў даследаваннях вышэйшых сацыяльных слаёў грамадства сталі падлікі дынамікі колькасці шляхты Беларусі.

Гісторыі Беларусі ў часы царавання Кацярыны II прысвечаны даследаванні Я. К. Анішчанкі [22]. Даследчык удзяляе ўвагу не толькі становішчу шляхты Беларусі пасля падзелаў

Рэчы Паспалітай, але і яе ўдзелу ў дваранскіх выбарах, злоўжываннях на іх.

Манаграфія В. В. Шведа «Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863)» мае высокую ступень інфарматыўнасці. Асабліва карыснай, на наш погляд, яе часткай з'яўляецца гістарыяграфічны аналіз літаратуры, які прысвечаны праблемам гісторыі Беларусі ў часы яе знаходжання ў складзе Расійскай імперыі [23]. В. В. Швед вельмі крытычна падышоў да гістарыяграфічных аспектаў сваёй працы, як і да непасрэднага аб'екта даследавання. Адназначна важным у гэтай навуковай працы таксама з'яўляецца паказаная яе аўтарам зацікаўленасць уладаў ва ўваходжанні шляхты былой Рэчы Паспалітай у склад дваранства тых дзяржаў, якія ўключылі ў свой склад гэтыя землі.

Даследчык саслоўна-групавога складу сялянства Сосна У. А. звяртаецца да праблемы канфіскацыі шляхецкай маёмасці ў Расійскай імперыі ў канцы XVIII– пачатку XIX ст. [24]. Гэтае даследаванне пабудавана на разнастайных крыніцах, таму асабліва карыснымі для вывучэння праблемы інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі з'яўляюцца колькасныя паказчыкі канфіскацый.

Нельга абмінуць увагай даследаванні А. М. Лютага. Адно з іх, створанае ў сааўтарстве з В. Ф. Касовічам, прысвечана праблемам гістарыяграфіі і крыніц сацыяльна-эканамічнай гісторыі Беларусі ў другой палове XVIII– першай палове XIX ст. [25]. Гэта даследаванне карыснае тым, што ў ім праведзены аналіз і сістэматызацыя крыніц, у тым ліку па гісторыі шляхты. Яно скіроўвае патэнцыйных даследчыкаў да неабходнага матэрыялу, без выкарыстання якога даследаванне не можа прэтэндаваць на цэласнасць і аб'ектыўнасць.

Вядомы А. М. Люты таксама як аўтар манаграфіі «Сацыяльна-эканамічнае развіццё ў Беларусі ў другой палове XVIII– першай палове XIX ст.» [26]. Гэта праца ўяўляе даследаванне, створанае на аснове шматлікіх крыніц. Яго аўтар прыходзіць да абгрунтаваных высноў пра дыферэнцыяцыю шляхецкага саслоўя, прасочвае змены яго колькасці на працягу даследуемага перыяду, ператварэнне часткі дробнай шляхты ў вольнанаёмных рабочых. На падставе аналізу статыстычных крыніц А. М. Люты даказаў іх недакладнасць, што з'яўляецца надзвычай важным пры вывучэнні колькасці дваран на беларускіх землях [26, с. 202–203].

Вывучэннем гісторыі сацыяльных груп насельніцтва Беларусі і іх прававога становішча займаюцца таксама гісторыкі права. Першынства ў такіх даследаваннях у айчынай гісторыка-юрыдычнай школе належыць Я. І. Юхо.

У сваіх працах па гісторыі дзяржавы і права Беларусі аўтар звяртаецца да змен у становішчы шляхты пасля далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі. У працах Я. І. Юхо прасочваецца палітыка расійскіх уладаў, накіраваная на памяншэнне абсалютнай колькасці шляхты. Увогуле даследчык з фармальна-юрыдычнага боку аналізуе эвалюцыю становішча насельніцтва беларускіх зямель [27].

Становішча шляхты на беларускіх землях разглядалася і ў даследаваннях польскіх гісторыкаў. Яшчэ ў XIX ст. пераважаў погляд, паводле якога шляхта беларускіх зямель уключалася ў склад польскай. Важнымі даследаваннямі па гісторыі асобных родаў з'яўляюцца генеалагічныя даследаванні Е. Дунін-Баркоўскага [28, 29]. Даследчык прыводзіць гісторыю тытулаваных родаў Рэчы Паспалітай. Яго працы дазваляюць прасачыць, якім чынам адбывалася інтэграцыя шляхты ў склад дваранства не толькі Расійскай імперыі, але і Прускага караляўства і Аўстрыйскай імперыі.

Вялікая заслуга ў вывучэнні мерапрыемстваў урадаў краін, падзяліўшых Рэч Паспалітую, належыць У. Грабенскаму. Аўтар «Гісторыі польскага народа» аб'ектыўна, арганічна аналізуе становішча, у якім апынуліся беларускія землі пасля іх далучэння да Расійскай імперыі [30]. Становішча шляхты беларускіх зямель у гэтым даследаванні параўноўваецца са становішчам шляхты, якая трапіла ў аўстрыйскае і прускае падданства. У. Грабенскі справядліва адзначае больш мяккі характар расійскай палітыкі ў дачыненні да шляхты ў параўнанні з палітыкай Аўстрыі і Прусіі [30 с. 546]. Звяртаецца ён і да пытання ўдзелу шляхты ў антырасійскіх выступленнях.

Цікавыя звесткі таксама наконт шляхецкіх родаў можна знайсці ў 30-томным выданні «Złota

księga szlachty polskiej» Т. Жыхлінскага [31]. Увогуле ў гістарыяграфічным аглядзе нельга не ўлічыць шэраг неафіцыйных, але вельмі цікавых гербоўнікаў, створаных іншымі польскімі аўтарамі – Банецкім А., Нясецкім К., Хржаньскім Ю., Урускім С. [32, 33, 34, 35]. Яны ўяўляюць сабой даследаванні прыналежнасці шляхецкіх родаў (у тым ліку з Беларусі) да тых ці іншых гербаў. Важнасць выказаных у іх высноў пацвярджаецца хаця б ужо выкарыстаннем гэтых выданняў нават афіцыйнымі царскімі ўладамі ў працэсе разгляду дакументаў наконт шляхецкага паходжання дваранства заходніх губерняў.

Польскія даследчыкі ў далейшы перыяд таксама прытрымліваліся меркавання пра прыналежнасць шляхты Беларусі да польскай. Такі погляд знайшоў адлюстраванне ў працах Л. Жытковіча, І. Сікорскай-Кулешы, І. Рыхлінковай [36, 37, 38, 39]. Тым не менш адзначаныя даследаванні карысныя пры вывучэнні «разбораў» шляхты і іх сувязі з антырасійскімі выступленнямі.

Пахожанню тытулаў на беларускіх землях прысвечаны працы Ш. Канарскага [40]. Даследчык дастаткова аб'ектыўна раскрывае фактары, якія ўплывалі на з'яўленне тытулаваных родаў.

А. Халецкі разглядае шляхту Рэчы Паспалітай пасля яе падзелаў праз прызму расійскага імперыялізму [41].

Заклучэнне. Такім чынам, існуючая навуковая літаратура пра шляхту беларускіх зямель у Расійскай імперыі ў асноўным закранае пытанні генеалагічна-геральдычнага характару, удзелу шляхты ў сепаратысцкім антырасійскім руху і эксплуатацыі ёй як землеўласнікам залежнага ад яе насельніцтва. Большасць узгаданых навуковых даследаванняў закранаюць разнастайныя праблемы гісторыі мясцовага дваранства ў кантэксце іншых пытанняў, звязаных з гэтай сацыяльнай групай.

Літаратура

1. Романович-Словатинский А. М. Дворянство в России. Киев: изд. И. Н. Кнебель, 1912. 324 с.
2. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие (1762–1855 гг.). СПб.: Тип. Тренке и Фрюсно, 1906. 168 с.
3. Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1876. 198 с.
4. Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1886. 249 с.
5. Долгорукий П. В. Российская родословная книга. В 4 ч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1854–1857. Ч. 1. 550 с.
6. Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1895. 481 с.
7. Лакиер А. Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.
8. Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в «Общий гербовник Всероссийской империи». В 2 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. Т. 2. 798 с.
9. Васильевич С. А. Титулованные роды Российской империи. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. 296 с.
10. Лукомский В. К., Тройницкий С. Н. Списки лицам, высочайше пожалованным дипломами с гербами на дворянское достоинство Всероссийской империи и Царства Польского. СПб.: Тип. Сириус, 1911. 54 с.

11. Лукомский В. К., Тройницкий С. Н. Указатели к Высочайше утвержденным Общему гербовнику дворянских родов Всероссийской империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского. СПб.: Тип. Сената, 1910. 12 с.
12. Спрогис И. Я. Виленский центральный архив древних актов книг. Вильна: Губернская типография, 1901. 8 с.
13. Энгель А. Описание дел, хранящихся в архиве Виленского генерал-губернаторства. В 2 т. Т. 1. Ч. 1 (1783–1791). Вильна: Тип. М. Р. Ромма, 1869. 984 с.
14. Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2003. 680 с.
15. Козловский П. Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII– первой половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1982. 206 с.
16. Ерошкин Е. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
17. Думин С. В. Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Wroclaw, 1991. С. 23–46.
18. Смоленское дворянство / под науч. ред. С. В. Думина. М.: Изд-во Смолен. дворян. землячества, 1999. 45 с.
19. Dumin S., Górzyński S. Spis szlachty wylegitymowanej w guberniach Grodzieńskiej, Mińskiej, Mohulewskiej, Smoleńskiej i Witebskiej. Warszawa: Fundacja im. Ciechanowieckich, 1992. 112 s.
20. Луговцова С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Белоруссии в конце XVIII– первой половине XIX века. Минск: БГПУ им. М. Танка, 1997. 78 с.
21. Туміловіч Г. М. Дваранства Беларусі ў канцы XVIII– першай палове XIX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 1997. № 4. С. 54–57.
22. Анішчанка Я. К. Дваранскія выбары ў Полацкім намесніцтве 1789 г. // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 1992. № 3–4. С. 67–74.
23. Швед В. В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863). Гродна: ГрДУ, 2001. 415 с.
24. Сосна У. А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII– першай палове XIX ст. Мінск: БДУ, 2000. 115 с.
25. Касовіч В. Ф., Люты А. М. Гістарыяграфія і крыніцы сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі ў другой палове XVIII– першай палове XIX ст. Мінск: БДПУ, 1996. 93 с.
26. Люты А. М. Сацыяльна-эканамічнае развіццё ў Беларусі ў другой палове XVIII– першай палове XIX ст. Мінск: БДПУ, 2004. 320 с.
27. Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. У 2 ч. Мінск: РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с.
28. Dunin-Borkowski J. Almanach blekitny. Genealogie żyjących rodów polskich. Lwow: Ks. H. Altenberga, 1908. 767 s.
29. Dunin-Borkowski J. S. Genealogie utytułowanych rodów polskich. Lwow: Ks. H. Altenberga, 1895. 602 s.
30. Грабеньский В. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. 800 с.
31. Zychlinski T. Złota księga szlachty polskiej. 1–31, Poznań: J. Leitgeber, 1879–1908. Т. 7. 1885. 121 s.
32. Boniecki A. Herbarz Polski. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1899–1909. 13 t. Т. 13. 1909. 404 s.
33. Chrzański J. Tablice odmian herbowych Chrańskiego. Warszawa: Juliusz Ostrowski, 1909. 66 s.
34. Niesiecki K. Herbarz Polski. Lipsk: wyd. J. N. Bobrowicz, 1845. 679 s.
35. Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1904. 207 s.
36. Rychlinkowa J. Carat wobec polskiej szlachty na ziemiach zabranych w latach 1772–1831 r. // Kwartalnik historyczny. 1991. № 3. S. 34–57.
37. Sikorska-Kulesza J. Drobna szlachta w zachodniej Białorusi na Litwie w XIX w. Warszawa: AJAKS, 1990. 235 s.
38. Sikorska-Kulesza J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w. Warszawa: AJAKS, 1995. 304 s.
39. Zytkowicz L. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797. Wilno: Towarzystwo Przyjaciół Nauk w Wilnie, 1938. 264 s.
40. Konarski S. O heraldyce i heraldycznym snobizmie. Warszawa: Adiutor, 1992. 315 s.
41. Halecki O. Imperialism in Slavic and East European History // American Slavic East European Review. 1952. № 11. P. 1–26.

References

1. Romanovich-Slovatinskiy A. M. *Dvoryanstvo v Rossii* [Nobility in Russia]. Kiev, I. N. Knebel Publ., 1912. 324 p.
2. Korf S. A. *Dvoryanstvo i yego soslovnnoye upravleniye za stoletiy (1762–1855 gg.)* [The nobility and its estate management over the century (1762–1855)]. St. Petersburg, Tip. Trenke i Fryusno Publ., 1906. 168 p.

3. Yablochkov M. *Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii* [History of the nobility in Russia]. St. Petersburg, Tip. A. M. Kotomina Publ., 1876. 198 p.
4. Karnovich E. P. *Rodovyye prozvaniya i tituly v Rossii i sliyaniye inozemtsev s russkimi* [Family names and titles in Russia and the merger of foreigners with Russians]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1886. 249 p.
5. Dolgorukiy P. V. *Rossiyskaya rodoslovnaya kniga* [Russian genealogy book]. St. Petersburg, Tip. K. Vingebera Publ., 1854–1857. Part. 1. 550 p.
6. Lobanov-Rostovskiy A. B. *Russkaya rodoslovnaya kniga* [Russian genealogy book]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1895. 481 p.
7. Lakiyer A. B. *Russkaya geraldika* [Russian heraldry]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 432 p.
8. Bobrinskiy A. A. *Dvoryanskiye rody, vnesennyye v «Obshchiy gerbovnik Vserossiyskoy imperii»* [The noble birth brought into the “General Stamp of the All-Russian Empire”]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1890. Vol. 2. 798 p.
9. Vasil'yevich S. A. *Titulovannyye rody Rossiyskoy imperii* [The titled clans of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. t-va “Obshchestvennaya pol'za” Publ., 1910. 296 p.
10. Lukomskiy V. K., Troynitskiy S. N. *Spiski litsam, vysochayshe pozhalovannym diplomami s gerbami na dvoryanskoye dostoinstvo Vserossiyskoy imperii i Tsarstva Pol'skogo* [Lists to persons highly granted diplomas with emblems for the noble dignity of the All-Russian Empire and the Kingdom of Poland]. St. Petersburg, Tip. Sirius Publ., 1911. 54 p.
11. Lukomskiy V. K., Troynitskiy S. N. *Ukazateli k Vysochayshe utverzhennym Obshchemu gerbovniku dvoryanskikh rodov Vserossiyskoy imperii i Gerbovniku dvoryanskikh rodov Tsarstva Pol'skogo*. [Pointers to the highest approved general gerbovnik noble birth of the all-Russian empire and the gerbovnik noble birth of the Polisk kingdom] St. Petersburg, Tip. Senata Publ., 1910. 12 p.
12. Sprogis I. Y. *Vilenskiy tsentral'nyy arkhiv drevnikh aktovykh knig* [Vilensky Central Archive of Ancient Act Books]. Vil'na, Gubernskaya Tipografiya Publ., 1901. 8 p.
13. Engel' A. *Opisaniye del, khranyashchikhsya v arkhive Vilenskogo general-gubernatorstva* [Description of cases stored in the archives of the Vilna Governor General]. Vil'na, Tip. M. R. Romma Publ., 1869. Vol. 1 (1783–1791). 984 p.
14. Dovnar-Zapol'skiy M. V. *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk, Belarus' Publ., 2003. 680 p.
15. Kozlovskiy P. G. *Zemlevladieniye i zemlepol'zovaniye v Belorussii v XVIII– pervoy polovine XIX veka* [Land ownership and land use in Belarus in the XVIII – the first half of the XIX century]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1982. 206 p.
16. Yeroshkin E. P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevol'yutsionnoy Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983. 352 p.
17. Dumin S. V. Tatar princes in the Grand Duchy of Lithuania. *Acta Baltico-Slavica*. 1991, pp. 23–46.
18. Dumin S. V. *Smolenskoye dvoryanstvo* [Smolensk nobility]. Moscow, Izdatel'stvo Smolenskogo dvoryanskogo zemlyachestva Publ., 1999. 45 p.
19. Dumin S., Górzyński S. *Spis szlachty wylegitymowanej w guberniach Grodzińskiej, Mińskiej, Mohulewskiej, Smoleńskiej i Witebskiej* [List of ID cards in Grodno, Minsk, Mohilew, Smolensk and Vitebsk Governments]. Warsaw, Fund. Ciechanowieckich Publ., 1992. 112 s.
20. Lugovtsova S. L. *Politika rossiyskogo samodержавиya po otnosheniyu k dvoryanstvu Belorussii v kontse XVIII– pervoy polovine XIX veka* [The policy of the Russian autocracy in relation to the nobility of Belarus in the late XVIII– first half of the XIX century]. Minsk, BGPU im. M. Tanka Publ., 1997. 78 p.
21. Tumulovich G. M. Nobility of Belarus at the end of XVIII– the first half of the XIX century. *Biellaruski gistorychny chasopis* [Belarusian historical magazine], 1997, no. 4, pp. 54–57.
22. Anishchanka J. K. Noble governorship election in Polotsk 1789. *Viestsi Akademii navuk Bielarusi. Sieryya gramadskikh navuk* [News of the Academy of Sciences of Belarus. A series of social sciences], 1992, no. 3–4, pp. 67–74.
23. Shved V. V. *Pamizh Pol'shchay i Rasiyay: gramadska-palitychnaye zhytstse na zemlyakh Belarusi (1772–1863)* [Between Poland and Russia: Social and political life on the Belarusian land (1772–1863)]. Grodno, GrDU Publ., 2001. 415 p.
24. Sosna U. A. *Farmiravanne saslouna-grupavoga skladu syalyanstva Belarusi u kantsy XVIII– pershay palove XIX st.* [Formation of the caste-group composition of the peasantry of Belarus at the end of XVIII– first half of XIX century]. Minsk, BDU Publ., 2000. 115 p.
25. Kasovich V. F., Liuty A. M. *Gistoryyagrafiya i krynitsy satsyyal'na-ekanamichnaga razvitsystya Belarusi u drugoy palove XVIII– pershay palovye XIX st.* [Historiography and sources of socio-economic development of Belarus in the second half of XVIII– the first half of the XIX century]. Minsk, BDPU Publ., 1996. 93 p.

26. Liuty A. M. *Satsyyal'na-ekanamichnaye razvitstse u Belarusi u drugoy palove XVIII– piershay palove XIX st.* [Socio-economic development of Belarus in the second half of the eighteenth century – the first half of the XIX century]. Minsk, BDPU Publ., 2004. 320 p.
27. Jucho J. A. *Gistoryya dziarzhavy i prava Belarusi* [History of State and Law of Belarus]. Minsk, RIVSH BDU Publ., 2000. Vol. 1, 352 p.
28. Dunin-Borkowski J. *Almanach blue. Genealogies of living Polish pedigrees.* Lviv, H. Alteberg Publ., 1908. 767 s.
29. Dunin-Borkowski J. S. *Almanach blekitny. Genealogie zyjacych rodow polskich.* Lviv, H. Alteberg Publ., 1895. 602 s.
30. Graben'skiy V. *Istoriya pol'skogo naroda* [History of the Polish people]. Minsk, MFTSP Publ., 2006. 800 p.
31. Zychlinski T. *Zlota księga szlachty polskiej.* Poznań, J. Leitgeber Publ., 1875. Vol. 7. 121 s.
32. Boniecki A. *Herbarz Polski.* Warsaw, Gebethner and Wolff Publ., 1899–1909. Vol. 13. 404 s.
33. Chrzański J. *Tablice odmian herbowych Chrańskiego.* Warsaw, J. Ostrowski Publ., 1909. 66 s.
34. Niesiecki K. *Herbarz Polski.* Leipzig, ed. J. N. Bobrowicz Publ., 1845. 679 s.
35. Uruski S. *Herbarz szlachty polskiej.* Warsaw, Gebethner & Wolff Publ., 1904. 207 s.
36. Rychlinkowa J. Carat towards the Polish nobility in the lands taken in the years 1772–1831. *Kwartalnik historyczny.* 1991, no. 3, ss. 34–57.
37. Sikorska-Kulesza J. *Drobna szlachta w zachodniej Białorusi na Litwie w XIX w.* Warsaw, AJAKS Publ., 1990. 235 s.
38. Sikorska-Kulesza J. *Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX w.* Warsaw, AJAKS Publ., 1995. 304 s.
39. Zytkowicz L. *Rządy Repnina na Litwie w latach 1794–1797.* Vilnius, Towarzystwo Przyjaciół Nauk in Wilno Publ., 1938. 264 s.
40. Konarski S. *O heraldyce i heraldycznym snobizmie.* Warsaw, Adiutor Publ., 1992. 315 s.
41. Halecki O. Imperializm v slavyanskoj i vostochnoyevropejskoj istorii. *American Slavic East European Review.* 1952, no. 11, pp. 1–26.

Інфармацыя пра аўтара

Дамарад Аляксей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і палітологіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatolievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Пасмыніў 11.03.2020

УДК 271.4(476):940

Л. І. Масейчук

Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт

**РАЗВІЦЦЁ АДУКАЦЫЙНАЙ СІСТЭМЫ БАЗІЛІЯНСКАГА ОРДЭНА
Ў XVIII СТ.**

У артыкуле разглядаюцца розныя віды адукацыйных устаноў (навіцыята, сярэднія і парафіяльныя школы), якія дзейнічалі пад юрысдыкцыяй базіліянскага ордэна. Падкрэсліваецца, што школьная сістэма ордэна была пабудавана па ўзоры езуіцкай адукацыйнай мадэлі. У яе аснову быў пакладзены прынцып бясплатнасці і бессаслоўнасці. Вучняў навучалі гісторыі, эканоміцы, арыфметыцы, асновам геаметрыі, старажытна-габрэйскай і царкоўнаславянскай мовам. Да канца XVIII ст. сярэднія школы былі адкрыты пры 21 манастыры ордэна. Вышэйшыя курсы навук выкладаліся ў 14 школах.

Ключавыя словы: семінарскія заняткі, базіліянскі ордэн, уніяцкае святарства, гісторыя адукацыі.

L. I. Maseichuk

Belarusian State Medical University

**DEVELOPMENT OF THE BASILIAN EDUCATIONAL SYSTEM ORDER
IN XVIII CENTURY**

The article discusses the various types of educational institutions (novices, secondary and parish schools) operating under the jurisdiction of the Basilian Order. It is emphasized that the school system of the order was built on the model of the Jesuit educational model. It was based on the principle of free and wordlessness. Students were taught history, economics, arithmetic, the basics of geometry, ancient Hebrew and Church Slavonic languages. By the end of the XVIII century, high schools were opened at 21 convents of the order. Higher courses of science were taught in 14 schools.

Key words: seminars, colloquium, university, basilian order, uniate clergy, auditory lessons, history of education.

Уводзіны. З часу заснавання базіліянскага ордэна ў гісторыі беларускай асветы пачалася новая эпоха. Яна характарызувалася тым, што заснавальнікамі і арганізатарамі асветных сродкаў уніяцкай царквы з'яўляліся базіліяне.

Асновы адукацыйнай ідэалогіі ордэна заклаў уніяцкі мітрапаліт Іосіф Вельямін Руцкі (1613–1637). Ён лічыў, што ўніяцкія школы патрэбна ствараць па ўзоры езуіцкіх вучэбных устаноў на роўных з імі правах і прывілеях. У 1613 г. мітрапаліт заручыўся падтрымкай свецкіх улад, атрымаўшы ад караля Жыгімонта III (Вазы) (1587–1632) прывілей на заснаванне ўніяцкіх школ у Рэчы Паспалітай. У 1615 г. Іосіф Руцкі дамогся таго, што папа рымскі Павел V ураўнаў статус уніяцкіх школ з езуіцкімі.

Згодна з пастановамі, прынятымі на першай кангрэгацыі базіліянскага ордэна ў г. Навагрудку ў 1617 г. і зацверджанымі папам Урбанам VIII (1623–1644) у брэве «*Exponi nobis*» у 1631 г., за манахамі-базіліянамі было замацавана права выхавання і навучання свецкіх юнакоў, а таксама манастуючага ўніяцкага духавенства [1, с. 167].

У аснову адукацыйнай мадэлі быў пакладзены прынцып бясплатнасці і бессаслоўнасці. Аднак, у адрозненне ад езуіцкіх вучэльных, уніяцкія школы адчыняліся толькі пры базі-

ліянскіх кляштарх, паколькі, паводле пераканання Іосіфа Руцкага, ісціныя навуковыя веды павінны быць гарманічна аб'яднаны з рэлігійнасцю [2, с. 116].

З 1621 г. кожны член базіліянскага ордэна павінен быў прайсці курс навучання ў навіцыяце. Унутраны лад, распарадак і адукацыйны працэс навіцыята рэгламентаваліся папскай булай ад 19 сакавіка 1603 г. аб уладкаванні навіцыятаў для ўсіх манаскіх ордэнаў каталіцкай царквы «*De monachum ordines*» [3, с. 141].

Асноўная частка. У XVIII ст. навіцыята дзейнічалі пры кляштарх у Антопалі, Бярэзвічах, Вільні, Віцебску, Жыровічах, Лаўрышаве, Лядах, Полацку. Вучыліся ў іх 2–4 гады па адной з трох спецыяльнасцей: тэалогія (багаслоўства), філасофія, рыторыка [4, с. 59].

Навіцыі штодзённа прысутнічалі на набажэнствах, навучаліся грамаце і чытанню на царкоўнаславянскай мове і лаціне, пачатковым ведам у арыфметыцы, знаёміліся «з царкоўнымі абрадамі і цырымоніямі», акрамя таго, «практыкаваліся цялесна» [5, с. 452]. Фізічныя практыкаванні праходзілі ў закрытым для старонніх садзе. Наведвальнікі маглі прыходзіць да навіцыя і размаўляць з ім толькі з дазволу настаўніка (магістра), які прысутнічаў падчас

размовы. Выхад за межы навіцыята быў дазволена не часцей за адзін раз на тыдзень, абавязкова ў суправаджэнні магістра.

Вялікая ўвага надавалася моўнай падрыхтоўцы выхаванцаў, якія вывучалі лаціну, старажытнаўрэйскую, грэчаскую, царкоўнаславянскую, французскую і нямецкую мовы.

Выпускнікі навіцыята маглі працягваць адукацыю ў Віленскім, Венскім і Брунсбергскім алумнатах, а таксама ў Рымскай грэчаскай Афанасьеўскай калегіі, паколькі ў іх рознымі папскімі дэкрэтамі ўніятам было вылучана 20 месцаў. Тэрмін навучання ў вышэйпералічаных вучэбных установах для выпускнікоў навіцыятаў скаладаў усяго 2 гады [6, s. 31].

Правам засноўваць новыя школы-навіцыяты, праводзіць візітацыю дзейных навучальных устаноў валодаў глава базіліянскай кангрэгацыі – протаархімандрыйт.

Адукацыйная дзейнасць базіліян не абмяжоўвалася навучаннем паслушэнцаў. Пры кляштарных працавалі школы для свецкай моладзі, у якіх маглі навучацца і дзеці белага прыходскага кліру. Выхаванцы ў такіх навучальных установах разам са свабоднымі навукамі засвойвалі таксама і «навуку хрысціянскія» [4, s. 59]. Пачатковую адукацыю свецкія навучэнцы маглі атрымаць і ў малодшых класах манаскіх школ. Змешаныя школы функцыянавалі пры кляштарных у Вільні, Вярбілаве, Лядах, Талачыне [7, с. 96]. Навучанне ў такіх школах было пяцігадовым. Клас гуманітарных ведаў (2 гады навучання) быў абавязковым для ўсіх навучэнцаў. Пасля заканчэння першай ступені навучання паспяхова вучань, які жадаў прысвяціць сябе духоўнаму званню, мог перайсці ў клас рыторыкі (1 год), затым – у клас філасофіі або багаслоўства (працягласць навучання 2 гады).

У класе філасофіі выкладалі логіку, фізіку і курс метафізікі па працах Еўкліда; вывучалі філасофію Арыстоцеля і геаграфію. У класе багаслоўства, акрамя ўласна тэалагічных (Святога Пісання, маральнага багаслоўства, дагматычнай тэалогіі, кананічнага права і г. д.), выкладалі рукадзелле. Навучалі гісторыі, эканоміцы, арыфметыцы, асновам геаметрыі, старажытнаўрэйскай і царкоўнаславянскай мовам.

Важнае месца ў навучанні адводзілася рознага кшталту дыспутам. Яны праходзілі што тыдзень. На ўрачыстыя (пачатак і/або заканчэнне навучальнага года, царкоўныя святы і інш.) запрашаліся госці: гарадская адміністрацыя, прадстаўнікі епіскапата, настаяцелі ўніяцкіх кляштароў і інш. Распрацоўвалася да 40 палажэнняў, якія падлягалі абароне або абвяржэнню і абмяркоўваліся ў ходзе такога мерапрыемства [8].

Двойчы на год – да дня Святога Васілія і да пачатку навучання – багасловы і філосафы

складалі вершы на лаціне. Тройчы на год багасловы, філосафы і рытары прамаўлялі казанні ў трапезнай пры зборы ўсіх насельнікаў кляштара. Для багасловаў і летнія вакацыі доўжыліся 2 месяцы, для рытараў і гуманістаў – месяц. Зімовыя вакацыі пачыналіся з 20 снежня і заканчваліся ў дзень памяці Святога Васілія. Адпачывалі таксама на «сырнай», «страстнай» і «светлай» сядміцы і 3 дні на «Пяцідзясятніцу»; для малодшых класаў адпачынак быў карацейшы.

Сярэднія школы (канвікты), якія працавалі пры кляштарных у Барунах, Бярэзвічах і Жыровічах, рыхтавалі свецкую моладзь да дзяржаўнай службы. Да канца XVIII ст. сярэднія школы былі адчынены пры 21 кляштары ордэна. Вышэйшыя курсы навук выкладаліся ў 14 школах [8].

Прыходскія (пачатковыя) школы базіліяне адчынялі неохвотна, паколькі іх утрыманне цалкам клалася на кляштар, пры якім яны функцыянавалі. Тым не менш у другой палове XVIII ст. такія школы працавалі пры Кобрынскім, Ракаўскім, Антопальскім, Паддубінскім і Малашкоўскім базіліянскіх кляштарных. У такіх школах вучыліся, як правіла, дзеці збяднелай шляхты, прыходскага ўніяцкага духавенства і сялян. Вучняў навучалі чытанню і пісьму, асновам арыфметыкі і «хрысціянскай навуцы» [4, s. 59].

Паколькі базіліянскія школы (як свецкія, так і духоўныя) дзейнічалі пры кляштарных, то настаяцель выконваў абавязкі рэктара. Ён павінен быў сачыць за выкананнем вучэбнай праграмы і школьнага статута, клапаціцца пра фінансавы стан школы, здароўе выкладчыкаў і вучняў. З манахаў манастыра выбіраўся памочнік рэктара, які кантраляваў выкананне школьнага статута выкладчыкамі і вучнямі [2, с. 120].

Першапачаткова ва ўніяцкіх школах выкладалі выпускнікі езуіцкіх калегіумаў і Віленскай езуіцкай акадэміі («Almae Academia et Universitas Vilnensis Societatis Jesu»). Пазней, па меры развіцця грэка-каталіцкай адукацыйнай структуры, у школы пачалі прыходзіць выкладчыкі, якія скончылі базіліянскія навучальныя ўстановы. Большасць выкладчыкаў належала да базіліянскага ордэна. Разам з тым да работы ў свецкіх школах і школах змешанага тыпу прыцягваліся педагогі з міран.

Асабліва старанна базіліяне ставіліся да падрыхтоўкі і падбору настаўнікаў малодшых класаў навіцыятаў – магістраў. Магістрам мог стаць манах, не маладзейшы за 35 гадоў, член ордэна не меней за 10 гадоў, які меў пяцігадовую педагогічную практыку і рукапакладзены сан. Кандыдат на атрыманне прафесарскага звання павінен быў скончыць вышэйшую навучальную ўстанову і адпрацаваць на пасадзе

магістра не менш за два гады. Прафесарамі філасофіі, напрыклад, маглі быць толькі асобы, якія мелі вучоную ступень па філасофіі, каб «выкладанне іх было больш грунтоўнае, бяспечнае і цуралася памылак» [9, с. 169]. Прафесары былі абавязаны, акрамя выкладчыцкай дзейнасці (асабліва настаўнікі багаслоўства і філасофіі), прамаўляць казанні ў храмах. Прэ-тэндэнт на пасаду прафесара здаваў дзвюх-гадзінны экзамен, які складаўся з 40 пытанняў. Экзаменацыйныя пытанні не фармуляваліся загадзя і маглі датычыцца любога аспекту вучэбнай дысцыпліны. Да прафесараў дагматычнага багаслоўства па магчымасці прымацоўваліся 2 прафесары-памочнікі, адзін з якіх вытлумачваў Святое Пісанне і выкладаў старажытнаўрэйскую мову, другі тлумачыў святыя каноны [8].

Вялікую ўвагу базіліяне надавалі царкоўнай казані. На пасаду прапаведнікаў прызначаліся пераважна асобы, якія атрымалі вышэйшую багаслоўскую адукацыю ў папскіх алузнатах. Асобам, якія не атрымалі тэалагічнай адукацыі, прапаведваць забаранялася. Казані-экспромты пры набажэнствах не ўхваліліся.

Базіліяне выступалі супраць цялесных пакаранняў вучняў, але актыўна выкарыстоўвалі дысцыплінарныя меры: карцар, пазбаўленне шпацыру, начныя малітоўныя трыванні і інш. Педагогі былі знаёмыя з дыдактыкай І. Г. Песталоцы (1746–1827), у прыхадскіх школах часта практыкавалася сістэма ўзаеманавучання навучэнцаў [6, с. 34].

Паводле ацэкі польскага даследчыка Пидліпчак-Майяровіча М., у другой палове XVIII ст. базіліяне па колькасці школ і вучняў выйшлі ў

Рэчы Паспалітай на трэцяе месца пасля езуітаў і піяраў [6, с. 38]. Пасля забароны дзейнасці ордэна езуітаў (1773 г.) да базіліянаў перайшлі багатыя езуіцкія бібліятэкі, рэдкія фізічныя кабінеты і школы.

У юрысдыкцыі базіліянскага ордэна была і прафесійная падрыхтоўка прыходскага ўніяцкага духавенства. Аднак, нягледзячы на шматлікія намаганні базіліянскага ордэна, у гэтым накірунку на беларускіх землях да 40-х гг. XVIII ст. не існавала спецыялізаваных семінарый для белага грэка-каталіцкага святарства.

Заклучэнне. Такім чынам, да канца XVIII ст. пад юрысдыкцыяй базіліян функцыянавалі ўстойлівыя віды адукацыйных устаноў: навіцьяты, сярэднія і прыхадскія школы, у якіх навучаліся як манахі, так і свецкія вучні.

Высокі адукацыйны цэнз выкладчыцкага складу навіцьятаў і сярэдніх школ спрыяў увадзенню ў адукацыйны працэс перадавых для таго часу педагагічных практык: сістэмы ўзаеманавучання навучэнцаў, размеркавання вучэбнай нагрукі, папулярызацыі фізічнай культуры.

У адрозненне ад езуіцкай адукацыйнай мадэлі, узятай базіліянамі за аснову, уніяцкія школы адчыняліся толькі пры кляштарах, на кіраўніцтва якіх ускладаліся ўсе клопаты па навучальнай установе.

Практычна ўся адукацыйная структура базіліянскага ордэна стваралася ў першую чаргу для падрыхтоўкі сваіх членаў, прыцягнення новых адэптаў ва ўніяцкую царкву і навучання свецкіх шляхецкіх юнакоў. У меншай ступені базіліяне клапаціліся пра навучанне выхадцаў з мяшчан і сялян.

Літаратура

1. Климов С. Базилиане. Могилев: Могилев. гос. ун-т, 2011. 147 с.
2. Савич А. А. Западно-русские униатские школы XVII–XVIII веков // Труды Белорусского университета. 1922. № 2–3. С. 98–123.
3. Krasieński A. Prawo kanoniczne: krótko zebranie. Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1861. 354 p.
4. Kania J. Unickie seminarium diecezjalne w Chełmie w latach 1759–1833. Lublin: Wydaw. Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1993. 360 p.
5. Коялович М. О. История базилианского ордена // Христианское чтение. 1864 январь. С. 11–75; апрель. С. 419–464.
6. Pidlypczak-Majerowicz M. Bazylianie w koronie i na Litwie: szkoły i książki w działalności zakonu. Warszawa: Pol. Wydaw. Nar., 1986. 272 p.
7. Марозава С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі 1596–1893 гг. Гродна: Гродзен. дзярж. ун-т, 2001. 352 p.
8. Кечкин И. Обзор деятельности Базилианского ордена (OSBM) в области просвещения (1613–1772 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://history-mds.ru/konf_25_26_dek_2010/obzor_deyatelnosti (дата звароту: 02.02.2019).
9. Петров Н. Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше // Труды Киев. духов. акад. 1872. № 1. С. 3–85, 161–272.

References

1. Klimov S. *Baziliane* [Baziliane]. Mogilev, Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2011. 147 p.
2. Savich A. A. West Russian Uniate Schools of the 17th–18th centuries. *Trudy Belorusskogo universiteta* [Proceedings of the Belarusian University], 1922, no. 2–3, pp. 98–123 (In Russian).

3. Krasieński A. *Prawo kanoniczne: krótko zebranie*. Wilno, Druk. J. Zawadzkiego Publ., 1861. 354 p.
4. Kojalovich M. O. History of the Basilian Order. *Khristianskoye chteniye* [Christian reading], 1864, January, pp. 11–75; April, pp. 419–464 (In Russian).
5. Kania J. *Unickie seminarium diecezjalne w Chełmie w latach 1759–1833*. Lublin, Wydaw. Katolickiego Uniw. Lubelskiego Publ., 1993. 360 p.
6. Pidlypczak-Majerowicz M. *Bazylianie w koronie i na Litwie: szkoły i książki w działalności zakonu*. Warszawa, Pol. Wydaw. Nar. Publ., 1986. 272 p.
7. Marozava S. *Uniyatskaya tsarkva u etnakul'turnym razvitstsi Belarusi 1596–1893* [Uiate church in the ethno-cultural development of Belarus, 1596–1893]. Grodna, Grodzenski dzyarzh. universitet. Publ., 2001. 352 p.
8. Kechkin I. *Obzor deyatel'nosti Bazilianskogo ordena (OSBM) v oblasti prosvyashcheniya (1613–1772 gg.)* [Education Review of the Basilian Order (OSBM) (1613–1772)]. Available at: http://history-mda.ru/konf_25_26_dek_2010/obzor_deyatelnosti (accessed 02.02.2019).
9. Petrov N. Essay on the history of the Basilian Order in former Poland. *Trudy Kiyevskoy dukhovnoy akademii* [Proceedings of the Kiev Theological Academy], 1872, no. 1, pp. 3–85, 161–272 (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Масейчук Людміла Іванаўна – кандыдат гістарычных навук, выкладчык кафедры філасофіі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт (220116, г. Мінск, пр. Дзяржынскага, 83, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Lyudmila Ivanovna – PhD (History), lecturer, the Department of Philosophy and Political Science. Belarusian State Medical University (83, Dzerzhynskogo Ave., 220116, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Пасмыніў 21.02.2020

УДК 94(476):502.1

І. В. Пугач

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

**ІНСТЫТУЦЫЯНАЛЬНАЕ РАЗВІЦЦЁ ЛЯСНОЙ ВАРТЫ
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ
У 30-Я ГГ. ХІХ–ПАЧАТКУ ХХ СТ.**

Артыкул прысвечаны праблеме інстытуцыянальнага развіцця лясной варты на тэрыторыі беларускіх губерняў у 30-я гг. ХІХ–пачатку ХХ ст. У адзначаны перыяд лясныя рэсурсы ады-гrywалі адну з вядучых ролей у гаспадарчым жыцці краю. Прадукты лясной гаспадаркі актыўна выкарыстоўваліся ў якасці будаўнічых матэрыялаў, паліва, забяспечвалі патрэбы насельніцтва ў драўніне, накіроўваліся на экспарт і г. д. Да канца ХІХ ст. прыватнае лесаўладанне пакідалася па-за кантролем з боку дзяржавы. Таму значная частка адпаведнай нагрукі прыходзілася на казённых лясы. У сувязі з гэтым урад Расійскай імперыі ажыццяўляў шэраг захадаў па арганізацыі і ўдасканаленні аховы гэтай катэгорыі лясоў. Непасрэдна некаторыя лесагаспадарчыя функцыі, а таксама папярэджванне, выяўленне і спыненне самавольных высечак, наўмысных і ненаўмысных лясных пажараў ажыццяўляліся прадстаўнікамі інстытута лясной варты. У змесце артыкула адлюстраваны асноўныя захады ўрада ў дадзеным кірунку, а таксама прыведзена характарыстыка вядучых разнавіднасцей лясной варты, якія ахоўвалі казённых лясы Беларусі ў адзначаны перыяд. На падставе аналізу інфармацыі крыніц робіцца выснова пра паспяховасць інстытуцыянальнага развіцця лясной варты ў краі.

Ключавыя словы: ахова казённых лясоў, беларускія губерні, часовая лясная варта, пастаянная лясная варта, ваенна-лясная варта, стралкі стралковых батальёнаў, казённая лясная варта.

I. V. Pugach

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

**INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE FOREST GUARD
IN THE TERRITORY OF THE BELARUSSIAN PROVINCES
IN THE 30s XIXTH – EARLY XXTH CENTURY**

The article is devoted to the problem of the institutional development of the forest guard on the territory of the Belarusian provinces in the 30s of the XIXth – early XXth cent. During this period, forest resources played one of the most important roles in the economy of the region. Timber was actively used as building materials, fuel, provided the population with wood needs, was exported, etc. Until the end of the XIXth century, economic activity in private forests was not controlled by the state. Therefore, a significant part of the load fell on state forests. So the government of the Russian Empire took a number of measures to develop a state forest conservation system. Directly some forestry functions, prevention and disclosure of illegal logging, intentional and unintentional forest fires were carried out by representatives of the forest guard institute. The content of the article reflects the main measures of the government in this direction, gives a description of the types of forest guards that protected the state forests of Belarus in the noted period. Based on the analysis of information from the sources, a conclusion is drawn about the success of the institutional development of the forest guard in the region.

Key words: state forests protection, Belarusian provinces, temporary forest guard, permanent forest guard, military forest guard, shooters of the rifle battalions, state forest guard.

Уводзіны. Да канца 30-х гг. ХІХ ст. лясная варта, якая дзейнічала на тэрыторыі Расійскай імперыі ў цэлым і беларускіх губерняў у прыватнасці, насіла пераважна часовы характар. Большасць яе прадстаўнікоў абіраліся на сходах з асяроддзя дзяржаўных сялян на тэрмін ад 1 да 3 гадоў. Па заканчэнні тэрміну вартаўнікі вярталіся ў абшчыну, а ў варту прызначаліся новыя сяляне. Аднак абавязковы характар працы, адсутнасць узнагароды за яе і залежнасць ад сялянскай абшчыны абумоўлівалі няздольнасць часовай лясной варты да рэалізацыі эфектыўнага нагляду за лясамі на лакальным узроўні [1, с. 230].

Адзначанае абумоўлівала неабходнасць перагляду падыходаў да арганізацыі яе дзейнасці.

Асноўная частка. З улікам вышэйпералічанага, урад Расійскай імперыі ўзяў курс на рэфармаванне інстытута лясной варты. 28 снежня 1832 г. было прынята рашэнне аб утварэнні пастаяннай лясной варты [2]. Яна складалася з сем'яў пастаяннай лясной варты і аб'ездчыкаў, якія абіраліся з сямейных дзяржаўных сялян і сямейных адстаўных ваенных ніжэйшых чыноў. Тэрмін службы вартаўнікоў складаў 20 гадоў. Па стане здароўя ці за неналежных паводзіны яны маглі пакінуць пасаду датэрмінова. Прад-

стаўнікі пастаяннай лясной варты вызваліліся ад выплаты падаткаў і выканання павіннасцей. У кожнай сям'і, акрамя гаспадара, павінна было быць не менш за трох членаў мужчынскага полу, адзін з якіх – старэйшы за 50 гадоў, каб мог часова ахоўваць лясы, другі – ва ўзросце ад 20 да 35 гадоў для паступлення ў стралкі, а трэці, не маладзейшы за 12 гадоў прызначаўся ў дапамогу гаспадару. Калі сям'я не адпавядала гэтаму рэгламенту, патрабавалася наяўнасць аднаго, акрамя гаспадара, яе члена, здольнага да службы ў стралках і аднаго малалетняга. У дапамогу такой сям'і прызначаўся палясоўшчык, які знаходзіўся на ўтрыманні гаспадара двара. Пры ўстанаўленні лясной варты перавага аддавалася сем'ям, у якіх хаця б адзін з членаў быў пісьменным. За стралкамі пастаяннай лясной варты і аб'ездчыкамі замацоўваліся абыходы і аб'езды адпаведна. Абавязкі стралкоў заключаліся ў ахове лясоў ад самавольных высечак, пажараў, незаконнага выпасу жывёлы, зборы ляснога насення, сеяння, садцы і клеймаванні дрэў і г. д. Да функцый аб'ездчыкаў адносіліся кантроль за выкананнем сем'ямі пастаяннай лясной варты сваіх абавязкаў, забеспячэнне іх абмундзіраваннем і жалаваннем, нагляд за даручанымі аб'ездамі і недапушчэнне парушэнняў ляснога заканадаўства. Для пясалення сям'і лясной варты з сямейных дзяржаўных сялян з казны вылучалася 100 руб., а з адстаўных ніжэйшых чыноў – 200 руб. На тэрыторыі беларускіх губерняў вартаўнікам адводзіліся зямельныя ўчасткі ад 12 да 40 дзес. у залежнасці ад мясцовых умоў. Іх заробак складаў 15 руб. у год [3, арк. 218–222; 4, арк. 8 адв.; 5, арк. 57].

Першапачаткова пастаянная лясная варта засноўвалася ў Санкт-Пецярбургскай, Маскоўскай, Варонежскай і Кацярынаслаўскай губернях, а затым з улікам атрыманага вопыту ў астатніх губернях. Важным крокам у яе арганізацыі на тэрыторыі беларускіх губерняў стала выданне Міністэрствам дзяржаўных маёмасцей прадпісання ад 30 верасня 1842 г. «О предположении о водворении постоянной лесной стражи в Западных губерниях и Белостокской области» [3, арк. 192–192 адв.]. У адпаведнасці з яго зместам мясцовыя палаты дзяржаўных маёмасцей павінны былі выказаць свае меркаванні па аптымізацыі ўстанаўлення пастаяннай лясной варты і перадаць іх II Дэпартаменту дзяржаўных маёмасцей, да юрысдыкцыі якога адносілася каардынацыя аховы лясоў краю.

З мэтай павышэння эфектыўнасці аховы казённых лясоў 13 лютага 1846 г. быў выдадзены закон, які прадугледжваў, працягваючы фармаванне пастаяннай лясной варты, стварэнне ваенна-лясной варты на добраахвотнай аснове з адстаўных ніжэйшых чыноў і чыноў, што

знаходзіліся ў бестэрміновым адпачынку [3, арк. 23–27; 6]. Кожнаму ваенна-лясному вартаўніку даручаўся абыход згодна з мерамі абыходаў, прынятай для стралкоў пастаяннай лясной варты. Па сутнасці яны мелі такія ж правы і прывілеі, якімі карысталіся і прадстаўнікі пастаяннай лясной варты. У межах даручаных абыходаў для вартаўнікоў узводзіліся жыллыя хаты. Акрамя таго, вартаўнікі атрымлівалі надзелы ворнай зямлі плошчай ад 0,5 да 1 дзес. і ўчасткі для выпасу жывёлы і пакошу. Прадпісаннем ад 28 лютага 1855 г. плошча апошніх вызначалася ў межах 1–3 дзес. [7, арк. 53–54 адв.]. На даручаных абыходах вартаўнікі мелі права збіраць плады і паляваць. Для набыцця разнастайных прыстасаванняў для дома было прадугледжана вылучэнне такой жа сумы, якая прызначалася на кожны двор пастаяннай лясной варты. Жалаванне ваенна-лясных вартаўнікоў складала 15 руб. у год. Да таго ж ім дазвалялася ўсынаўляць гадаванцаў выхаваўчых дамоў па тых жа правілах, як і для дзяржаўных сялян, а таксама перадаваць дзецям пасаду разам з гаспадаркай.

З першай паловы 1850-х гг. прымаліся захады па камплектаванні складу лясной варты ніжнімі чынамі стралковых батальёнаў, якія праслужылі 15 гадоў з тым, каб астатні тэрмін даслужыць у лясным ведамстве. Пры ўладкаванні іх надзялялі 1 дзес. зямлі і нармаваным харчовым забеспячэннем [8, с. 11]. На пабудову і абсталяванне іх дамоў вылучалася сума ў 200 руб. [3, арк. 139]. З паступленнем у лясную варту унтэр-афіцэры на добраахвотнай аснове прызначаліся ў якасці аб'ездчыкаў, а радавыя – стралкамі [8, с. 5]. Каб пазбегнуць адцягвання ад аховы лясоў, стралкі вызваліліся ад вучэбных вайсковых збораў [8, с. 7]. Па заканчэнні тэрміну службы ў лясной варце стралкі маглі быць адпраўлены ў адстаўку ці застацца ляснымі вартаўнікамі і атрымліваць павялічанае на 50% жалаванне [8, с. 8].

Галоўнымі абавязкамі прадстаўнікоў усіх тыпаў лясной варты былі ахова лясоў ад самавольных высечак, пажараў, расчышчэнне і ўзнаўленне некаторых лясных межаў, улік высечанага лесу, збор драўнянага насення і г. д. [2; 3, арк. 139; 6; 8, с. 17–32]. За неналежае выкананне сваіх абавязкаў лясныя вартаўнікі падлягалі адпаведнай адказнасці. За крымінальныя і службовыя злачынствы чыны лясной варты перадаваліся ваеннаму суду [8, с. 32].

Трэба адзначыць, што Міністэрства дзяржаўных маёмасцей не здолела своечасова сфармаваць пастаянную лясную варту ў беларускіх губернях. Так, у 1846 г. яе ўдзельная вага на тэрыторыі Беларусі складала 9,6%. Найбольшы паказчык быў у Гродзенскай губерні (каля 19%), а найменшы – у Магілёўскай (каля 5%). Пры гэтым у Гродзенскай губерні ў адзначаныя

гады захоўваліся пасады лясной варты, якія былі характэрны яшчэ для перыяду ўваходжання краю ў склад Рэчы Паспалітай. У 1846 г. тут было 44 т. зв. «стражніков», якія выконвалі функцыі, адпаведныя функцыям аб'ездчыкаў, і 123 асочнікі, абавязкі якіх былі падобныя да абавязкаў палясоўшчыкаў, ці 13,97% ад агульнай колькасці вартаўнікоў губерні [падлічана: 9]. Гэта прывяло да выдання шэрагу прадпісанняў і загадаў для выпраўлення сітуацыі [3, арк. 12–14, 62; 4, арк. 11 адв.; 10, арк. 218–219]. Асноўны іх змест быў накіраваны на актывізацыю дзейнасці мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання па тлумачэнні адпаведным катэгорыям насельніцтва ўсіх прадугледжаных заканадаўствам прывілеяў, зніжэнне патрабаванняў да кандыдатаў і іх сем'яў і г. д. Нягледзячы на гэтыя захады, фармаванне лясной варты зацягвалася. Кадравая сітуацыя абвастралася з-за прызыву на абавязковую службу бестэрмінова-адпускных чыноў у 1848 г. у сувязі з рэвалюцыйнымі падзеямі ў краінах Еўропы. Згодна з ведамасцю аб колькасці ніжэйшых чыноў, якія праслужылі 20 гадоў і знаходзіліся ў бестэрміновым адпачынку, у Гродзенскай губерні такіх было 235 чал., Магілёўскай – 244 чал., Віцебскай – 251 чал., Віленскай – 278 чал. і Мінскай – 287 чал. [3, арк. 66, 71 адв.]. Умацаванне лясной варты стралкамі стралковых батальёнаў было парушана ў сувязі з Крымскай вайной. 27 мая 1854 г. міністр дзяржаўных маёмасцей прадпісаў умацніць фармаванне ваенна-лясной і пастаяннай лясной варты [3, арк. 170–170 адв.]. Нягледзячы на гэта, засталіся вакансіі вартаўнікоў. У 1856–1857 гг. доля рэфармаванай варты ў краі складала 17,1%. Найбольшы адпаведны паказчык быў характэрны для Мінскай губерні (каля 22,14%), а найменшы – для Віленскай (каля 9%) [падлічана: 9].

Трэба сказаць, што часам ад сялян паступалі скаргі на парушэнне правілаў фармавання пастаяннай лясной варты. У сувязі з гэтым прадпісаннем ад 8 жніўня 1847 г. на палаты дзяржаўных маёмасцей ускладалася адказнасць за любое адступленне ад правілаў устанавлення пастаяннай лясной варты [3, арк. 17]. Рэфармаванне лясной варты было запавольнена і парушэннямі, на якія ўказвалі ў сваіх гадавых справаздачах віцэ-інспектары Корпуса ляснічых. Так, яны ўстанавілі, што некаторыя дамы лясной варты былі непрыдатнымі для жыцця, а некаторыя сем'і вартаўнікоў жылі ў беднасці з-за недахопу вылучаных зямель. У сувязі з гэтым віцэ-інспектары былі ўпаўнаважаны рабіць распараджэнні аб ліквідацыі недахопаў і запавольненні у палатах дзяржаўных маёмасцей суму да 500 руб. з наступным кампенсаваннем гэтай сумы вінаватымі [3, арк. 171–172 адв.]. Харак-

тэрныя для беларускіх губерняў нізкія тэмпы рэфармавання лясной варты абумовілі захаванне вялікай колькасці палясоўшчыкаў. Гэта прадвызначала наяўнасць пэўных нормаў, якія рэгулявалі іх становішча ў новай кан'юнктуры. Аб гэтым сведчыць шэраг загадаў і прадпісанняў, накіраваных на засяроджванне ўвагі адказнымі органамі дзяржаўнага кіравання і ляснымі чыноўнікамі на належным забеспячэнні, ладзе жыцця палясоўшчыкаў, а таксама на кантролі выканання ўскладзеных на іх абавязкаў [2, арк. 9–11; 4, арк. 11 адв.; 7, арк. 40]. Так, калі ў 1846 г. у краі доля нерэфармаванай варты дасягала каля 90% (каля 71% ад усёй колькасці вартаўнікоў складалі палясоўшчыкі), то ў 1856–1857 гг. – прыблізна 83% (каля 65% ад усёй колькасці вартаўнікоў складалі палясоўшчыкі) [падлічана: 9]. Такім чынам, урад здолеў дасягнуць пэўных поспехаў у рэфармаванні лясной варты ў краі ў 40-х – канцы 50-х гг. XIX ст. Аднак яна захоўвала шматукладны і ў значнай ступені часовы характар, што з'яўлялася істотнай акалічнасцю, якая стрымлівала рост эфектыўнасці аховы казённых лясеняў.

Наступны крок па ўдасканаленні інстытута лясной варты быў здзейснены ўрадам 3 чэрвеня 1869 г. і выявіўся ў выданні «Положения о лесной страже в казённых лесах» [11]. З гэтага часу яна складалася з аб'ездчыкаў і леснікоў. Колькасць варты ў кожным лясніцтве вызначалася на падставе прадстаўленняў мясцовых упраўленняў і зацвярджалася міністрам дзяржаўных маёмасцей. У лясную варту маглі паступаць асобы ўсіх саслоўяў старэйшыя за 21 год, віталася пісьменнасць. Па меры ўстанавлення новага тыпу варты на месцах прадстаўнікі іншых тыпаў спынялі сваю дзейнасць. Пры гэтым калі былыя лясныя вартаўнікі бездакорна неслі службу і адпавядалі патрабаванням, то яны маглі быць прыняты ў склад казёнай лясной варты. Для тых вартаўнікоў, хто не жадаў працяваць службу, былі прадугледжаны надзяленне ўчасткамі зямлі, пэўныя ільготы ад выканання дзяржаўных падаткаў, рэкруцкай павіннасці, пры ўзносе выкупных плаццяжоў і г. д. Аб'ездчыкам прызначалася плата ад 150 да 200 руб. у год з абавязкам утрымліваць на свой кошт каня, а леснікам – ад 60 да 90 руб. У 1896 г. максімальны заробак аб'ездчыкаў павялічыўся да 250 руб. у год, а леснікоў – 100 руб. у год. Памер платы вызначаўся зыходзячы са ступені цяжкасці аховы даручаных лясцоў і патрэб вартаўнікоў. Плата магла прызначацца ці толькі грашыма, ці грашыма і зямлёй. Пры гэтым плошча зямельных надзелаў не павінна была перавышаць 20 дзес. на кожнага вартаўніка. Ацэнка зямлі вызначалася па сярэдняй арэнднай плаце з дзесяціны ў пэўнай мясцовасці. Павелічэнне даходу з адведзенага аб'ездчыку ці

лесніку ўчастка зямлі не магло быць нагодай для змянення прызначанага яму пры паступленні на службу грашовага акладу. Акрамя таго, вартаўнікі абавязкова забяспечваліся зямельнымі надзеламі ў 1,5 дзес. пад дом і сядзібу. Пры неабходнасці будаваліся лазня, канюшня, свіран, хлеў і склеп. Будаўніцтва і рамонт дамоў і дваровых пабудоў ажыццяўляліся за кошт казны. Пры гэтым чынам варты дазвалялася ўзводзіць і іншыя будынкi ў межах сядзібы за свой кошт. Па звальненні са службы вартаўнікі абавязаны былі пакідаць прыбудовы ў распараджэнне ляснога ведамства без кампенсацыі. Тыя прадстаўнікі лясной варты, якія не забяспечваліся дамамі, атрымлівалі кватэрныя грошы ў памеры 18 руб. штогод. Дом і зямельны ўчастак, складаючы ўласнасць казны, прызначаліся для карыстання чыноў варты толькі на тэрмін службы. Усе аб'ездчыкі і леснікі забяспечваліся стрэльбамі ад казны. За іх належным станам павінны былі сачыць ляснічыя. Пры прызначэнні на службу чыны лясной варты прыводзіліся да прысягі міравым суддзёй, пасля чаго лічыліся дзяржаўнымі служачымі. Да рэалізацыі судовай рэформы і ўзнікнення міравых суддзяў на тэрыторыі Беларусі чыны варты прыводзіліся да прысягі ў павятовых судах. Аб'ездчыкі і леснікі на ўвесь час службы асабіста вызваляліся ад выканання натуральных мірскіх павіннасцей. Аб'ездчыкам і леснікам, якія атрымалі пры выкананні сваіх службовых абавязкаў цяжкія раны і калецтвы, а ў выпадку гвалтоўнай смерці – іх сем'ям выдавалася грашовае дапамога. Недабранадзейныя чыны лясной варты неадкладна звальняліся са службы. У выпадку, калі вартаўнікі прымалі рашэнне пакінуць службу па ўласным жаданні, яны былі абавязаны не пазней як за месяц папярэдзіць пра гэта ляснічага. Для аптымальнага размеркавання абавязкаў і нагрузкі сярод вартаўнікоў, лясніцтвы падзяляліся на абыходы і аб'езды. Леснікі павінны былі ведаць межы сваіх абыходаў, ахоўваць участкі ад незаконных захопаў, вынішчэння межавых і лесагаспа-

дарчых знакаў, ад пажараў, несанкцыянаваных высечак, несанкцыянаваных выпасу жывёлы і пакосу травы, весці ўлік нарыхтаваных леса-матэрыялаў і г. д. Аб усялякіх парушэннях леснікі павінны былі даносіць аб'ездчыку ці ляснічаму. Аб'ездчыкі былі абавязаны ведаць і ахоўваць межы сваіх аб'ездаў, сачыць за выкананнем леснікамі іх абавязкаў, улічваць асабіста і правяраць улікі леснікоў па лясных нарыхтоўках, не дапускаць і праследваць усялякія парушэнні [12, арк. 1–5; 11; 13–15].

Характар уладкавання і забеспячэння казёнай лясной варты рабілі яе даволі эфектыўным інструментам органаў дзяржаўнага кіравання ў справе аховы лясоў. Да канца 70-х гг. XIX ст. лясная варта, якая дзейнічала на тэрыторыі беларускіх губерняў, была цалкам сфармавана па палажэнні 3 чэрвеня 1869 г. Трэба адзначыць, што лясная варта магла ўзмацняцца часовамі вартаўнікамі. У беларускіх губернях у канцы XIX–пачатку XX ст. яны складалі каля 2% ад усёй колькасці варты. Пры гэтым паказчык лясной варты новага ўзору для Расійскай імперыі вагаўся ад 77% у 1892 г. да 86% у 1907 г. У той жа час доля казёнай лясной варты на тэрыторыі Беларусі складала 98%. Гэтая акалічнасць можа сведчыць пра адносна высокі ўзровень развіцця інстытута лясной варты ў Беларусі. Можна меркаваць, што такі высокі паказчык быў прадвызначаны істотным паляпшэннем умоў уладкавання і працы лясной варты, з аднаго боку, і яе дастатковым колькасным складам з іншага [11; 12, арк. 1–5; 16, с. 2–5; 17, с. 30–34].

Заклучэнне. Такім чынам, на працягу разглядаемага перыяду лясная варта, якая ажыццяўляла дзейнасць па ахове лясоў на тэрыторыі беларускіх губерняў, прайшла значны шлях інстытуцыянальнага развіцця. Шэраг мерапрыемстваў, рэалізаваных урадам ў адпаведным кірунку, стварыў неабходныя ўмовы для пераадолення часовага і шматукладнага характару арганізацыі інстытута і пераўтварыў яго ў даволі стабільны, дасканалы і аўтаномны інструмент органаў дзяржаўнага кіравання ў справе аховы лясоў.

Літаратура

1. Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1895. 403 с.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 2-е собр. Т. 7. Отд. 1. № 5869. С. 943–956.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Мінску (НГАБ). Ф. 27. Воп. 1. Спр. 44.
4. НГАБ. Ф. 2514. Воп. 1. Спр. 1348.
5. НГАБ. Ф. 2514. Воп. 1. Спр. 1895.
6. ПСЗРИ. 2-е собр. Т. 21. Отд. 1. № 19725. С. 247–248.
7. НГАБ. Ф. 2189. Воп. 1. Спр. 322.
8. Положение о комплектовании стрелковых батальонов кантонистами лесной стражи и о комплектовании сей последней нижними чинами стрелковых батальонов. СПб.: Военная типография, 1851. 36 с.
9. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. Ф. 387. Воп. 28. Спр. 1289, арк. 49; 1290, арк. 59; 1292, арк. 44; 1293, арк. 31; 1312, арк. 84; 1313, арк. 114–115; 1340, арк. 67; 1341, арк. 63–64; 1343, арк. 52; 1344, арк. 54.

10. НГАБ. Ф. 2514. Воп. 1. Спр. 221.
11. ПСЗРИ. 2-е собр. Т. 44. Отд. 1. № 47188. С. 592–594.
12. НГАБ. Ф. 27. Воп. 2. Спр. 604.
13. ПСЗРИ. 2-е собр. Т. 44. Отд. 1. № 46612. С. 45–46.
14. ПСЗРИ. 2-е собр. Т. 44. Отд. 1. № 47586. С. 222–224.
15. ПСЗРИ. 2-е собр. Т. 44. Отд. 1. № 47587. С. 224–225.
16. Ведомость № 2 «Данные за 1892 год, по губерниям, о числе лесничих, помощников лесничих, и лесной стражи и о количестве земельного надела и квартирного их довольствия» // Отчет по лесному управлению Министерства государственных имуществ за 1892 год. Составлен V отделением Лесного департамента. СПб.: Типография Морского министерства в главном Адмиралтействе, 1893. 5 с.
17. Приложение к отчету по лесному управлению за 1907 год // Отчет по лесному управлению за 1907 год. Составлен V отделением Лесного департамента. СПб.: Типолитография Ю. Я. Римана, 1909. 489 с.

References

1. Arnol'd F. K. *Istoriya lesovodstva v Rossii, Frantsii i Germanii* [History of forestry in Russia, France and Germany]. St. Petersburg, Izdaniye A. F. Marksa Publ., 1895. 403 p.
2. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 7. Part 1, no. 5869, pp. 943–956 (In Russian).
3. National Historical Archive of Belarus (NHAB). Fund 27. I. 1. F. 44.
4. NHAB. Fund 2514. I. 1. F. 1348.
5. NHAB. Fund 2514. I. 1. F. 1895.
6. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 21. Part 1, no. 19725, pp. 247–248 (In Russian).
7. NHAB. Fund 2189. I. 1. F. 322.
8. *Polozheniye o komplektovanii strelkovykh batal'onov kantonistami lesnoy strazhi i o komplektovanii sey posledney nizhnimi chinami strelkovykh batal'onov* [Regulation on the acquisition of infantry battalions by the contonists of the forest guard on the acquisition of this last lower rants of infantry battalions]. St. Petersburg, Voennaya tipografiya Publ., 1851. 36 p.
9. Russian State Historical Archive. Fund. 387. I. 28. F. 1289, sh. 49; 1290, sh. 59; 1292, sh. 44; 1293, sh. 31; 1312, sh. 84; 1313, sh. 114–115; 1340, sh. 67; 1341, sh. 63–64; 1343, sh. 52; 1344, sh. 54.
10. NHAB. Fund 2514. I. 1. F. 221.
11. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 44. Part 1, no. 47188, pp. 592–594 (In Russian).
12. NHAB. Fund 27. I. 2. F. 604.
13. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 44. Part 1, no. 46612, pp. 45–46 (In Russian).
14. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 44. Part 1, no. 47586, pp. 222–224 (In Russian).
15. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 44. Part 1, no. 47587, pp. 224–225 (In Russian).
16. Register no. 2 “Data for 1892, by province, on the number of foresters, forestry assistants, and forest guards and on the number of land allotment and their apartment allowance”. *Otchet po lesnomu upravleniyu Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv za 1892 god. Sostavlenn V otdeleniyem Lesnogo departamenta* [Forest Management Report of the Ministry of State Property for 1892. Compiled by the V branch of the Forestry Department]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva v glavnom Admiralteystve Publ., 1893. 5 p.
17. Supplement to the report on forest management for 1907. *Otchet po lesnomu upravleniyu za 1907 god. Sostavlenn V otdeleniyem Lesnogo departamenta* [Forest Management for the 1907. Compiled by the V branch of the Forestry Department]. St. Petersburg, Tipolitografiya Yu. Ya. Rimana Publ., 1909. 489 p.

Інфармацыя пра аўтара

Пугач Іван Валянцінавіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі і славянскіх народаў. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка (220030, г. Мінск, вул. Савецкая, 18, Рэспубліка Беларусь). E-mail: pugach_ivan@mail.ru

About the author

Pugach Ivan Valiantsinavich – PhD student, the Department of History of Belarus and Slavic Peoples. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18, Savetskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pugach_ivan@mail.ru

Паступіў 19.02.2020

УДК 378(476)(091)«18/19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ПРЕПОДАВАТЕЛИ УЧИТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ
ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX– НАЧАЛО XX В.)**

В статье рассматривается социальный и правовой статус преподавателей учительских институтов Виленского учебного округа во второй половине XIX – начале XX в. На основе использования нормативно-правовых актов, архивных материалов, статистических данных (отчетов), материалов периодической печати анализируется профессионально-педагогическая подготовка преподавательских кадров и численный состав служащих. Показана деятельность педагогов и педагогического совета в организации учебно-воспитательного процесса, права и должностные обязанности директоров и преподавателей, уровень их материальной обеспеченности, система оплаты труда и др. Уделяется внимание общественно-политической деятельности педагогов, а также их научно-исследовательской работе и публикаторской активности.

Ключевые слова: учительский институт, Виленский учебный округ, преподаватель, учебное заведение, учебно-воспитательный процесс.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**TEACHERS OF TEACHERS' INSTITUTES
OF THE VILNA EDUCATIONAL INSTITUTE DISTRICTS
(THE SECOND HALF OF THE XIX– EARLY XX CENTURIES)**

The article considers the social and legal status of teachers of teacher training institutes of the Vilna school district in the second half of the XIX – early XX centuries. based on the use of legal acts, archival materials, statistical data (reports), materials of the periodical press, etc. the professional and pedagogical training of teaching staff and the number of employees is analyzed. The article shows the activity of teachers and the pedagogical Council in the organization of the educational process, the rights and duties of Directors and teachers, the level of their material security, the system of remuneration, etc. attention is Paid to the socio-political activities of teachers, as well as their research and publishing activities.

Key words: teachers Institute, Vilna educational district, teacher, educational institution, educational process.

Введение. Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. создали благоприятные условия для модернизации всех сфер жизни российского государства. Но сохранявшаяся культурная отсталость сдерживала социально-экономический прогресс страны на фоне стремительного развития многих западноевропейских государств. «Все нации осознают теперь истину, что их будущая судьба, их промышленное и торговое благосостояние зависят в первую очередь от того, насколько широко и свободно поставлено дело народного образования», – подчеркивалось в докладе английской комиссии по исследованию просвещения в Германии. На повестке дня царского правительства стояла задача широкого развития профессионального образования и повышение грамотности населения. Школьная реформа неизбежно выявила проблему обеспечения старых и новых типов учебных заведений педагогическими кадрами, без решения которой невозможно было создание эффективной школьной системы и решение задачи всеобщего обучения.

История педагогического образования Беларуси неразрывно связана с деятельностью учительских институтов, которые были созданы и действовали на территории Виленского учебного округа во второй половине XIX – начале XX в. До настоящего времени не предпринималось попыток специального исследования условий жизни и труда преподавателей учительских институтов Беларуси рассматриваемого периода, весь накопленный материал незначителен по объему и носит лишь фрагментарный характер. Поэтому актуальным является анализ деятельности людей, которые внесли значительный вклад в развитие системы педагогического образования и профессиональной подготовки учительских кадров.

Основная часть. Во второй половине XIX в. на территории Беларуси быстрыми темпами увеличивалось количество учебных заведений различных типов. Но цельной системы высшего и среднего педагогического образования так и не было создано. В этот

период новым типом учебных заведений становятся учительские институты, которые учреждались с целью подготовки учителей для городских училищ, созданных в 1872 г. На повестку дня остро встала проблема обеспечения их необходимыми учительскими кадрами, которая изначально решалась как за счет педагогов с высшим образованием, которые присылались из центральных российских губерний, так и через рекрутирование наиболее способных выпускников средних учебных заведений.

На территории Российской империи первые учительские институты в Санкт-Петербурге и Москве были созданы в 1872 г. В 1873–1874 гг. на территории Виленского учебного округа были созданы Виленский еврейский учительский институт для подготовки преподавателей в еврейские училища и Виленский русский учительский институт для подготовки педагогов в городские училища. В 1879 г. в масштабах страны их количество увеличилось до 10 и до конца XIX в. оставалось неизменным. За это время они подготовили 2249 учителей для городских училищ [1, с. 187]. Новый, третий по счету на территории Виленского учебного округа, учительский институт был открыт в Витебске в 1910 г., несколько позже, в 1913 г. – в Могилеве и в 1914 г. – в Минске.

Согласно Положению 1872 г. учительские институты объявлялись закрытыми учебными заведениями с трехгодичным сроком обучения, в которые принимались лица всех сословий (всего обучалось 75 человек). Эти учебные заведения находились в ведении попечителя округа и содержались за казенный счет. Штат служащих состоял из следующих должностных лиц: директора, законоучителя, преподавателей наук, черчения, рисования и чистописания, учителей пения и гимнастики, врача, эконома и письмоводителя [2, с. 1088–1089].

В «Инструкции о порядке управления учительскими институтами», утвержденной министром народного просвещения 1 июня 1976 г., были определены все права и должностные обязанности всех служащих. Директор и штатные преподаватели избирались «из лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях и известных своею опытностью в начальном обучении». Образовательный уровень педагогов был действительно высоким. Именной список преподавателей Витебского учительского института за 1911 г. подтверждает это: например, директор Тихомиров К. И. и учитель русского языка Зорин Н. И. окончили Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель естествоведения и физики Попов В. И. – Санкт-Петербургский университет, истории и географии Леонардов Д. С. – Киевскую духовную

академию, графических искусств Рохлин Д. И. – Московское строгановское училище, пения Смирнов П. И. – Московское симфоническое училище, гимнастики Куделько И. О. – Санкт-Петербургское юнкерское училище [3, л. 38]. Не вызывал никакого сомнения и образовательный ценз преподавателей Минского учительского института. Большая роль в формировании штата служащих этого учебного заведения принадлежала директору Степуро Д. А. Например, он в докладной записке на имя попечителя округа рекомендовал утвердить на должность учителя математики «достаточно серьезного и знающего» специалиста с высшим образованием И. Самойло. Чтобы «упрочить хорошую постановку преподавания» рисования и черчения в институте, директор просил назначить на эту должность Д. Полозова, выпускника Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств, который «заявил себя весьма способным преподавателем, умеющим заинтересовать своим предметом воспитанников института» [4, л. 2, 34, 49].

Директор назначался попечителем учебного округа и утверждался в должности министром народного просвещения. В своей деятельности по управлению институтом он пользовался всеми правами, предоставляемыми директорам гимназий Министерства народного просвещения. На его возлагалась полная ответственность за «благосостояние» института и училища «по всем частям». Директор обязан был следить за преподаванием всех предметов и вести бдительный надзор за воспитанниками. Как правило, он преподавал педагогику, но с разрешения попечителя округа имел право по своему выбору вести и другой предмет. Директор являлся членом попечительского совета и председательствовал на заседании педагогического совета института [5, с. 1095].

Законоучитель избирался директором преимущественно из лиц, окончивших курс в духовных академиях и имевших опыт в преподавании Закона Божия и, по соглашению с епархиальным начальством, утверждался на должность попечителем Виленского учебного округа. В его обязанность входило преподавание Закона Божия. Штатные преподаватели наук, черчения, рисования и чистописания, а также врач назначались директором и утверждались попечителем. Эконома и письмоводителя определял и увольнял непосредственно директор.

В обязанность учителей входило преподавание предметов согласно расписанию. Они должны были знакомить воспитанников с методами обучения, приучать их к самостоятельности, присутствовать на практических занятиях учащихся, делать их анализ и докладывать совету

«мнения о преподавательских способностях воспитанников». Педагоги вели постоянный надзор за посещением занятий, успехами и поведением воспитанников. Они должны были «развивать и укреплять в воспитанниках нравственно-христианские убеждения, чувство долга, чести, справедливости, законности, патриотизма и, наконец, правильное понятие о важности их педагогического призвания». Классные наставники и дежурные воспитатели вели кондуктивный журнал, в котором по установленной форме фиксировались «наблюдения за занятиями и нравственностью воспитанников», особое внимание уделялось фактам нарушения дисциплины, «правил нравственности и благоприличия». Успех учебно-воспитательного процесса напрямую связывался с профессиональными и личными качествами педагогов. Так, в протоколе заседания педагогического совета Могилевского учительского института подчеркивалось: «в качестве воспитательных средств – личный пример о. законоучителя и всех наставников с г. директором во главе, влияние каждого из них на воспитанников во всех случаях школьной и внешкольной жизни, весь строй институтской жизни, характер и содержание институтского преподавания... Весь институт по личному составу начальствующих, воспитывающих, учащихся и учащихся православно-русский, таков же должен быть воспитательный строй и атмосфера» [6, л. 14].

Директор, законоучитель, штатные и сверхштатные преподаватели наук, черчения, рисования и чистописания состояли на действительной государственной службе и пользовались всеми служебными и пенсионными правами, которые предоставлялись служащим в гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения. Если предоставлялась возможность, то преподавание пения и гимнастики поручалось штатным учителям за особое вознаграждение, положенное по штату. Учителя состоящего при институте городского училища избирались директором из лиц, имевших на это право и обладающих определенным опытом в деле начального обучения, и утверждались непосредственно попечителем округа. Они также состояли на государственной службе и пользовались всеми служебными и личными правами, предоставляемыми учителям городских училищ.

По своим чином и правам на награды штатные педагоги относились к среднему чиновничеству. Все, кто находился на государственной службе, имели определенный класс, который присуждался за выслугу лет. Через определенное время службы преподаватели награждались орденами. Например, в 1916 г. к ордену Св. Владимира 3-й степе-

ни был представлен директор Витебского учительского института Тихомиров К., к ордену Св. Владимира 4-й степени – директор Минского учительского института Степура Д., к ордену Св. Станислава 2-й степени – учитель Витебского учительского института Зорин Н. и учитель Могилевского учительского института Руднев М., Св. Анны 3-й степени – учитель Витебского института Попов В. Просьбы о награждении наиболее заслуженных преподавателей на имя попечителя округа направляли директора институтов. Такое представление 13 июня 1916 г. подготовил Д. Степура: «Свидетельствуя об отлично-усердной службе преподавателя вверенного мне института А. Никольского, имею честь просить Ваше превосходительство о награждении его первым орденом Св. Станислава 3-й степени» [7, л. 2–4]. Сослуживцы, в свою очередь, высоко ценили и Д. А. Степуру как «корректного начальника учреждения, всегда с уважением относившегося к коллегиальному строю институтской жизни», которая была основана на строгой, согласованной деятельности всех членов педагогического совета и взаимном доверии [8, л. 27].

Инструкция регламентировала и деятельность педагогического совета, который собирался на заседания под председательством директора и состоял из законоучителя, всех штатных преподавателей и учителей городского училища, состоящего при институте. Его заседания, как правило, проходили не реже одного раза в две недели в свободное от занятий время. Каждый член совета имел право предлагать на обсуждение вопросы, которые входили в круг компетенций совета, предварительно заявляя об этом в письменном виде директору. Все решения принимались по большинству голосов. Как свидетельствуют протоколы заседаний педагогических советов институтов, на рассмотрение выносился широкий круг вопросов организации учебно-воспитательного процесса: прием и увольнение воспитанников; рассмотрение отчетов преподавателей об успеваемости и поведении учащихся; составление и рассмотрение конспектов преподавания по каждому предмету на основании утвержденных инструкций и программ, комплектация библиотечных фондов; расходование штатных сумм и др. Так, в 1911 г. на заседаниях педагогического совета Витебского учительского института, который собирался 35 раз, кроме вышеуказанных, рассматривались также вопросы о введении преподавания французского языка и ручного труда по дереву и металлу, о повышении стипендий для учащихся по причине «несостоятельности», о введении форменной одежды, о выписке учебной литературы и журналов, о

переходе на электрическое освещение, о заготовке дров, оборудовании медицинского кабинета, об организации симфонического оркестра и приобретении струнных духовых инструментов, литературно-вокальных вечеров и др. [9, л. 2, 32, 81, 105, 93, 95, 100, 106].

Согласно расписанию учебных занятий в Виленском учительском институте на 1912 / 1913 учебный год, в день в каждом классе проводилось 5 уроков, каждый урок длился 55 мин. Занятия начинались в 8.30 утра. Разной была учебная нагрузка: преподаватель алгебры и геометрии Пятосин в неделю вел 15 уроков, русского языка Шестов – 14 уроков, естествознания и физики Морковский – 13 уроков, истории и географии Чачковский – 11 уроков, черчения и рисования Южанин – 10 уроков. Значительно меньшую нагрузку имели преподаватели педагогики (4 урока), Закона Божия (4 урока), пения и гимнастики (2 урока). Ежедневно после занятий с 14.15 до 15.15 для желающих преподавался немецкий язык [10, л. 1]. Кроме этого, преподаватели являлись также руководителями практики в городском училище при институте и обязаны были присутствовать на учебных занятиях своих подопечных.

Преподаватели сочетали учебно-методическую и воспитательную работу с научной, являлись организаторами педагогических курсов и съездов, принимали активное участие в общественной жизни губернских городов. Так, директор Витебского учительского института Тихомиров К. И., который преподавал педагогику, в свободные от обязательных занятий учебные часы читал желающим воспитанникам курс педагогической психологии. Он являлся автором таких работ, как «Обучение грамоте», «Психологические основы обучения», «Главнейшие результаты изучения памяти». Директор Минского учительского института Степура Д. А. был высокообразованным специалистом, подготовил ряд трудов по педагогике (например, «Экспериментальная теория обучения правописанию в начальной школе»), истории народной школы, преподаванию языка и литературы. Преподаватель этого института Игнатовский В. М. известен не только как ученый, историк (автор «Краткого очерка по истории Беларуси»), но и как общественно-политический деятель, который во время эвакуации института в Ярославле создал культурно-просветительскую организацию «Наш край». В период Первой мировой войны преподаватели неоднократно принимали участие в сборах денег «в пользу раненых и больных воинов для усиления средств Российского Красного Креста», в организации лазаретов, чтении лекций на военно-патриотическую тематику, совместно с

учащимися в организации концертов для раненых и больных и др.

Собственных зданий институты не имели, они размещались в наемных домах. Вместе с тем для преподавателей были созданы хорошие условия труда. Так, помещение Виленского учительского института в отчете директора за 1877 г. признавалось «весьма удобным как в гигиеническом, так и педагогическом отношении. Классы... очень светлы, просторны... Кубической вместимости воздуха совершенно достаточно для постоянного поддержания организма воспитанников в здоровом, бодром состоянии». Кроме этого, в классах постоянно поддерживалась искусственная вентиляция [11, с. 404]. «Вполне удовлетворяло своему назначению» и здание Витебского учительского института, которое помещалось в каменном здании, принадлежащем городу, которое арендовалось за 4300 руб. в год. За счет бюджета снимались также квартиры для служащих (на это уходило 1560 руб. в год). Все помещения и учебные классы были светлыми и просторными, соответствовали необходимым санитарно-гигиеническим нормам. Но в отчетах отмечался недостаток домовых церкви, актового и гимнастического залов [12, л. 9]. Деятельность институтов совершенствовалась и усложнялась, и на повестку дня вставала проблема «достаточного финансирования», которая оказывала влияние на формирование библиотечного фонда, оборудование физико-химических и историко-географических кабинетов, оформление коридоров и рекреаций. Так, директор Могилевского учительского института Тычинин В. в 1913 г. подчеркивал, что «оборудование института и училища пособиями на сумму 3119 руб. 70 коп. до чрезвычайности скромно, и вполне продуктивная педагогическая работа в педагогическом учебном заведении при таких педагогических средствах невозможна» [13, л. 28].

Заработная плата преподавателей учительских институтов была ниже, чем их коллег, которые работали в средних учебных заведениях. Например, в 1914 г. директор Минского учительского института статский советник Степура Д. А. получал 2400 руб. в год (жалование и столовые); законоучитель священник Гамолко Н. – 1440 руб., штатные преподаватели Кудзин К. И. и Игнатовский В. М. также по 1440 руб. Остальные преподаватели работали на условиях платы по найму (И. И. Самойло, А. М. Никольский, Д. Н. Полозов) и получали по 100 руб. за годовую урок (в среднем по 500–600 руб.) [14, л. 7]. В период Первой мировой войны вопрос о социальном обеспечении служащих стоял очень остро. Осенью 1915 г. институт был эвакуирован в Ярославль. Дополнительно к основному

окладу эвакуированные служащие получали так называемые «суточные деньги»: директор – 75 руб., преподаватели – 52 руб. 50 коп. 7 мая 1917 г. педагогический совет Минского учительского института «имел суждение о крайне тяжелом материальном положении служащих в институте лиц». На заседании подчеркивалось, что из всех средних учебных заведений только одни учительские институты остаются «при старых штатах, почти не измененных с 1872 г.», в то время как преподаватели средней школы получали пятилетние прибавки, «усиленные» пенсии, особые вознаграждения за исправление письменных работ, исполнение обязанностей классных наставников и др. В протоколе заседания педагогического совета зафиксировано, что преподаватели институтов совершенно забыты, и это «принуждает влачить жалкое существование, изнуряя себя посторонними занятиями. Между тем учительские институты по трудности и ответственности работы в них не могут идти в сравнение ни с одним из средних учебных заведений» [15, л. 28].

Для нуждающихся учителей законодательство гарантировало возможность предоставления квартир или квартирных денег для съемного жилья. Например, просторная и хорошо устроенная квартира директора Витебского учительского института арендовалась за 660 руб. в год, а «квартиры учителей, если считать каждую из трех комнат и кухни... за 240 руб. в год за каждую» [16, л. 14].

14 июня 1917 г. было издано новое положение

об учительских институтах, которые объявлялись средними учебными заведениями. В это же время в Петрограде проходил Всероссийский съезд представителей учительских институтов. Принятые резолюции отражали основные направления деятельности учительских институтов и их реформирования на демократических началах, совершенствование учебных планов и программ, проведение практических занятий, обучение ручному труду и др. Признавалось допустимым объективно-критическое отношение учащихся к урокам преподавателей и ко всей постановке уроков, но «критика личности преподавателя» по-прежнему запрещалась [17, л. 8, 21, 26, 35].

Заключение. Уже в 1918–1919 гг. учительские институты были реформированы в педагогические институты и получили статус высших учебных заведений. За столь короткий период времени в рамках дореволюционной системы образования учительские институты не смогли полностью реализовать свой потенциал. Вместе с тем они являлись настоящими «кузницами» учительских кадров. Институтские преподаватели – «педагоги по призванию» – вносили свой посильный вклад в повышение образовательного и культурного уровня народа. Их влияние являлось определяющим для интеллектуального и нравственного становления учителей городских училищ, преданных своему делу профессионалов, в руках которых находилось и остается сейчас будущее страны – дети.

Литература

1. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. Исторический очерк. СПб.: Изд-во Попова, б. г. 264 с.
2. Об учительских институтах по Положению 1872 года // Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Настольная книга по народному образованию: в 3 т. СПб.: Т-во «Знание», 1901. Т. 2. С. 1088–1095.
3. НИАБ. Фонд 2645. Оп. 1. Д. 35.
4. НИАБ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 16.
5. Инструкция о порядке управления учительскими институтами, утвержденная министром народного просвещения 1 июля 1876 г. // Г. Фальборк, Чарнолуцкий В. Настольная книга по народному образованию: в 3 т. СПб.: Т-во «Знание», 1901. Т. 2. С. 1095–1108.
6. НИАБ. Фонд 2258. Оп. 1. Д. 22.
7. НИАБ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 65.
8. НИАБ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 83.
9. НИАБ. Фонд 2645. Оп. 1. Д. 32.
10. Литовский государственный исторический архив. Фонд 567. Оп. 1. Д. 2024.
11. Из отчета по управлению Виленским учительским институтом с состоящим при нем городским двухклассным училищем за 1877 гражданский год // Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1878. № 9. С. 361–405.
12. НИАБ. Фонд 2645. Оп. 1. Д. 15.
13. НИАБ. Фонд 2258. Оп. 1. Д. 22.
14. НИАБ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 7.
15. НИАБ. Фонд 478. Оп. 1. Д. 83.
16. НИАБ. Фонд 2645. Оп. 1. Д. 23.
17. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Фонд 412. Оп. 1. Д. 1633.

References

1. Fal'born G., Charnoluskiy V. *Narodnoye obrazovaniye v Rossii. Istoricheskiy ocherk* [Public education in Russia. Historical essay]. St. Petersburg, Izd-vo Popova Publ., b. g., 256 p.
2. Fal'born G., Charnoluskiy V. On teachers' institutes by the Regulations of 1872. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu* [Table book on public education]. St. Petersburg, T-vo Znaniye Publ., 1901. Vol. 2, pp. 1088–1095 (In Russian).
3. NHAB. Fund 2645. I. 1. F. 35.
4. NHAB. Fund 478. I. 1. F. 16.
5. Fal'born G., Charnoluskiy V. Instruction on the management of teachers' institutes, approved by the Minister of public education on July 1, 1876. *Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu* [Table book on public education]. St. Petersburg, T-vo Znanie Publ., 1901. Vol. 2, pp. 1095–1108 (In Russian).
6. NHAB. Fund 2258. I. 1. F. 22.
7. NHAB. Fund 478. I. 1. F. 65.
8. NHAB. Fund 478. I. 1. F. 83.
9. NHAB. Fund 2645. I. 1. F. 32.
10. Lithuanian state historical archive. Fund 567. I. 1. F. 2024.
11. From the report on the management of the Vilna teachers' Institute with the city's two-class school attached to it for the 1877 civil year. *Tsirkulyar po Vilenskomu uchebnomu okrugu* [Circular for the Vilna school district], 1878, no. 9, pp. 361–405 (In Russian).
12. NHAB. Fund 2645. I. 1. F. 15.
13. NHAB. Fund 2258. I. 1. F. 22.
14. NHAB. Fund 478. I. 1. F. 7.
15. NHAB. Fund 478. I. 1. F. 83.
16. NHAB. Fund 2645. I. 1. F. 23.
17. Central state historical archive of Saint Petersburg. Fund 412. I. 1. F. 1633.

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 04.03.2020

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АГРАРНЫ РУХ У БЕЛАРУСІ Ў ПЕРСПЕКТЫВЕ
ВЫРАШЭННЯ ЗЯМЕЛЬНАГА ПЫТАННЯ****(чэрвень – жнівень 1917 г.)**

У артыкуле асвятляецца аграрны рух у беларускіх губернях на этапе разгортвання рэвалюцыйных падзей, якія ахапілі Расію летам 1917 г. Аўтар адзначае, што з чэрвеня па жнівень харчовыя, зямельныя і валасныя камітэты разгортваюць працу па шэрагу накірункаў. Зямельныя камітэты засяродзілі сваю дзейнасць не столькі на падрыхтоўцы аграрнай рэформы, колькі на задавальненні за кошт памешчыцкай і казённай уласнасці патрэб сялянства ў сенакосах, пашы, лесе і паліве. Канфлікты, якія ўзніклі ў выніку іх дзейнасці паміж зацікаўленымі бакамі, як правіла, завяршаліся на карысць мясцовых сялянскіх грамадстваў. Летам 1917 г. урадавымі і грамадскімі сіламі ўдалося стрымаць захопніцкі рух. Дзякуючы тлумачальнай і асветніцкай працы, далучэнню сялян да кіраўніцтва, аграрныя парушэнні не набылі масавы характар. Са жніўня вяскоўцы пачынаюць ухіляцца ад выканання хлебнай манополі і іншых урадавых праграм.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, захоп зямлі, аграрнае пытанне, «рэвалюцыйная дэмакратыя».

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**AGRARIAN MOVEMENT IN BELARUS IN THE FUTURE
SOLVING THE LAND ISSUE****(June – August 1917)**

The article reveals the agrarian movement in the Belarusian provinces at the stage of deployment of the revolutionary events that swept Russia in the summer of 1917. The Author notes that in June – August, food, land and parish committees are working in a number of directions. The land committees focused their activities not so much on the preparation of agrarian reform, but on meeting the needs of the rural (communal) peasantry in haymaking, pastures, forests, and fuel at the expense of landowners and state property. Conflicts that arose as a result of their activities between interested parties usually ended in favor of local peasant societies. In the summer of 1917, government and public forces managed to contain the invading movement. Thanks to the explanatory and educational work, the joining of peasants to the work of the committees, agricultural violations did not become widespread. Since August, the villagers are beginning to evade the implementation of the grain monopoly and other government programs.

Key words: revolution, the seizure of land, the agrarian question, the «revolutionary democracy».

Уводзіны. Галоўным клопатам урадавых структур у Расійскай дзяржаве летам 1917 г. з'яўлялася забеспячэнне франтавікоў харчаваннем, падтрыманне законнасці, грамадскага парадку ў гарадах і вёсках, недапушчэнне гвалтоўных захопаў прыватнаўласцніцкай зямлі [1]. Вялікую ролю ў гэтым працэсе надавалі дэмакратычна абраным органам – камісарыятам, валасным, харчовым і зямельным камітэтам. Задачай апошніх з'яўлялася падрыхтоўка да аграрнай рэформы, збор неабходнай інфармацыі да склікання Устаноўчага сходу і канчатковае вырашэнне наспелага патыння аб зямлі [2]. Неўзабаве таму аграрнае пытанне гучала цэнтральнай тэмай у парадку дня і рэзалюцыях грамадска-палітычных структур – Саветаў дэпутатаў, партыйных арганізацый. Саветы пагадзіліся пачакаць правядзення рэформы закон-

ным чынам абраннікамі народа ва Устаноўчым сходзе.

Асноўная частка. Значную цікавасць грамадства выклікалі вынікі працы Усерасійскага сялянскага з'езду. Змест «Пастановы па зямельным пытанні» ад 25 мая 1917 г. мусіў, акрамя іншага, пераканаць сялянства ў тым, «што з гэтага часу не толькі канчатковае вырашэнне зямельнага пытання ва Устаноўчым сходзе, але і ўся справа падрыхтоўкі гэтага вырашэння ў цэнтры і на месцах работамі мясцовых і Галоўнага зямельных камітэтаў пераходзіць у рукі самога працоўнага насельніцтва». Паказальна і тое, што да выдання адмысловай пастановы ўсе зямельныя здзелкі, здзейсненыя пасля 1 сакавіка, лічыліся несапраўднымі.

Важнейшыя палажэнні пастановы атрымалі адбітак у рэзалюцыях чэрвеньскіх сялянскіх

з'ездаў Віцебскай і Ковенска-Віленскай губерняў. Як і ў выпадку з рэзальюцыяй сялянскага з'езду Мінскай губерні «Па зямельным пытанні», у шэрагу месцаў яна ўспрымалася як закон. У прыватнасці, як паведамляла «Народное слово» ад 20 чэрвеня 1917 г., у Рагачоўскім павеце пад уздзеяннем агітацыі дэлегатаў Усерасійскага з'езду «сяляне сякуць лясы, дзеляць лугі, здымаюць рабочых і ўстараняюць адміністрацыю з маёнткаў» і г. д.

Прынятыя 15–17 чэрвеня на пасяджэнні Магілёўскага губернскага зямельнага камітэта рашэнні аб пераглядзе ўсіх дагавораў, памераў арэнднай платы і іншыя паскорылі перадачу сялянам у карыстанне ўласніцкіх выганаў і сенакосаў. Як паведамлялася ў справаздачы Быхаўскага зямельнага камітэта, «гаспадарам пакінуты лугі на спажывецкай норме іх жывёлы, зразумела, не паўсюдна дакладна і справядліва, [але] памешчыцкай жывёле пагібель не пагражае» [3].

Газета «Народное слово» ад 21 верасня паведамляла аб парушэннях ў маёнтку «Дрыгучы» Дзісенскага павета Віленскай губерні, дзе перадача камітэтамі ў распараджэнне сялян сенакосаў вымусіла ўладальніка ліквідаваць малочную гаспадарку.

Перспектыва поўнай ліквідацыі царкоўнага землеўладання ўсведамлялася самімі іерархамі. У «Новом Варшавском утре» ад 7 чэрвеня адзначалася, «Прызнаючы, што зямля павінна быць аддадзена працоўнаму народу, – гаварылася ў рэзальюцыі дэлегатаў Мінскай епархіі, – з'езд лічыць, што царкоўныя землі адчуваюцца з ведама прыходскіх саветаў». Але гэта і падобныя на яе пастановы не стрымлівалі сялянскага захопнага руху. Так, 18 чэрвеня Лубянецкае грамадства Быхаўскага павета «60 дзесяцін царкоўнай зямлі падзяліла паміж усімі грамадзянамі па роўнай частцы ў часовае карыстанне». А напачатку ліпеня сяляне навакольных вёсак самавольна скасілі 25 дзесяцін сенакоса, выдзеленага харчовай управай Буйніцкаму жаночаму манастыру [4].

Паводле звестак Дрысенскай харчовай управы, «па скаргах на самавольныя дзеянні насельніцтва супраць зямельных уласнікаў», якія адбыліся ў павеце з 5 ліпеня па 2 жніўня, з агульнай лічбы 25 – 11 выпадкаў уяўлялі сабой «захоп і падзел царкоўных сенакосаў» [5]. Такім чынам, нават рэлігійныя пачуцці сялянства не стрымлівалі яго захопніцкіх настрояў.

Напрыканцы чэрвеня – напачатку ліпеня ў шэрагу мясцін беларускіх губерняў адзначалася паслабленне аграрнага руху. Так, на старонках газеты «Витебский листок» ад 27 чэрвеня паведамлялася, што 25 чэрвеня на пасяджэнні Віцебскага губернскага зямельнага камітэта адзначалася, што «ў губерні спакойна... Памешчыкі

ідуць насустрач сялянам у іх патрэбах, дзякуючы чаму ўзаемаадносіны не абвастраюцца». Па словах прадстаўнікоў зямельных камітэтаў, у Веліжскім, Дзвінскім, Дрысенскім, Полацкім, Рэжыцкім, Себежскім паветах аграрных парушэнняў не назіралася. Пэўныя прэтэнзіі былі выказаны на адрас улад Люцынскага (самавольныя парубкі лесу і пасьба жывёлы), Гарадоцкага (здача сялянам у арэнду па «мізэрных цэнах»), Невельскага (адхіленне ад работ ваеннапалонных) паветаў [6].

Адносна спакойнае становішча назіралася на Міншчыне. Паведамляла «Крестыянская газета» ад 5 ліпеня, што на нарадзе выканкама Савета сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў з выступлення прадстаўніка Бабруйскага павета Богдана вынікала, што памешчыкі яшчэ былі гаспадарамі сваёй уласнасці, і толькі ўсталяваныя імі «ввялікія грошы за арэнду зямель [выклікалі] маленькія непаразумы». А дэпутат Кавалёў з Барысаўскага павета казаў, што іх зямельныя камітэты «імкнуцца палешчыць быт сялян і не пакрыўдзіць усё ж памешчыкаў».

Да сярэдзіны лета сялянскі рух пайшоў на ўздым, але, можна меркаваць, не па віне зямельных камітэтаў. Пра ўзросшыя замахі сялянства на чужую ўласнасць, у прыватнасці, сведчыць зварот таварыша міністра харчавання ад 14 ліпеня ў Мінскую губернскую харчовую ўправу. «...Па пастановах валасных выканаўчых камітэтаў Мінскай губерні, – гаварылася ў тэлегране, – усе маёнткі раздаюцца сялянам у арэнду. Прычым сяляне не дапускаюць ставіць на пашу памешчыцкіх лугоў казённую гуртавую жывёлу, перашкаджаючы арэндзе лугоў інтэнданцтвам. Маючы на ўвазе, што [на] Захфронце з прычыны крайне недастатковага падвозу жывёлы і мяса з краіны [у] цяперашні час адбываецца рэквізіцыя жывёлы, апаса[емся], што прынятая па рэквізіцыі жывёла застанеца без корму, таму, звяртаючыся да вас за садзеяннем, прашу растлумачыць насельніцтву шкоду, якая наносіцца справе забеспячэння арміі, самачынных захопаў прыватнаўласніцкіх лугоў...» [7].

Аналагічная сітуацыя складвалася і ў шэрагу месцаў Віцебшчыны. Пасля разбору скаргі памешчыка Данілава аб захопе пакосаў ад 19 ліпеня высветлілася, што, сапраўды, у беспарадках быў вінаваты Ляскавіцкі зямельны камітэт. Падобныя выпадкі мелі месца ў Лепельскім, Полацкім, Гарадоцкім паветах, па віне «старшынь валасных зямельных камітэтаў, заражаных ідэяй бальшавізму», пад уплывам незадаволенай кучкі людзей, якія праводзяць у жыццё ідэі бытавога бальшавізму» [8].

Як вынікала са звестак, адпраўленых у Віцебск Дрысенскай харчовай управай, з 25 аграрных пра-

вапарушэнняў, якія адбыліся ў павеце за ліпень месяца, віна ў 5 выпадках ускладалася на валасныя зямельныя і 3 – на харчовыя камітэты [9].

Варта адзначыць, што летам названыя камітэты карысталіся моцным аўтарытэтам у насельніцтва і, як правіла, не адчувалі патрэбы ў выкарыстанні судовых санкцый супраць захопнікаў чужой маёмасці. У выпадку неабходнасці выкарыстоўваліся захады маральнага ўздзеяння. Так, 1 ліпеня Рагачоўская зямельная ўправа пад страхам турэмнага зняволення запатрабавала ад Лукаўскага камітэта неадкладнага спынення сялянна в. Задруцця звозу жыта з палёў фальварка «Марусін», які належаў «арандатаршы» Б. Бярковіч [10]. 21 ліпеня Віцебская губернская харчовая ўправа выдала пастанову аб прыцягненні да крымінальнай адказнасці захопнікаў «чужых палёў і лугоў». Прычым у выпадку неабходнасці павятовым зямельным камітэтам прапаноўвалася звярнуцца да ваеннай сілы. 18 жніўня быхаўскі камісар прапанаваў зямельнай управе ўзброеную сілу для вяртання сена, скошанага сялянамі з «арандаванага Упраўленнем Палявога будаўніцтва луга» [11]. У цэлым, у адрозненне ад асобных раёнаў Расіі [12], на Беларусі выкарыстання ўзброенай сілы супраць сялян не спатрэбілася. Што датычыць міліцыі, то яе дзейнасць скіроўвалася галоўным чынам на падтрыманне грамадскага парадку, барацьбу з самагонаварэннем і г. д., але ніякім чынам не супраць аграрнага руху.

Не менш важнай задачай з'яўлялася прадудзіленне аграрных правапарушэнняў. На гэта, як адзначалася вышэй, скіроўвалася дзейнасць харчовых і зямельных камітэтаў. Іншая справа, што іх функцыі не былі выразна акрэсленымі і часта перасякаліся. Акрамя таго, члены гэтых камітэтаў, як правіла, мелі розныя ўяўленні аб іх прызначэнні і наогул кампетэнцыі.

Варта адзначыць, што землеўласнікі і арандатары, як правіла, звярталіся ў харчовыя камітэты як больш аўтарытэтыя, на іх думку, органы. 9 ліпеня Руднянскі ляснічы паскардзіўся на Горкаўскі, Дубінінскі, Руднянскі і Старынскі валасныя зямельныя камітэты, якія падзялілі надзелы лясной адміністрацыі і свабодныя сенакосы «па вельмі нізкіх цэнах», а грошы пастанавілі ўнесці ў свае камітэты» [13]. Невыпадкава А. А. Валковіч перадаў скаргу на разгляд не зямельнай, а харчовай управе. Пасля ўмяшальніцтва Казьянскай управы сяляне в. Гарайцы вырашылі адмовіцца ад касьбы сенажаці ў фальварку «Лужыцы», якую ім адмераў зямельны камітэт [14].

Па меры фармавання камісарыятаў, дэмакратызацыі гарадскіх і земскіх самакіраванняў, харчовых і зямельных камітэтаў стваралася магчымасць іх узаемадзеяння ў жыццёва важ-

ных сферах, у тым ліку ў аграрным пытанні. У шэрагу мясцін валасныя зямельныя і харчовыя камітэты калегіяльна абмяркоўвалі агульныя праблемы.

Вядома, што прынятыя пастановы не заўсёды задавальнялі зацікаўленых асоб, асабліва сялян, якія імкнуліся выкарыстаць існаваўшыя недакладнасці ў новым парадку землекарыстання ў сваіх мэтах. Так, у чэрвені вяскоўцы Кахановіцкай воласці звярнуліся да зямельнага камітэта (у абход харчовага) з просьбай аб дадатковым выдзяленні сенакосу. Характэрна, што зямельны камітэт не адмовіў ім у тым, але параіў «адводзіць свабодныя надзелы пакосаў толькі тым грамадзянам, якія ўжо ўбралі свае пакосы і яшчэ адчуваюць патрэбу ў іх» [15].

Такім чынам, складалася становішча, калі ў дзейнасці найбольш шматлікіх валасных выканаўчых, харчовых і зямельных камітэтаў не назіралася скаардынаванасці, неабходнай для рэалізацыі зладзённых дзяржаўных праблем. Пэўныя спадзяванні на ўрэгуляванне існаваўшых арганізацыйна-практычных супярэчнасцей у аграрным пытанні ўскладаліся на чарговую пастанову Міністэрства земляробства ад 16 ліпеня. Так, паводле адмысловай інструкцыі, зямельным камітэтам у супрацоўніцтве з харчовымі надавалася права нагляду за эксплуатацыяй усіх лясоў і водпускам яго мясцоваму насельніцтву, а таксама перадачы сялянам у карыстанне незапатрабаванай прыватнаўласніцкай рабочай жывёлы і інвентару [16].

У адпаведнасці з цыркулярам Міністра ўнутраных спраў Цэрэтлі І. права распараджэння незапатрабаванай землеўладальніцкай і іншай маёмасцю належала не зямельным, а выключна харчовым камітэтам. Можна меркаваць, што ажыццяўленне інструкцыі і цыркуляра мела супярэчлівыя наступствы. Так, на Віцебшчыне некалькі палепшылася сітуацыя з незаконнымі дзеяннямі зямельных камітэтаў. У шэрагу месцаў харчовыя камітэты аднавілі сваю кампетэнцыю па распараджэнні незапатрабаванай маёмасцю. Да прыкладу, 25 ліпеня Селішчыцкая валасная харчовая ўправа забрала ад зямельнага камітэта казённы луг ва ўрочышчы Пятроўка памерам 2 дзесяціны і перадала яго жыхарам вёскі Аската за 26 руб. 50 кап. [17].

1 жніўня на пасяджэнні Гарадоцкага павятовага харчовага камітэта адзначалася, што ў Селішчыцкай, Уладзімірскай і Таснянскай валасцях назіраліся нязначныя захопы, але «яны не прымалі сур'ёзнага характару, дзякуючы своечасова прынятым захадам». Паводле слоў старшыні камітэта Пакроўскага С., «агульная тэндэнцыя такая, што харчовым органам даводзіцца зараз арганізоўваць тое, што дэарганізавалі зямельныя камітэты» [18].

Летам з пачаткам збору ўраджаю землеўладальнікі Магілёўскай губерні часта скардзіліся на зямельныя камітэты, прычым, нават на адрас урада. Але мясцовыя кіраўнікі адхілялі абвінавачанні ў прадурзятым стаўленні да памешчыкаў. Так, газета «Могилевская жизнь» паведамляла, што падчас пасяджэння прадстаўнікоў губернскіх улад і савецкіх устаноў Магілёўшчыны адзначалася, што «зямельныя камітэты робяць спробы знайсці лінію пагаднення для абодвух бакоў». Савецкія дзеячы заяўлялі, што «захопаў ніякіх не назіралася, а ўсё размяркоўвалася зямельнымі камітэтамі». Адзначаючы вялікую арганізацыйную ролю камітэтаў, газета «Молот» ад 22 ліпеня, у прыватнасці, акцэнтавала ўвагу на класавым складзе «гэтых ячэек працоўнага сялянства» і ў той самы час на іх агульнадзяржаўным прызначэнні як абаронцаў «рускай зямлі ад хвалі анархіі».

Усё ж, на думку мінскага губернскага камісарыята, вялікая доля віны за аграрныя парушэнні ўскладалася на зямельныя камітэты. Так, 28 жніўня ў яго звароце ў МУС паведамлялася, што сяляне ў выніку падбурвання салдат і «неправільных дзеянняў» зямельных камітэтаў «самавольна захоплівалі сенакосы, сады і землі пад азімыя пасевы» [19].

Заклучэнне. Такім чынам, зямельныя камітэты Беларусі, асабліва валаснога ўзроўню, з моманту свайго ўзнікнення ў маі – жніўні за-

сяродзілі сваю дзейнасць не столькі на падрыхтоўцы аграрнай рэформы, колькі на задавальненні за кошт памешчыцкай і казённай уласнасці патрэб вясковага (абшчыннага) сялянства ў сенакосах, пашы, лесе і паліве. Тыя канфлікты, якія ўзнікалі ў выніку іх дзейнасці паміж зацікаўленымі бакамі, як правіла, завяршаліся на карысць мясцовых сялянскіх грамадстваў. Летам 1917 г. урадавым і грамадскім сіламі ўдалося стрымаць захопніцкі рух. Дзякуючы тлумачальнай і асветніцкай працы, далучэнню сялян да кіраўніцтва, аграрныя парушэнні не набылі масавы і гвалтоўны характар. У той самы час, са жніўня вяскоўцы пачынаюць ухільца ад выканання хлебнай манаполіі, з падзрэннем ставіцца да новых урадавых праграм.

Як вынікае з ліста А. С. Поснікава на адрас Часовага ўрада ад 23 жніўня, захопны рух сялянства ў найбольшай ступені выявіў сябе не ў Беларусі, а ў Пензенскай, Казанскай і Курскай губернях [20].

З пачаткам восені, калі збор ураджаю і рыхтоўка фуражу сталі надыходзіць у завяршальную стадыю, калі пры неабходнасці правядзення пасеву азімых у земляробаў не дадалося ўпэўненасці адносна Устаноўчага сходу і лёсу аграрнага пытання, калі стала ўзрастаць патрэба ў паліве на зіму і г. д., гаспадарчая актыўнасць вясковага насельніцтва, у тым ліку яе захопныя правы, набылі далейшае развіццё і новыя асаблівасці.

Літаратура

1. Сяменчык М. Я. Вырашэнне харчовай праблемы ў Беларусі ў канцы 1916 – пачатку 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2019. № 1 (221). С. 32–37.
2. Рыжанкоў І. М. Аграрны рух у Беларусі ў перспектыве вырашэння зямельнага пытання (сакавік – май 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2019. № 1 (221). С. 38–42.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь (НГАРБ). Ф. 2679. Воп. 1. Спр. 1. Л. 61.
4. НГАРБ. Ф. 2679. Воп. 1. Спр. 1. Л. 34.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 624. Воп. 1. Спр. 4. Л. 307–310.
6. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 253.
7. НАРБ. Ф. 640. Воп. 2. Спр. 10. Л. 107.
8. НАРБ. Ф. 628. Воп. 1. Спр. 3. Л. 16.
9. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Спр. 4. Л. 307–310.
10. НГАБ. Ф. 2090. Воп. 1. Спр. 3. Л. 7.
11. НГАБ. Ф. 2679. Воп. 1. Спр. 1. Л. 76.
12. Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М.: Изд. Академия наук СССР, 1962. С. 455.
13. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 264.
14. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 154.
15. НАРБ. Ф. 751. Воп. 1. Спр. 1. Л. 14, 17.
16. Дзяржаўны архіў Расійскай федэрацыі (ДАРФ). Ф. 1778. Воп. 1. Спр. 297. Л. 135.
17. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 204.
18. НАРБ. Ф. 624. Воп. 1. Спр. 7. Л. 98.
19. ДАРФ. Ф. 1796. Воп. 1. Спр. 74. Л. 26.
20. ДАРФ. Ф. 1779. Воп. 1. Спр. 1110. Л. 3.

References

1. Syamenchyk M. Ya. Solving the food problem in Belarus in late 1916-early 1917. *Trudy BGTU* [Proceeding of BSTU], series 6, History, Philosophy, 2019, no. 1 (221), pp. 32–37 (In Russian).

2. Ryzhankou I. M. Agrarian movement in Belarus in the perspective of solving the land issue (March – Mai 1917). *Trudy BGTU* [Proceeding of BSTU], series 6, History, Philosophy, 2019, no. 1 (221), pp. 38–42 (In Russian).
3. National historic archive of Belarus (NHARB). Fund 2679. I. 1. F. 1. P. 61.
4. NHARB. Fund 2679. I. 1. F. 1. P. 34.
5. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 624. I. 1. F. 4. L. 307–310.
6. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 253.
7. NARB. Fund 640. I. 2. F. 10. P. 107.
8. NARB. Fund 628. I. 1. F. 3. P. 16.
9. NARB. Fund 624. I. 1. F. 4. P. 307–310.
10. NHARB. Fund 2090. I. 1. F. 3. P. 7.
11. NHARB. Fund 2679. I. 1. F. 1. P. 76.
12. Volobuev P. V. *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Economic policy of the Provisional government]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1962. P. 455.
13. NARB. Fund 624. I. 1. F. 7. P. 264.
14. NARB. Fund 624. I. 1. F. 7. P. 154.
15. NARB. Fund 751. I. 1. F. 1. P. 14, 17.
16. State archive of the Russian Federation (SARF). Fund 1778. I. 1. F. 297. P. 135.
17. NARB. Fund 624. I. 1. F. 7. P. 204.
18. NARB. Fund 624. I. 1. F. 7. P. 98.
19. SARF. Fund 1796. I. 1. F. 74. P. 26.
20. SARF. Fund 1779. I. 1. F. 1110. P. 3.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Пасмыніў 23.03.2020

УДК 94(476):330.3

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ
В БЕЛАРУСИ В ФЕВРАЛЕ – МАРТЕ 1918 Г.**

Статья затрагивает отдельные аспекты экономической жизни Беларуси в первые месяцы существования советской власти. Обращено внимание на цели большевиков по развалу старой армии и выводу страны из мировой войны. Приведены обобщенные сведения об ухудшении внутриполитической и экономической ситуации в Беларуси в декабре 1917 – январе 1918 г. Указаны материальные потери, нанесенные Западному фронту германскими войсками в феврале–марте 1918 г. Отмечены экономические последствия германского наступления для советской и оккупированной частей Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, Западный фронт, мировая война, гражданская война, сельское хозяйство, промышленность, Брестский мир, оккупация, реквизиция, продовольственная диктатура.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE GERMAN OFFENSIVE
IN BELARUS IN FEBRUARY – MARCH 1918**

The article touches on certain aspects of the economic life of Belarus in the first months of the Soviet power's existence. The author focuses on the Bolsheviks' goals in the collapse of the old army and the country's withdrawal from the First World War. The article contains summarized information on the deterioration of the domestic political and economic situation in Belarus in December 1917 – January 1918. The material losses inflicted on the Western Front by German troops in February – March 1918 are described. The author notes the economic consequences of the German offensive for the Soviet part of Belarus and its occupied areas.

Key words: Belarus, Western Front, World War, Civil War, Agriculture, Industry, Brest Treaty, Occupation, Requisition, Food Dictatorship.

Введение. История Беларуси периода мировой и гражданской войн представлена в трудах отечественных авторов главным образом как серия блестящих побед большевиков в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Указанные в трудах результаты и последствия этих побед выглядят весьма значимыми, в том числе и в экономической сфере. В наши дни, когда исследовательский пиетет к бывшей правящей партии немного ослабел, есть возможность объективно оценить ее деятельность на этапе возникновения гражданской войны и нового нашествия германских войск на Беларусь в 1918 г.

Основная часть. В годы Первой мировой войны жизнедеятельность Западного и Северного фронтов, а также его тыловых структур оказывала сильное влияние на экономику Беларуси. Несмотря на осуществленную вглубь России эвакуацию значительной части местных материальных (заводы, фабрики, ценное оборудование, сельхозмашины, породистый скот) и людских ресурсов, сельскохозяйственное и промышленное производство, а также железнодорожный транспорт были сориентированы на удовлетворение военных нужд. До сентября–

октября 1917 г. продукты растениеводства и животноводства бесперебойно поступали на фронт, пока аграрная и продовольственная политика Временного правительства поддерживалась их производителями. Основная масса населения связывала решение всех экономических, равно как и политических проблем, с созывом Всероссийского Учредительного собрания.

Как и во всей стране, большевики Западного фронта по призыву ВРК Петроградского Совета и ЦК РСДРП(б) свергли власть органов Временного правительства в Беларуси и подавили сопротивление всех своих противников – от кадетов до белорусских социалистов. Решающим фактором, обеспечившим им победу, стала вооруженная поддержка фронтовиков, соблазненных перспективой немедленного окончания войны и раздела помещичьих земель.

Вместе с тем придя к власти, большевикам так и не удалось наладить упорядоченное снабжение всех нуждавшихся товарами первой необходимости и прежде всего продовольствия. По этой причине нередкими были случаи солдатских грабежей имений, крестьянских хозяйств и местечковых жителей. Что касается

промышленности, то, по словам И. Алибегова, «выделенный областным центром Комиссариат народного хозяйства направил свою работу на учет и рациональное распределение того огромного имущества, которое было сосредоточено в прифронтовой области и свезено со всех концов России» [1, с. 934]. Однако эта работа закончилась тем, что после закрытия предприятий, обслуживавших фронт, занятые на них труженики лишились средств к существованию. Демобилизованные и бежавшие с передовой солдаты после возвращения домой пополняли ряды безработных. Военное снаряжение, главным образом артиллерия и авиатехника, эвакуировалось вглубь страны. В то же время после прекращения поставок фуража на фронт поголовье лошадей погибало от бескормицы. Попытка продать часть его крестьянам по 50 руб. за голову, даже с двухмесячной отсрочкой выплаты [1, с. 888], имела незначительный результат, поскольку приобрести лошадей могли лишь те хозяева, которые имели запасы корма.

Частная торговля продовольствием в больших объемах запрещалась, а с нарушителями запрета боролась Чрезвычайная комиссия. Определенную помеху советским продовольственным органам представляли воинские части 1 Польского корпуса, которые препятствовали им в конфискации имущества у помещиков из числа соотечественников, этнических поляков. Кроме того, легионеры, по приказу Ставки лишённые централизованного снабжения, самовольно изымали в экономических условиях необходимых для своих частей продовольствие и фураж.

Установленный с начала мировой войны государственный порядок доставки продовольствия городскому и местечковому населению из южных губерний страны в декабре 1917 г. почти не действовал из-за затяжного конфликта большевиков с Украинской Радой. Основным источником поступления в города продуктов и фуража являлись уцелевшие от грабежей помещичьи экономики, а также их запасы, конфискованные у крупных владельцев.

Для стимулирования участия всего крестьянства в преодолении продовольственного кризиса большевики стремились привлечь их к решению аграрной проблемы. Но вскоре их обещание разделить помещичьи земли между нуждающимися стало тормозиться самими же большевиками, поскольку положенный в основу Декрета о земле проект социализации вошел в противоречие с их политическими интересами. В результате данный декрет в указанное время так и не был реализован.

В целом же трудности, возникшие с началом осуществления революционных преобра-

зований в сельском хозяйстве, промышленности, продовольственном снабжении, банковском деле и др., еще больше усугубили общее состояние экономики. Основной причиной того явилось разрушение существовавшего аппарата управления ею в лице комиссариатов Временного правительства и органов самоуправления. Заменявшие их новые органы государственной власти – Советы депутатов, главным образом военные по социальному составу и способу организации, и тем более – Военно-революционные комитеты, не умели и не могли решать хозяйственные вопросы без вреда общенародным интересам, поскольку рабочие и крестьянские организации ушли в оппозицию к большевикам. Основная же масса трудящихся, служащих и интеллигенции сохраняла политический нейтралитет, а в вопросах собственности, форм землепользования, размеров налогов и других полагалась на решения Учредительного собрания.

Вопрос о мире также увязывался всей демократической общественностью со Всероссийским парламентом. Но для большевиков выход из войны являлся не целью, а средством удержания власти. «Советское правительство, – пишет один из современных авторов, – демобилизовывая старую армию, не успело создать новой армии» [2, с. 214].

Неосостоятельность подобного утверждения очевидна. Во-первых, В. Ленин и Л. Троцкий внушили уверенность в надежности перемирия с германцами своим товарищам из Беларуси и вместе с ними начали демобилизацию фронтовиков, чтобы таким способом обеспечить последним обещанное окончание войны. Сформированные же части новой (Красной, советской, народной и т. д.) армии предназначались не для обороны страны, а для защиты большевистской власти.

Между тем стихийный и организованный развал русской армии никак не укреплял хрупкого перемирия с Германией. А, во-вторых, вместо войны мировой в разных регионах страны стала разгораться вызванная большевиками война гражданская. Вскоре выяснилось, что и мировая война для России вовсе не закончена. Так, 16 февраля 1918 г. Германия, не дождавшись от делегации во главе с Л. Троцким принятия ультиматума, выдвинутого на переговорах в Брест-Литовске, объявила о возобновлении военных действий с Россией.

19 февраля 1918 г. В. Ленин в ответ на вопрос председателя Дриссенского Совета о том, что делать в сложившейся ситуации, телеграфировал: «Оказывайте сопротивление, где это возможно. Вывозите все ценное и продукты. Остальное все уничтожайте. Не оставляйте врагу ничего. Разбирайте пути – две версты на

каждые десять. Взрывайте мосты». Существует мнение будто «это была директива всем партийным и советским органам в их политической и военно-организационной работе по защите независимости страны» [3, с. 98]. Но данная «директива» не нашла исполнителей. Как явствуют документы, местные органы власти действовали в силу собственной оценки момента [1, с. 886–910] и в большинстве своем без указаний руководства.

Немногочисленные защитники «социалистического Отечества» были вынуждены отступить. По словам председателя Областного исполнительного комитета Западной области и главнокомандующего Западным фронтом Мясникова А., «мы старались спасти фронтовое богатство, которое нельзя сравнивать с теперешним. Было, например, около 12 млн банок одних мясных консервов, которыми можно было прокормить громадную армию, масса ружей, тяжелой и легкой артиллерии, снарядов, полные окопные магазины хлеба и т. д. ... Немцы легко все взяли; солдаты не сражались, и огромное имущество попало немцам в руки» [4, с. 139].

Его заместитель Алибеков И. сообщал, что из-за нехватки транспорта «всевозможные товары складов Земсоюза, Земгора и т. п., большое количество кожаных товаров до последнего момента оставалось на месте и, конечно, досталось неприятелю» [1, с. 934]. Также сообщалось, что «из Орши удалось вывезти все: железнодорожные составы и около 6 тысяч вагонов всякого имущества». Но характерно, что машины Минска не участвовали в эвакуации материальных ценностей и даже устроили крушение поезда с отъезжавшими в Смоленск членами Облискома [1, с. 937].

Несмотря на подписанный в Бресте 3 марта 1918 г. мир Германии с правительством В. Ленина, в Беларуси захватчики продолжали наступление и в начале апреля. С учетом захваченной оккупантами в 1915 г. Виленщины, Гродненщины, части Минщины под их властью оказалась почти вся Беларусь. При этом Гомельский, Мозырский, Речицкий и Пинский уезды перешли под юрисдикцию Украины, возглавляемой гетманом Скоропадским. Советскими (полностью или частично) остались лишь 14 ее уездов Могилевской и Витебской губерний, объединенных со Смоленской губернией под общим названием Западной области РСФСР.

В результате хозяйственная жизнь каждой из частей Беларуси стала складываться в зависимости от политических условий, сложившихся после германского наступления и подписания Брестского мира. Большевистское руководство ее советской части в лице Облиском-

запа рассматривало договор как «передышку» и использовало его в целях «развития революции в пределах нашей области» [1, с. 937]. В апреле 1918 г. здесь был создан Совет народного хозяйства, долженствующий заниматься экономическими вопросами под лозунгом упрочения диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Так, в сельском хозяйстве была окончательно ликвидирована частная земельная собственность. Бывшие помещичьи и иные крупные владения (молочные фермы, маслоделательные предприятия) стали достоянием государства. Теперь крестьяне превратились в основных владельцев хлебных продуктов и фуража, а также стали главным источником снабжения продовольствием горожан и красноармейцев. С мая 1918 г. в целях осуществления «продовольственной диктатуры», в том числе через изъятие продуктов и фуража у зажиточных тружеников села, большевики усилили против них классовую борьбу, а по сути, гражданскую войну.

Что касается деревообрабатывающей, кожаной и бумажной промышленности, то она оставалась преимущественно частной, равно как ремесленное и кустарное производство. Из-за нехватки сырья к весне 1918 г. количество предприятий резко сократилось, а значительная часть рабочего класса в целях выживания перебиралась в деревню и занималась сельскохозяйственным трудом, в том числе в составе коммун. В целом возникшая после Брестского мира «передышка» не оказала благотворного влияния на экономику: находившиеся в состоянии кризиса основные ее виды – сельское хозяйство, промышленность, железнодорожный транспорт, торговля, финансы – оставались в распоряжении большевиков и в условиях эскалации гражданской войны использовались для укрепления Советской (партийной) власти.

Наступление германских войск привело к существенным переменам хозяйственной жизни почти всей захваченной ими Беларуси. Оккупационный режим в экономической его части опирался на налогово-реквизиционную систему, обеспечивавшую содержание своих вооруженных сил, главным образом за счет изъятия или приобретения у крупных и мелких производителей необходимых съестных продуктов, фуража и сырья. Во всех оккупированных местностях существовала торговля товарами, основанная на хождении русских и германских денежных знаков.

В ряде мест оккупанты регламентировали налоги, цены на товары и труд [5, с. 121].

Стремление руководства БНР взять на себя решение экономических вопросов в интересах местного населения не встречало сильных пре-

пятствий со стороны оккупантов. При этом захваченные ими в результате наступления 1918 г. материальные ценности и продукты были частично возвращены органам местного самоуправления [5, с. 101–102].

Вместе с тем оккупанты по своему усмотрению восстанавливали полномочия самоуправления и возвращали владельцам права на утраченную частную собственность. Со своей стороны секретариат БНР объявил о признании «всех декретов правительства Ленина, а также бывших народных комиссаров Западной области и фронта для Белоруссии недействительными» (5, с. 151). Деятели БНР даже предприняли попытки установления товарообмена с Украинской Народной Республикой.

Несмотря на либеральное с виду отношение оккупантов к общественности и местному населению, они постоянно демонстрировали свое превосходство и требовали выполнения своих приказов. К примеру, в случае задержки сведений о наличии съестных припасов либо утайки самих припасов от реквизиции, их владельцы подвергались жестоким наказаниям, в том числе физическим. Нередкими были и репрессии по отношению к жителям деревень, оказывавшим сопротивление при осуществлении реквизиций или сбора налогов. В целом, как и весь оккупационный режим, его экономическая составляющая функционировала без помощи и вмешательства руководства БНР и носила хищнический характер, особенно на заключительном его этапе.

Заключение. Чтобы остаться у власти, в 1917–1918 г. большевики Беларуси использовали разнообразные идеологические, политические, экономические средства, в числе которых – уничтожение армии и «борьба за мир». Но если Западный фронт распался без особых усилий, то подписанный в Бресте мир с Германией при-

вел к значительным, в том числе экономическим потерям в масштабе всей страны. Воспользовавшись так называемой «передышкой», большевики, в том числе члены Облискомзапа не стали наделять помещичьей землей крестьян и тем повышать урожаи, а с целью изъятия хлеба для государства и установления продовольственной диктатуры натравили их беднейшую часть на зажиточных и богатых. Предприниматели, купцы и иные «буржуазные элементы» подвергались повышенному налоговому обложению. Те, кто отказывался выполнять приказы «областников» и открыто выражал недовольство, подвергались репрессиям со стороны «чрезвычайки». Таким образом, вместо войны мировой жители Западной области РСФСР были ввергнуты в войну гражданскую.

Кайзеровские войска, по вине большевиков почти полностью оккупировавшие Беларусь, захватили богатые военные трофеи, а также поставили ее экономику на службу Германии. Как и в Западной области РСФСР, здесь действовали германские законы и суровые наказания за их неисполнение. Вместе с тем в них было заложено уважение к частной собственности и демократическим свободам.

Оба режима – советский – в Западной области и германский – в Беларуси не заботились об улучшении местных экономик, а стремились извлечь максимальную выгоду от эксплуатации каждой в интересах центральной власти.

С провозглашением БНР его руководство безуспешно пыталось осуществлять экономическую политику в интересах будущего государства.

Совершенное при попустительстве большевиков ограбление немцами оккупированных территорий Украины, Беларуси и других все же не спасло Германию от поражения в мировой войне.

Литература

1. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: док. и материалы. Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 – март 1918 г.): в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 2. 1096 с.
2. Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Минск: Беларус. наука, 2008. 259 с.
3. Игнатенко И. М. Великий Октябрь в судьбах белорусского народа. Минск: Беларусь, 1987. 319 с.
4. Мясников А. Ф. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
5. Крах немецкой оккупации в Белоруссии в 1918 году (Сборник документов Партархива ЦК КП(б) Белоруссии) / сост.: Ф. О. Попов, В. А. Беляева. Минск: Гос изд-во БССР. Ред. полит. литературы, 1947. 201 с.

References

1. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii: dok. i materialy. Pobeda sotsialisticheskoy revolyutsii i uprocheniye Sovetskoy vlasti v Belorussii (oktyabr' 1917 – mart 1918 g.)* [The great October socialist revolution in Belarus: doc. and materials. The victory of the socialist revolu-

tion and the consolidation of Soviet power in Belarus (October 1917 – March 1918)]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957. Vol. 2. 1096 p.

2. Smol'yaninov M. M. *Moral'no-boyevoye sostoyaniye rossiyskikh voysk Zapadnogo fronta v 1917 godu* [The morale of the Russian troops of the Western Front in 1917]. Minsk, Belorus. nauka Publ., 2008. 259 p.

3. Ignatenko I. M. *Velikiy Oktyabr' v sud' bakh belorusskogo naroda* [Great October in the fate of the Belarusian people]. Minsk, Belarus' Publ., 1987. 319 p.

4. Myasnikov A. F. *Izbrannyye proizvedeniya* [Featured Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 263 p.

5. Popov F. O., Belyaeva V. A. *Krakh nemetskoй okkupatsii v Belorussii v 1918 godu (Sbornik dokumentov Partarkhiva ZK KP(b) Belorussii)* [The collapse of the German occupation in Belarus in 1918 (Collection of documents of the Partarchive of the Central Committee of the Communist Party of Belarus (b))]. Minsk, Gos. izd-vo BSSR, Red. polit. literary Publ., 1947. 201 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 06.03.2020

УДК 7.03(476)

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ВЫЎЛЕНЧАЕ МАСТАЦТВА БЕЛАРУСІ Ў 1920-Я ГГ.:
ТРАДЫЦЫІ І ПОШУК НОВЫХ НАПРАМКАЎ**

У артыкуле разглядаюцца праблемы станаўлення і развіцця нацыянальнага мастацтва як аднаго з кірункаў палітыкі беларусізацыі, што праводзілася на Беларусі ў 1920-я г. Пачыналі з вывучэння беларускай народнай творчасці, гісторыі беларускага мастацтва, што дапамагло вызначыцца новым кірункам у выяўленчым мастацтве, наладзіць рэгулярную выставачную дзейнасць, арганізаваць работу мастацкіх таварыстваў. У залежнасці ад творчых памкненняў мастакі аб'ядноўваліся ў творчыя групы. Ішла актыўная барацьба новага са старым, узніклі самыя разнастайныя плыні, новыя напрамкі, што садзейнічала стварэнню нацыянальнай мастацкай школы.

Ключавыя словы: выяўленчае мастацтва, творчыя пошукі, беларусізацыя, выстава, беларуская культура, творчасць, графіка, скульптура, жывапіс, таварыства.

I. U. Kalyada

Belarusian State Technological University

**ART OF BELARUS IN THE 1920s: TRADITIONS
AND THE SEARCH FOR NEW DIRECTIONS**

The article deals with the problems of formation and development of national art as one of the areas Belarusization policy conducted in Belarus in 1920. We began with a study of the Belarusian folklore, Belarusian art history that has helped to define a new direction in the visual arts, to establish a regular exhibition activity, organize the work of art societies. Depending on the creative aspirations of artists united in creative group. Was an active struggle of the new with the old, there were a variety of trends, new directions, which contributed to the creation of a national art school.

Key words: fine art, creative pursuits, belorussizatsiya, an exhibition of Belarusian culture, creativity, drawing, sculpture, painting, society.

Уводзіны. 1920-я гг. ў гісторыю Беларусі ўвайшлі як перыяд адраджэння, росквіту беларускай культуры. У рэчышчы палітыкі беларусізацыі, якая ахапіла ўсё жыццё, у тым ліку адбывалася станаўленне і развіццё нацыянальнага мастацтва, назіралася імкненне да стварэння нацыянальнай мастацкай школы, да нацыянальнай своеасаблівасці ў мастацтве.

1920-я гг. характарызаваўся творчымі пошукамі новых напрамкаў, найбольш выразных мастацкіх формаў у выяўленчым мастацтве. Адзначым, што калі новая беларуская літаратура магла абaperціся на родную мову, на вопыт сваіх папярэднікаў (В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча) і імёны ўжо шырока вядомых майстроў слова (Я. Купалы, Я. Коласа, М. Багдановіча), то новае беларускае мастацтва такой апоры не мела. Мастацкая школа ў Вільні спыніла сваё існаванне яшчэ ў 1832 г. Мастакі, якія працавалі на Беларусі ў 1920-я гг. (Грубэ А., Дучыц М., Касцялянскі А., Мільчын І.), мала што ведалі пра беларускія мастацкія традыцыі і сваіх папярэднікаў.

Асноўная частка. Пачыналі з таго, што яшчэ ў 1921 г. пры Беларускім аддзеле Наркамасветы БССР была заснавана Экспедыцыя па

вывучэнню беларускай народнай творчасці з мэтай «всестороннега изучения и разработки народного художественного творчества Беларуси как основного начала для возрождения белорусского национального искусства» [1, л. 7].

Работа Экспедыцыі падзялялася на два сектары – збіральны і мастацка-навукова-вытворчы, таму ў склад яе ўваходзілі мастакі-спецыялісты, якія мелі вопыт у той ці іншай галіне. Задачай другога сектара было ўтварэнне мастацкіх школ і адкрыццё шэрагу мастацка-вытворчых майстэрняў. У выніку былі сфармаваны кадры спецыялістаў-інструктараў, якія дапамагалі падтрымліваць і развіваць мастацкія здольнасці мясцовых саматужнікаў.

Паступова Экспедыцыя ўцягнула ў сферу сваёй дзейнасці самыя аддаленыя куткі, пранікла ў глыб народных мас, паўсюды ўносіла элементы народнага мастацтва і ўздымала ўзровень культурнай свядомасці.

Вывучэнне гісторыі беларускага мастацтва пачалося па ініцыятыве выдатных беларускіх мастацтвазнаўцаў Шчакаціхіна М. і Каспяровіча М. Першы арганізаваў пры БДУ кафедру гісторыі беларускага мастацтва і ўзначаліў працу Камісіі гісторыі мастацтва секцыі беларускага

мастацтва пры Інстытуце беларускай культуры. Менавіта ён паставіў пытанне аб фармаванні новага нацыянальнага беларускага мастацтва, шляхамі да якога лічыў неабходнасць пазнання і вывучэння народных вытокаў, перадачу ў пластычных вобразах гістарычнага, псіхалагічнага, жыццёва-бытавога вобраза народа [2, с. 12–13].

М. Каспяровіч, які займаўся даследаваннем гісторыі беларускага выяўленчага мастацтва, архітэктуры, графікі, наладзіў вывучэнне гісторыі беларускага мастацтва пры Віцебскім мастацкім тэхнікуме і шмат зрабіў для папулярызавання здабыткаў вывучэння мастацкага мінулага Беларусі [3].

Пазнанне мінулага дапамагала вызначыцца новым накірункам у выяўленчым мастацтве, такім як рэалістычны (В. Волкаў, М. Дучыц), імпрэсіянісцкі (У. Кудрэвіч), неарэалістычны, які ішоў шляхамі заходнеўрапейскага мастацтва (І. Ахрэмчык), дэкаратыўнае мастацтва (А. Марыкс).

У 1921 г. у Мінску па ініцыятыве мясцовых мастакоў была арганізавана выстава, якая стала своеасаблівым аглядам мастацкіх сіл, выявіла ўсе накірункі і тэндэнцыі, якія існавалі ў той час у мастацтве.

У пачатку 1920-х гг. цэнтрам беларускай выяўленчай школы стаў Віцебск, дзе па ініцыятыве М. Шагала яшчэ ў 1919 г. была арганізавана Народная мастацкая школа «новага рэвалюцыйнага ўзору», задача якой – «проводить в жизнь начала подлинного революционного искусства, порывающего со старой академической рутинной» [1, л. 14]. Вучэбны працэс азначаўся шматвектарнасцю – тут працавалі рэалісты, кубісты, экспрэсіяністы і авангардысты.

На нейкі час школа становіцца месцам актыўнага фармавання новых мастацкіх плыняў, адметнай рысай якіх стала пачуццё асобага аптымізму, што было вызвана кардынальнымі пераменамі ў грамадскім жыцці. У якасці вядучых выкладчыкаў працавалі Дабужынскі К., Пэн Ю., Малевіч К., Фальк Р. і інш.

У канцы 1919-га – пачатку 1920-га з мэтай «абнавіць мастацтва, замяніўшы яго абстрактнымі формамі», вакол заснавальніка супрэматызму Малевіча К. у Віцебску ўтвараецца авангардысцкая арганізацыя «Сцвярджалнікі новага мастацтва» (УНОВИС) (К. Малевіч, М. Шагала, Л. Лісіцкі, У. Стрэмінскі). Члены гэтай арганізацыі былі ўпэўнены, што новы свет, які будзецца ў выніку рэвалюцыі, павінен выпрацаваць і новыя формы, і ўслед за К. Малевічам пачалі ствараць самыя разнастайныя камбінацыі з геаметрычных фігур [4, с. 291–292]. У выніку была распрацавана такая мова мастацтва, якая адкрыла шлях да прамысловага дызайну, мастацкага канструявання. Адзначым, што ідэі віцебскіх авангардыстаў вызначылі ў

далейшым многія знаходкі і дасягненні сусветнай архітэктуры дызайну, кніжнай і прамысловай графікі.

У сярэдзіне 1920-х гг. на базе мастацкай школы быў утвораны Віцебскі мастацкі тэхнікум (які ў далейшым атрымае статус інстытута). Педагагічны састаў змяняецца мастакамі-рэалістамі – Керзін М., Волкаў В., Фогт Ф., Ахрэмчык І., Дзежыц В., Дакальская Г. і іншыя, якія палажылі пачатак нацыянальнай рэалістычнай школы.

У гэты перыяд асаблівага росквіту дасягнула графіка, якая вызначалася дэмакратычнасцю, імкненнем да стварэння нацыянальных вобразаў. Яна была прадстаўлена станкавымі творами, кніжнай ілюстрацыяй, плакатамі, сатырычнымі малюнкамі (К. Каганец, Я. Драздовіч, А. Каменскі).

Значны ўклад у развіццё даваеннай станкавай графікі ўнёс А. Астаповіч, які ў сваёй творчасці ў большасці звяртаўся да вясковых пейзажаў, што былі адзначаны тонкім пачуццём беларускай прыроды («Ранішняя вясна», «Сакавік» (1923), «Зіма» (1927), «Вясенні пейзаж» (1928)). А. Астаповіч – прадстаўнік т. зв. чыста лірычнага пейзажа, пейзажа-настрою. Ім створаны шэраг графічных лістоў, адметнымі рысамі якіх была яркая нацыянальная самабытнасць, нацыянальны каларыт.

Адзін з першых графікаў, цэнтральнай тэмай творчасці якога стала тэма працы, – А. Тычына («На электрастанцыі», «Слясарны цэх», «Малыры»). У 1927 г. аўтар звяртаецца да ксілаграфіі – «Маладзік», «Ускраіна», «Дождж». Большая частка работ будзецца на кантрасце белага і чорнага колераў, як бы падкрэсліваючы рытм чалавечай працы.

Вялікі ўклад у развіццё беларускай станкавай графікі ўнеслі педагогі і выпускнікі Віцебскага мастацкага тэхнікума. У тэхніцы ксілаграфіі шмат працаваў С. Юдовін, які ў 1920-я гг. выканаў серыі «Стары Віцебск» і «Мястэчка».

Пад уплывам графікі С. Юдовіна ў Віцебску развіваецца творчасць Е. Мініна – аднаго з самых здольных, арыгінальных і перспектыўных гравёраў. У 1926–1927 гг. ён стварае свае лепшыя работы – пейзажы Віцебска, жанравыя сцэнкі, партрэты. Мастак шмат увагі надае паказу прыгажосці роднага горада, помнікаў архітэктуры. Прыкладам могуць служыць графічныя лісты – «Ілінская царква ў Віцебску» (1927), «Успенскі сабор у Віцебску» (1927), «Ускраіны Віцебска» (1928), серыя «Беларускае драўлянае дойлідства» (1927).

Паступова цэнтр мастацкага жыцця краіны стаў перамяшчацца ў Мінск, які з адсталлага губернскага горада ператвараўся ў буйны адміністрацыйна-эканамічны і культурны цэнтр.

Тут быў адкрыты Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пачаў функцыянаваць Інстытут беларускай культуры, паспяхова развіваўся нацыянальны тэатр (БДТ-1), працавалі выдавецтвы, актыўна разгортвалася літаратурнае жыццё.

Рубяжом, з якога пачынаецца прынцыпова новы этап у развіцці выяўленчага мастацтва Беларусі, можна лічыць 1925 г., калі ў Мінску адкрылася першая Усебеларуская мастацкая выстава, якая дапамагла выявіць мастакоў, што працавалі на Беларусі, і пазнаёміла з іх творчасцю працоўных рэспублікі. Таксама свае работы прадставілі мастакі – ўраджэнцы Беларусі, якія пражывалі і працавалі за межамі краіны, прадстаўнікі Асацыяцыі мастакоў рэвалюцыйнай Расіі. Такім чынам, быў пакладзены пачатак актыўнаму супрацоўніцтву мастакоў брацкіх рэспублік.

Першая Усебеларуская мастацкая выстава 1925 г. істотна адрознівалася ад выставы 1921 г. не толькі колькасцю ўдзельнікаў, але і ідэйнай накіраванасцю. Тут ужо вырашалася пытанне аб актыўным удзеле мастакоў у будаўніцтве новага жыцця, аб засваенні савецкай тэматыкі.

Выстава была прымеркавана да 20-й гадавіны рэвалюцыі 1905 г., і большасць экспанаваных твораў прысвячалася гэтай тэме. Сярод іх – работы Ю. Пэна «Пасля забастоўкі 1905 г.», М. Філіповіча «Растрэл у Мінску», В. Волкава «Барыкады. 3 падзей 1905 г. у Маскве» і інш. Мастакі вырашалі творчыя праблемы па-рознаму. Адно, прытрымліваючыся старога акадэмічнага курса, будавалі кампазіцыі традыцыйна; другія – стваралі работы абстрактнага характару. Былі на гэтай выставе і творы, прысвечаныя тэме працы, і кампазіцыі на гістарычныя тэмы.

Аднак сапраўдны выхад мастацтва на шырокую грамадскую арэну пачаўся трохі пазней, у 1927 г., калі ў Мінску было створана Усебеларускае аб'яднанне мастакоў (праіснавала да 1932 г.). Аб'яднанне ставіла сваёй мэтай згуртаванне выяўленчых сіл Беларусі, распрацоўку развіцця беларускага выяўленчага мастацтва; садзейнічала арганізацыі выстаў, студый і інш. Членамі Мінскага аддзялення былі Грубэ А. (старшыня), Дучыц І., Мрачкоўская П., Астаповіч А., Тычына А. і інш. Акрамя Мінскага, Аб'яднанне мела свае філіялы ў Віцебску, Гомеле, Магілёве, а таксама ў Маскве і Петраградзе.

Менавіта з гэтага часу пачынаецца арганізацыйны перыяд развіцця мастацтва, яго больш актыўная сувязь з грамадкім жыццём, паступовая беларусізацыя зместу і форм.

Мастакі ў залежнасці ад іх творчых памкненняў аб'ядноўваліся ў творчыя групы, удзельнічалі ў выставах. Дарэчы, у краіне была наладжана рэгулярная выставачная дзейнасць:

у 1927 г. адбылася другая, а ў 1929 г. – трэцяя Усебеларуская мастацкая выстава. Былі закладзены традыцыі персанальных выстаў.

Другая (1927) і Трэцяя (1929) Усебеларускія мастацкія выставы прайшлі пад знакам збірання творчых сіл і засваення мастакамі сучаснай тэматыкі. Краіна рыхтавалася адзначыць 10-годдзе савецкай улады і 10-ю гадавіну ўтварэння БССР. Побач з мастакамі старэйшага пакалення ўсё большую ролю пачыналі іграць маладыя мастакі. На выставах упершыню выступілі такія мастакі, як Ахрэмчык І., Гусеў Н., Мільчын І. і інш. Аднак, нягледзячы на з'яўленне новых работ, якія адрозніваліся сталасцю мастацкага выканання, агульны прафесійны ўзровень беларускага выяўленчага мастацтва быў яшчэ даволі нізкім.

Аб характары беларускага тэматычнага мастацтва першых гадоў савецкай улады можна меркаваць па тых творах, якія экспанаваліся на першых рэспубліканскіх мастацкіх выставах. Дамінуючае месца ў тэматычнай карціне 1920-х гг. займалі дзве тэмы – тэма рэвалюцыі і грамадзянскай вайны і тэма будаўніцтва беларускай дзяржавы і сацыялістычнага грамадства. Вядучае месца ў творчасці мастакоў заняла гісторыка-рэвалюцыйная тэматыка. У такім жанры, напрыклад, працаваў выпускнік Пецярбургскай акадэміі мастацтваў Волкаў В., які ў 1920-я гг. выкладаў у Віцебскім мастацкім тэхнікуме і лічыўся родапачынальнікам беларускага гістарычнага мастацтва. Мастак напісаў шэраг палотнаў, прысвечаных значным падзеям у жыцці беларускага грамадства («Барыкады», «Партызаны»).

Ва ўсіх жанрах, у тым ліку і ў гістарычным, працаваў М. Філіповіч – адзін з актыўных удзельнікаў першых беларускіх мастацкіх выстаў. Яго творчасць займае асобае месца ў мастацтве Беларусі 1920-х гг. У першыя гады сваёй творчасці ён знаходзіўся пад уплывам розных плыняў, але з цягам часу звярнуўся да адлюстравання ў жывапісе фальклорных тэм, падзей беларускай гісторыі («Народнае гуляне», «На Купале», «Вясновае свята»).

Пастаянны ўдзельнік выстаў 1920-х гг. – І. Ахрэмчык на Трэцяй Усебеларускай выставе прадставіў палатно «Падпісанне маніфеста аб утварэнні БССР» (1929), за якое атрымаў першую прэмію. Гэтай карцінай мастак паклаў пачатак прафесійнай распрацоўцы гісторыка-рэвалюцыйнай тэмы ў беларускім жывапісе.

Тэма рабочых будняў, жыцця рабочага класа г. Мінска даволі цікава раскрываецца ў творчасці М. Станюты – «Шклозавод» (1924), «Бягоншчыкі» (1927), «Будаўніцтва ўніверсітэцкага гарадка» (1928), «На будоўлі» (1929), «Ліцейный цэх» (1931). Гэта творы, якія нара-

дзіліся ў выніку непасрэднага назірання мастака за жыццём рабочых.

Свой уклад у развіццё беларускага жывапісу 1920–1930-х гг. унёс Я. Драздовіч – таленавіты жывапісец і графік, майстар дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, этнограф і фалькларыст. Мастацкая спадчына аўтара вельмі разнастайная. Я. Драздовіч піша вобраз першадрукара Скарыны Ф., які па кампазіцыйнаму рашэнню вельмі нагадвае вядомую гравюру Скарыны з Бібліі.

Значнае месца ў творчасці Я. Драздовіча займае пейзаж. Акрамя таго, трэба адзначыць, што ён з’явіўся першаадкрывацелем такой незвычайнай для беларускага вьяўленчага мастацтва тэмы, як касмічная («Жыццё на Марсе», «Жыццё на Сатурне», «Жыццё на Луне»).

Другі цікавы творчы пласт Я. Драздовіча – маляваныя дываны, якія прызначаліся для ўпрыгожання вясковых хат. У гэтай галіне вьяўленчага мастацтва Я. Драздовіч меў надзвычайны поспех.

У 1928 г. пачало дзейнічаць Беларускае мастацкае таварыства «Прамень», якое было арганізавана тымі мастакамі, якія выйшлі з Усебеларускага аб’яднання мастакоў па прычынах «расхожнення в области формальных изысканий, подчинения ВОХ старым традициям дореволюционного периода, отсутствия культуры внутри ассоциации и т. д.» (з Дэкларацыі заснавальнікаў Беларускага таварыства «Прамень») [5, л. 29]. «Прамень» быў утвораны з мэтай «самаўдасканалення і... утварэння мастацтва нацыянальнага па форме і пралетарскага па зместу» [5, л. 33]. Таварыства прадстаўлялі А. Вало (старшыня), У. Бохан, У. Кавалёў, В. Мурашоў, В. Ціхановіч і інш.

Дзейнасць аб’яднання была разнастайнай: лабараторныя практычныя заняткі, даклады па гісторыі мастацтва, аб беларускім народным мастацтве, публічныя лекцыі, вечары, дыспуты, а таксама падарожжы па БССР і СССР з мэтай знаёмства з мастацкай творчасцю розных народаў.

Прадстаўнікі ўсіх жанраў вьяўленчага мастацтва плённа працавалі, асабліва жывапісцы. Ад невялікіх пейзажаў і партрэтаў яны пераходзілі да значных тэм. Усё большае месца ў працы мастакоў займала грамадскае жыццё, гісторыя, побыт народа, прыгажосць беларускай прыроды.

Працяглы шлях развіцця разам з жывапісам прайшла скульптура, важную ролю ў фарманні якой адыграла стварэнне на базе Віцебс-

кага мастацка-практычнага інстытута ў 1923 г. Дзяржаўнага мастацкага тэхнікума са скульптурным аддзяленнем. Яе дасягненні ўвасоблены ў творчасці А. Грубэ, А. Бразэра, З. Азгура, А. Бембеля, А. Глебава, А. Арлова і інш.

Адным з першых скульптараў, які пакінуў значны след у беларускім мастацтве, быў Грубэ А. Былы студэнт Пецябургскага ўніверсітэта, а пасля настаўнік у вясковай школе, ён не быў прафесійным мастаком. Аднак з 1922 г., калі ён пераязджае ў Мінск, і да 1941 г. працуе ў калектыве мінскіх мастакоў, з’яўляючыся адным з самых цікавых майстроў у беларускім мастацтве. Мастак звяртаецца да традыцый беларускай народнай разьбы па дрэве. Да лепшых яго работ належыць скульптура «Лірнік» (1925), скульптура-партрэт М. Багдановіча (1926), «Раб» (1927), «Тачачнік» (1926).

Другой адметнай фігурай гэтага часу быў выкладчык Віцебскага мастацкага тэхнікума, скульптар, графік і жывапісец Бразер А., які адным з першых звяртаецца да нацыянальнай гісторыі (бюст Ф. Скарыны).

У другой палове 1920-х г. пачаў свой творчы шлях і З. Азгур, у той час яшчэ студэнт Віцебскага мастацкага тэхнікума. Скульптару належыць цэлы шэраг работ, прысвечаных знамітым людзям Беларусі: партрэты Ф. Скарыны, А. Пашкевіч, Ф. Багушэвіча, Я. Коласа і інш.

Заклучэнне. Такім чынам, 1920-я гг. былі вельмі прадукцыйнымі для развіцця вьяўленчага мастацтва, станаўленне якога ішло ў вострай барацьбе розных накірункаў і школ. У гэты час майстры старэйшага пакалення працягваюць тварыць у манеры позніх перадвіжнікаў, маладыя мастакі, у сваю чаргу, негатыўна адносіліся да рэалістычных традыцый мінулага, спрабуючы знайсці свае стылі і накірункі ў мастацтве. Спектр вьяўленчага мастацтва 1920-х гг. быў даволі шырокі – ад экспрэсіянізму і супрэматызму да артадаксальнага рэалізму.

Не такімі значнымі былі набыткі скульптараў, кадры якіх яшчэ толькі пачыналі рыхтавацца.

Спрыяльныя ўмовы для развіцця нацыянальнага мастацтва фактычна існавалі ўсяго тры гады – з 1927 па 1930. Але шмат з таго, што было зроблена за гэты час, можна на поўнай падставе аднесці да нашай мастацкай класікі. Былі ўсе прычыны лічыць, што Беларусь знаходзіцца напярэдадні культурнага ўздыму.

Літаратура

1. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 521.
2. Шчакаціхін М., Ластоўскі В. Сучаснае беларускае мастацтва. Мінск: Беларускі Дзяржаўны музей, 1929. 53 с.
3. Каспяровіч М. Беларуская культура // Маладняк. 1928. № 12. С. 138–146.
4. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1997. 486 с.
5. НАРБ. Ф. 42. Воп. 1. Спр. 300.

References

1. NARB. Fund 42. I. 1. F. 521.
2. Shachkatsikhin M., Lastouski V. *Suchasnaye belaruskaye mastatstva* [Contemporary belarusian art]. Minsk, Belaruski Dzyarzhauuny muzey Publ., 1929. 53 p.
3. Kaspyarovich M. Belarusian cultura. *Maladnyak* [Youth. Number], 1928, no. 12, pp. 138–146.
4. Lych L., Navitski U. *Gistoryya kul'tury Belarusi* [History culture of Belarus]. Minsk, VP Ekaperspektyva Publ., 1997. 486 p.
5. NARB. Fund 42. I. 1. F. 300.

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koleda@belstu.by

Information about the author

Kalyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koleda@belstu.by

Паступіў 04.03.2020

УДК 021.4+069:325.2(437)«1920/1930»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ЭКСПАЗІЦЫЙНА-ВЫСТАВАЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ
БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯСПАРЫ Ў ЧЭХАСЛАВАКІІ (1920–1930-я гг.)**

У артыкуле аналізуецца экспазіцыйна-выставачная дзейнасць беларускіх эмігрантаў у Чэхаславакіі ў міжваенны перыяд. Грамадская актыўнасць эміграцыі была асноўным фактарам для індывідуальнай псіхалагічнай адаптацыі ва ўмовах прымаючага грамадства. Адметнае значэнне прыдаецца аналізу адаптацыйных працэсаў беларусаў у Чэхаславакіі. Даследаванне ілюструе малавядомыя факты пра ролю Міністэрства замежных спраў Чэхаславакіі ў культурным жыцці эмігрантаў. Асабліва ўвага надаецца аналізу Беларускай Рады ў Празе як аднаму з асноўных культурных цэнтраў беларусаў замежжа. Члены рады прымалі актыўны ўдзел у кніжных выставах Прагі і Брно, фарміравалі нацыянальныя стэнды з беларускімі кнігамі і перыядычнымі выданнямі. Аўтар прыходзіць да высноў пра высокі ўзровень зацікаўленасці беларускіх эмігрантаў у падрыхтоўках кніжных выстаў. Артыкул разглядае праблему адносін да фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці, асноўныя этапы жаночага руху ў міжваенны перыяд, які разбураў сацыяльныя стэрэатыпы.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, эміграцыя, выставачная дзейнасць, Чэхаславакія, культурная дзейнасць, нацыянальная ідэнтычнасць.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**EXPOSITION AND EXHIBITION ACTIVITY
OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN CZECHOSLOVAKIA (1920–1930th)**

The article analyzes the exposition and exhibition activity of the Belarusian emigrants in Czechoslovakia during the interwar period. The public and civil activity of the emigration was the main factor for the individual psychological adaptation to the conditions of the accepting society. The focus is made on the analysis of the adaptive processes of Belarusians in Czechoslovakia. The article illustrates the little-known information about the role of Ministry of Foreign Affairs in Czechoslovakia at the cultural life of emigrants. Special emphasis is made on the analysis of Belarusian Council in Prague as one the main cultural center of Belarusians abroad. The members of Council were the active participants at the book exhibitions in Prague and Brno, they formed the national stand with the Belarusian publications and periodicals. The author comes to the conclusion about the high level of the interest of Belarusian emigrants in the preparing of the book exhibitions. This paper deals with the problem of attitudes toward to the formation of the national identity, the main stages of Women's movement during the interwar period in opposition to the social stereotypes.

Key words: Belarusian diaspora, emigration, exhibition activity, Czechoslovakia, cultural activity, national identity.

Уводзіны. Дыяспара – палітычная з’ява грамадскіх адносін, таму спадчына беларускага замежжа патрабуе дэталёвага даследавання і аналізу. Захаванне духоўнай культуры беларускага замежжа ў міжваенны час было звязана з шэрагам паспяховай міжнародных праектаў, арганізаваных урадам Чэхаславакіі. Рэгулярныя кніжныя выставы ў Празе аказвалі ўплыў на фарміраванне этнічнай самасвядомасці дыяспар, да камплектавання экспазіцый далучаліся беларускія эмігранты.

Асноўная частка. Міністэрства замежных спраў Чэхаславакіі ў рамках рэалізацыі «Рускай акцыі дапамогі» займалася распрацоўкай міжнародных праектаў. Актыўнымі ўдзельнікамі канцэртаў, выстаў, вечарын былі эмігранты з тэрыторыі былой Расійскай імперыі. Міжнарод-

ныя кантакты на арганізаваных мерапрыемствах спрыялі працэсу групавой акультурацыі, прадстаўнікі дыяспар адаптавана прымалі нормы і каштоўнасці дамінаючага этнасу. У 1920-я гг. Міністэрства замежных спраў ЧСР адмыслова займалася арганізацыяй комплексу мерапрыемстваў, накіраваных на пошук аптымальных шляхоў інтэграцыі этнічных груп эмігрантаў у прымаючае грамадства. Кніжныя выставы сталі паспяховымі прыкладамі міжкультурных кантактаў, звычайна там праводзіліся публічныя лекцыі па гісторыі выдавецкай справы. Камплектаванне нацыянальных стэндаў спрыяла са-лідарнасці членаў дыяспар.

Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць беларускай эміграцыі пачынаецца ў 1920-я гг. Уда-ла арганізаваныя міжнародныя мерапрыемствы

асвятляліся на старонках беларускамоўнай прэсы. Напрыклад, газета «Беларуская крыніца» размясціла матэрыял пра ўдзел беларускіх эмігрантаў у кніжнай выстаўцы, якая праходзіла ў Празе з 8 па 10 сакавіка 1926 г. [1]. Беларускі стэнд экспанаваных не толькі чэшскія выданні дзяспары, але таксама кнігі, выдадзеныя беларусамі ў Літве і Бельгіі.

Складанасці выдавецкай справы беларускіх эмігрантаў у першую чаргу былі звязаныя з праблемамі фінансавання. Нягледзячы на недахоп сродкаў, беларусы замежжа імкнуліся выдаваць падручнікі, творы мастацкай літаратуры, навуковыя і перыядычныя выданні. Адметнае значэнне для кансалідацыі эмігрантаў мелі нацыянальныя выдавецтвы за мяжой. Напрыклад, у Коўна дзейнічала выдавецкае таварыства імя Ф. Скарыны і Беларускі цэнтр пад кіраўніцтвам В. Ластоўскага.

Адной з самых актыўных беларускіх арганізацый у Чэхаславакіі, якая прымала ўдзел у выставачнай дзейнасці на міжнародным узроўні, стала Беларуская Рада ў Празе. Гістарычныя крыніцы па дзейнасці Беларускай Рады ў Празе захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва. Дакументы фонда 571 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь «Беларуская Рада ў Празе» змяшчаюць грунтоўную інфармацыю пра першыя праекты і мэты аб'яднання, яе асноўныя кантакты і планы. Арганізацыя павінна была «выдаваць на беларускай ці іншай мове буклеты (брашуры), а таксама кнігі і перыядычныя выданні для задавальнення культурных патрэб беларусаў» [2]. Рада спрыяла сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў, праводзіла арганізацыйную працу па рэгістрацыі беларусаў у Чэхаславакіі, аказвала матэрыяльную і маральную дапамогу, займалася дабрачыннай і грамадскай дзейнасцю.

Праатакол Устаноўчага схода ініцыятыўнай групы заснавальнікаў Беларускай Рады ў Празе ад 6 лістапада 1923 г. зафіксаваў асоб, якія стварылі арганізацыю. Вядомыя беларускія грамадскія дзеячы сталі актывам рады: Уладзімір Жылка, Мікалай Вяршынін, Леанід Заяц, Васіль Захарка, Пётр Крэчэўскі (сустракаецца форма прозвішча – Крэчэўскі), Аляксандр Цвікевіч, Уладзімір Пракулевіч, Язэп Сак [3]. Ініцыятыўнай групай былі падрыхтаваны ўсе неабходныя дакументы для легальнай дзейнасці арганізацыі, таму Статут Беларускай Рады ў Празе быў зацверджаны Міністэрствам унутраных спраў Чэхаславакіі. Эмігранты ў бягучых працэсах неаднаразова падкрэслівалі, што дзейнасць рады адпавядала законам Чэхаславацкай Рэспублікі. На Устаноўчым сходзе было

вырашана, што рада павінна займацца арганізацыяй культурных вечарын і лекцый, развіваць навуковыя і музычна-тэатральныя суполкі, займацца рэгістрацыяй беларускіх эмігрантаў у Чэхаславакіі, пашыраць выдавецкую дзейнасць дзяспары, аказваць матэрыяльную дапамогу беларусам у ЧСР. Аналіз архіўных крыніц дае падставы сцвярджаць, што асноўныя мэты Беларускай Рады ў Празе былі дасягнуты.

Крыніцы фінансавання рады былі пазначаны ў яе Статуце, дзе пералічваліся магчымыя шляхі атрымання сродкаў: «Фонды суполкі складаюцца: з членскіх узносаў; з крэдытаў, якія суполка можа пагасіць; з ахвяраванняў розных асоб і арганізацый; са збораў ад лекцый і тэатральных пастацовак; з даходаў ад бізнесу; з іншых даходаў, што не пазначаны ў Статуце, але на якія суполка мае права як юрыдычная асоба» [4]. Акрамя пералічаных пунктаў, асноўная частка сумы для дзейнасці рады ў 1920-я гг. паступала ад чэшскіх улад у рамках дзейнасці праграмы «Руская акцыя дапамогі».

У 1930-я гг. урад Чэхаславакіі згарнуў шырокае фінансаванне праграм акцыі, шмат якія праекты мелі выключна дабрачынны характар. Нягледзячы на матэрыяльныя праблемы, асноўныя мэты «Рускай акцыі дапамогі» засталіся актуальнымі. Праграма падтрымлівала дзеячоў літаратуры і навукі, дапамагала студэнтам атрымаць вышэйшую адукацыю, стварала ўмовы дзяспарам для задавальнення іх культурных патрэб [5, с. 5]. У 1930-я гг. ва ўмовах згорвання фінансавання Міністэрства замежных спраў ЧСР імкнулася падтрымаць навуковыя цэнтры дзяспар, часткова фінансавала іх вышэйшыя навучальныя ўстановы і школы, грамадскія і палітычныя арганізацыі.

Члены Беларускай Рады рэгулярна прымалі ўдзел у выставах славянскіх ілюстраваных часопісаў, дзе па магчымасці ладзілі свой нацыянальны стэнд. Адметнай выставай стала мерапрыемства 1933 г., якое праходзіла з 22 красавіка па 7 мая ў Празе ў новым будынку цэнтральнай бібліятэкі-чытальні [6]. Асноўнымі арганізатарамі экспазіцыі былі славянскія замежныя архівы пры Міністэрстве замежных спраў, Камітэт славянскіх жанчын і Гарадскі Пражскі архіў [7]. Да камплектавання нацыянальнага аддзела выставы далучылася Беларуская Рада ў Празе. 27 красавіка 1933 г. у рамках праграмы кніжнай выставы М. Вяршынін прачытаў інфармацыйны даклад пра гісторыю нацыянальнай выдавецкай справы [8]. Беларускія экспанаты на стэндзе былі размешчаны адразу пры ўваходзе, за імі стаялі балгарскія і чэшскія стэнды.

Члены рады актыўна абмяркоўвалі змест беларускай экспазіцыі на выставе славянскіх часопісаў у Празе, пра што сведчыць выпіска з

працола агульнага гадавога схода, які адбыўся 5 мая 1933 г. Эмігранты засталіся незадаволенымі дасягнутымі вынікамі, таму разважалі пра магчымыя варыянты пашырэння колькасці экспанатаў. Мерапрыемства кантралявалася Міністэрствам замежных спраў Чэхаславакіі, на правядзенне выставы чэшскі ўрад спецыяльна выдзяляў фінансавыя сродкі дыяспарам. У рамках афіцыйнай праграмы праводзіліся лекцыі, рабіліся даклады пра нацыянальную культуру і гісторыю, а таксама дыспуты пра перспектывы развіцця выдавецкай справы розных славянскіх народаў.

М. Вяршынін выступіў са справаздачай пра выставу славянскіх ілюстраваных часопісаў на пасяджэнні чарговага гадавога схода Беларускай Рады ў Празе. Загадчык Беларускага замежнага архіва Вяршынін М., адказаў на крытычныя заўвагі сваіх калег пра сціплую беларускую экспазіцыю наступным чынам: «Дзеля гэтага я сабраў каля 13 беларускіх экспанатаў, зрабіў вітрыну беларускую, выставіў беларускі сьцяг, на які атрымаў грошы ад праф. Славіка, разам з рускім і украінскім 27.IV я гаварыў аб развіцці беларускай літэратуры і культуры» [9]. Свае прапановы пра магчымасці пашырэння калекцыі беларускіх выданняў таксама выказаў В. Захарка, В. Русак, С. Вітушка. У выніку дыскусій сход прыняў рэзалюцыю, што, нягледзячы на пэўныя складанасці і недарэчнасці ў камплектаванні беларускіх стэндаў, адказным за арганізацыю беларускай экспазіцыі ў выставах пакінуць М. Вяршыніна.

Творчая праца дыяспары працягнулася пры экспанаванні кніжнай выставы ў Брно. На пасяджэнні Прэзідыума члены рады выступілі з ініцыятывай пашырэння стэндаў беларускай экспазіцыі пры пераездзе выставы з Прагі ў Брно (планавалася адкрыць выставу ілюстраваных часопісаў у г. Брно 9.05.1933 г.). Дэмантаж і пераезд экспазіцыі з Прагі ў Брно зацягнуўся амаль на 2 тыдні (выстава ў Брно адчыніла свае дзверы 19 мая 1933 г., а скончылася 5 чэрвеня 1933 г.), што дазволіла беларускім эмігрантам знайсці канкрэтнае вырашэнне праблемы са зместам стэндаў. Беларускі адзел у Брно курыраваў член Беларускага нацыянальнага камітэта Івашка М., які 21 мая прачытаў даклад пра беларускую гісторыю і культуру ў рамках афіцыйнай праграмы кніжнай выставы [8]. Мерапрыемства праводзілася ў памяшканні мастацка-прамысловага музея.

Як ужо адзначалася, на фоне іншых славянскіх дыяспар беларускі адзел экспазіцыі ў Празе выглядаў дастаткова сціпла (13 экспанатаў), што можна патлумачыць абмежаванымі магчымасцямі выдавецкай справы дыяспары. Члены Беларускай Рады пастанавілі дапоўніць

экспазіцыю выставы ў Брно кнігамі і часопісамі з прыватнай бібліятэкі В. Захаркі: «Каб хоць збольшага паправіць беларускі адзел выставы ў Брно, каб яна хоць там не рабіла таго сумнага і для нас беларусаў не пажаданага уражаньня, якое стварылася ў Празе, Беларуская Рада просіць старшыню Рады Захарку дапоўніць лік экспанатаў, якія былі выстаўлены ў Празе, маючыміся у яго кнігамі і часопісамі» [10]. Ідэя была ўдала рэалізаваная, эмігранты змаглі значна палепшыць рэпрэзентатыўнасць беларускіх стэндаў. В. Захарка перадаў пад распіску М. Вяршыніну свае ўласныя асобнікі часопісаў і кніг, сярод якіх былі такія перыядычныя выданні, як «Амерыканскі Беларус», «На чужыне», «Замежная Беларусь», «Беларускі Студэнт», «Беларускі сцяг», «Покліч», «Польмя», кнігі М. Гарэцкага, А. Луцкевіча і інш. На выстаўцы ў Брно нават экспанавалася этнаграфічная карта Беларусі, якая выклікала шчырую зацікаўленасць наведвальнікаў.

Удзел беларускіх эмігрантаў у выставах славянскіх ілюстраваных часопісаў даваў ім каштоўны вопыт міжнацыянальных узаемакантактаў, а таксама вопыт арганізацыйнай работы ў рамках статусных міжнародных мерапрыемстваў у Чэхаславакіі. Значную дапамогу ў рэалізацыі творчых ідэй беларускіх эмігрантаў аказвала ўкраінская дыяспара. Беларуская Рада ў Празе рэалізоўвала супольныя культурныя і адукацыйныя праекты з шэрагам украінскіх арганізацый, асабліва актыўныя кантакты былі з Украінскім грамадскім камітэтам, «Украінскай хатай», Украінскім вышэйшым педагагічным інстытутам імя М. Драгаманава [11]. Пры экспанаванні выставы ў Брно беларускія эмігранты звярнуліся з просьбай да прадстаўніка ўкраінскай дыяспары сп. Жыватко, якога афіцыйна накіравала Міністэрства замежных спраў ЧСР для фарміравання стэндаў. На пасяджэнні агульнага гадавога схода Беларускай Рады 5 мая 1933 г. нават было прынята рашэнне выказаць падзяку ўкраінцу [10] за яго руплівую працу з беларускімі экспанатамі, за дапамогу ў афармленні беларускіх матэрыялаў.

Камплектаванне беларускага стэнда на выставе славянскіх часопісаў у Празе і Брно аказвала непасрэдна ўплыў на фарміраванне характарыстык групавога менталітэту. Вядучы расійскі этнолаг і гісторык Цішкоў В. А. вылучае тыповы фактар дамінуючага грамадства, які праяўляецца ў пачуцці адчужанасці членаў дыяспары [12, с. 444]. Вучоны падкрэслівае, што культурны бар'ер паміж эмігрантамі і тытульнай нацыяй спрыяў фарміраванню настальгічнай веры ў сваю Бацькаўшчыну [13, с. 49]. Калектыўную памяць супольнасці замежжа падтрымлівалі кнігі на роднай мове, публічныя

лекцыі па айчыннай гісторыі, здымкі беларускіх краявідаў на кніжных выставах. Дыяспаральныя міфы – гэта аснова калектыўнай памяці, яны спрыялі згуртаванасці эмігрантаў, фарміраванню нацыянальнага менталітэту беларусаў замежжа.

Члены Беларускай Рады ў Празе надавалі адметнае значэнне экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці, якая спрыяла іх міжкультурнай адаптацыі. Пратакты пясяджэнняў рады сведчаць, што быў зроблены падрабязны аналіз удзелу дыяспары ў выставе славянскіх ілюстраваных часопісаў у Празе і Брно. Крытычныя заўвагі атрымаў М. Вяршынін за свой артыкул пра мерапрыемства, які быў апублікаваны ў газеце «Беларуская крыніца» (№ 24 за 1933 г.) [14]. Публікацыі матэрыялаў пра кніжныя выставы ў віленскай прэсе сведчаць пра шчырую зацікаўленасць беларусаў метраполіі да спраў культурынага жыцця дыяспары.

Яшчэ адной арганізацыяй Прагі, якая займалася кніжнымі выставамі, стаў Беларускі замежны архіў. У якасці прыклада паспяховага мерапрыемства архіва можна прывесці выставу славянскіх часопісаў у ДOME земляробчай асветы, якая праходзіла з 23 верасня па 14 кастрычніка 1933 г. у Празе (урачыстае адкрыццё адбылося 2 кастрычніка 1933 г.) [15]. Беларускі аддзел выставы камплектаваў М. Вяршынін, які на стэндзе, акрамя часопісаў, размясціў беларускі сцяг, геаграфічную карту, фотаздымкі беларускіх краявідаў. Уваход на выставу быў бясплатны, таму мерапрыемства вызначылася значнай лічбай наведвальнікаў. У рамках праграмы былі арганізаваны лекцыі па земляробству і гісторыі, а таксама бясплатныя латарэі, на якіх пераможцы мелі магчымасць атрымаць кнігу ў якасці падарунка.

Беларускі замежны архіў імкнуўся развіваць супрацоўніцтва з Аб'яднаннем славянскіх жанчын, якое таксама ладзіла кніжныя выстаўвы ў Празе. Асноўнай мэтай дзейнасці аб'яднання стала развіццё культурных узаемасувязей, а таксама збліжэнне славянскіх народаў. Беларускія эмігранты ў міжваеннай Чэхаславакіі прымалі ўдзел ва ўрачыстасцях у рамках праграмы «Славянскіх дзён». У 1933 г. «Славянскія дні» праходзілі з 8 па 15 красавіка ў старажытным горадзе Млада Баяславаў [6]. Галоўным мерапрыемствам урачыстасці стала выстава славістычнай літаратуры, дзе таксама экспанаваліся кнігі і перыядычныя выданні на беларускай мове.

У 1920–1930-я гг. узрасла палітычная роля жанчын у грамадстве. Актыўную грамадскую пазіцыю пачалі займаць прадстаўнікі жаночых саюзаў і аб'яднанняў, якія вылучаліся сваёй арганізацыйнай працай. Жаночыя эмігранцкія арганізацыі Чэхаславакіі рэгулярна рабілі дзіцячыя і кніжныя выставы, дзе экспанаваліся не толькі выданні замежжа, але і творы дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва [16, с. 296]. Новыя гендэрныя ўстаноўкі адмаўлялі стэрыятыпы вобраз пасіўных жаночых рэакцый, што было падтрымана шэрагам грамадскіх і палітычных дзеячоў з ліку мужчын. Напрыклад, М. Вяршынін развіваў шырокія кантакты не толькі з жаночымі арганізацыямі Чэхаславакіі, але і з першымі арганізацыямі жанчын-беларусак. Эмігрант намагаўся ініцыяваць праз віленскую газету «Родны край» збор матэрыяльных сродкаў на карысць Аб'яднання беларускіх жанчын імя Алаізы Пашкевіч (Цёткі) [15]. Арганізацыя пачала выпускаць часопіс «Жаноцкая справа», аднак выданне спынілася па прычыне адсутнасці фінансавання. Ёсць падставы меркаваць, што М. Вяршыніну спатрэбіліся чарговыя нумары часопіса для камплектавання фондаў Беларускага замежнага архіва і для пашырэння ліку экспанатаў нацыянальных экспазіцый на кніжных выставах у Чэхаславакіі. На старонках «Жаноцкае справы» гучалі ідэі захавання беларускай адметнасці ў сем'ях, падкрэслівалася значэнне жанчыны-гаспадарыні ў перадачы нацыянальных традыцый новым пакаленням.

Заклучэнне. Такім чынам, з моманту фарміравання беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі эмігранты пачалі далучацца да міжнародных кніжных выстаў і дзяржаўных мерапрыемстваў, арганізацыяй якіх займалася Міністэрства замежных спраў ЧСР. Недахоп фінансавых сродкаў значна звужаў магчымасці арганізатараў беларускіх стэндаў. Ва ўмовах абмежаваных кантактаў эмігрантаў важным элементам развіцця нацыянальнай ідэнтычнасці была калектыўная памяць дыяспары. Нацыянальныя стэнды на кніжных выставах давалі магчымасць беларускім эмігрантам адчуць прыналежнасць да свайго народа, што дапамагала пераадолець акультурацыйны стрэс. Міжнародныя кніжныя выставы скарачалі міжкультурную дыстанцыю паміж эмігрантамі і тытульнай нацыяй, дапамагалі эмігрантам далучыцца да сацыяльнага і культурнага жыцця Чэхаславакіі.

Літаратура

1. Zubr. WYSTAŲKA BIELARUSKAJE KNIHI Ū PRAZIE // BIELARUSKAJA KRYNICA. 1926. № 10. S. 6–7.
2. НАРБ. Фонд 571. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1.
3. НАРБ. Фонд 571. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 2.
4. НАРБ. Фонд 571. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1 зв.
5. Czechoslovak Help to the Russian and Ukraine emigration. Prague: Ministry for Foreign Affairs, 1924. 140 p.

6. Палянскі А. Беларускія кнігі і часопісі на славянскіх выстаўках у Чэхаславацыі // Беларуская школа ў Латвіі. 1933. № 4. С. 320.
7. БДАМЛМ. Фонд 3. Воп. 1. Спр. 44. Арк. 97.
8. Вяршынін М. Беларуская прэса на славянскай выстаўцы // Беларуская крыніца. 1933. № 24. С. 3
9. БДАМЛМ. Фонд 3. Воп. 1. Спр. 44. Арк. 96.
10. БДАМЛМ. Фонд 3. Воп. 1. Спр. 44. Арк. 97 зв.
11. НАРБ. Фонд. 571. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 5–22.
12. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
13. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63
14. ДАМЛМ. Фонд 3. Воп. 1. Спр. 44. Арк. 99.
15. Вяршынін М. Беларускі Загранічны Архіў у Празе // Родны край. 1933. № 22. С. 4.
16. Наріжний С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома світовими війнам. Прага: Музеї визвольної боротьби України, 1942. 372 с.

References

1. Zubr. Exhibition of Belarusian book in Prague. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1926, no. 10, pp. 6–7.
2. NARB. Fund 571. I. 1. F. 1. L. 1.
3. NARB. Fund 571. I. 1. F. 2. L. 2.
4. NARB. Fund 571. I. 1. F. 1. L. 1 turn.
5. *Czechoslovak Help to the Russian and Ukraine emigration*. Prague, Ministry for Foreign Affairs Publ., 1924. 140 p.
6. Palyanski A. Belarusian books and magazines at Slavic exhibitions in Czechoslovakia. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1933, no. 4. P. 320.
7. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 44. L. 97.
8. Vyarsynin M. Belarusian press at Slavic exhibition. *Belaruskaya krynitsa* [The Belarusian Source], 1933, no. 24. P. 3.
9. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 44. L. 96.
10. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 44. L. 97 turn.
11. NARB. Fund 571. I. 1. F. 2. L. 5–22.
12. Tishkov V. A. *Rekviyem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethos. Research about social-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.
13. Tishkov V. A. Historical phenomenon of diaspora. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review], 2000, no. 2, pp. 43–63 (In Russian).
14. BSAMLA. Fund 3. I. 1. F. 44. L. 99.
15. Vershynin M. Belarusian Foreign Archives in Prague. *Rodny kray* [The Native Land], 1933, no. 22. P. 4.
16. Narizhny S. *Ukrayin'ska emigratsiya. Kul'turna pratsya ukrayin'skoyi emigratsiyi mizh dvoma svitovymy viynamy* [Ukrainian emigration. Cultural work of the Ukrainian emigration between two World wars]. Prague, Muzeyi wizvolnoyi borot'by Ukrayiny Publ., 1942. 372 p.

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 12.03.2020

УДК 930 (476) “1921/1939”

Е. Н. Обухова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 ГГ.)
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье представлен историографический обзор культурной деятельности этнических меньшинств Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Проанализированы основные тематические направления исследований, сложившиеся в современной исторической науке Беларуси, дана периодизация становления историографии вопроса. Выявлено, что в 1990-х гг. культурная деятельность этнических меньшинств Западной Беларуси изучалась историками преимущественно как часть истории определенного этноса, тогда как в 2000-х гг. основным направлением исследований стала история общественных организаций этнических меньшинств Западной Беларуси. В 2010-х гг. белорусские историки чаще обращались к изучению различных аспектов художественной культуры этнических меньшинств западнобелорусского региона. В заключении автором представлены наиболее изученные аспекты темы и предложены дальнейшие перспективные направления исследований.

Ключевые слова: этнические меньшинства, историография, культура, Западная Беларусь, евреи, татары, украинцы, литовцы, русские.

E. N. Obukhova

Yanka Kupala Grodno State University

**CULTURAL DEVELOPMENT OF THE ETHNIC MINORITIES
OF THE WESTERN BELARUS (1921–1939th)
IN THE ASSESSMENT OF THE MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY**

The article provides a historiographic review of the cultural activity of the ethnic minorities in the Western Belarus in 1921–1939th. Thematic areas of research in modern Belarusian historian science are identified, the periodization of the formation of the historiography of the issue is given. The cultural activity of the ethnic minorities of Western Belarus in the 1990s was mainly studied as a part of the history of a certain ethnic community. A large number of scientific works devoted directly to the history of the cultural movement of the ethnic minorities in the Western Belarus are appeared in the 2000s. In the 2010s the researchers more often turned to the study of various aspects of the artistic culture of the ethnic minorities in the Western-Belarusian region. In the conclusion the most studied aspects of the topic are shown and the possible areas of further research are outlined.

Key words: ethnic minorities, historiography, culture, Western Belarus, Jews, Tatars, Ukrainians, Lithuanians, Russians.

Введение. История западнобелорусского региона в составе Польши в 1921–1939 гг. является одним из актуальных направлений исторических исследований. Однако если в советское время акцент делался на изучении революционного движения и экономического развития, то в период независимой Республики Беларусь спектр тематики исследований значительно расширился. Историки обратились к изучению деятельности некоммунистических политических партий и общественных организаций, а также истории этнических меньшинств Западной Беларуси, в частности особенностей их культурной деятельности в то время. Несмотря на то, что современная белорусская историография включает в себя значительное число научных исследований, затрагивающих различные аспекты культурной жизни этнических

меньшинств Западной Беларуси, работ, посвященных историографическому обзору научных трудов белорусских историков по означенной теме, пока недостаточно. Вклад отечественных ученых в изучение культурной жизни этносов Западной Беларуси был кратко охарактеризован А. Н. Вабищевичем [1, с. 8], основные подходы в современной белорусской историографии к изучению культуры еврейского этноса Западной Беларуси исследовала И. И. Вавренюк [2].

Основная часть. В историографии культурной деятельности этнических меньшинств Западной Беларуси в межвоенное время можно выделить три периода. В рамках первого периода, 1991–2000 гг., шел поиск основных тематических направлений исследования вопроса, история культуры этнических меньшинств Западной Беларуси рассматривалась преимущественно в

рамках изучения истории определенного этноса. Так, культурная жизнь брестских евреев в 1921–1939 гг. изучалась Е. С. Розенблатом в общем контексте истории еврейской общины Бреста [3]. Э. Г. Иоффе исследовал вопросы культурного развития евреев Западной Беларуси в рамках изучения истории еврейского этноса на белорусских землях в XIV–XX вв. [4]. В 1990-е гг. изучением истории татар Беларуси активно занимался историк Конопацкий И. Б. [5, 6, 7]. Им была отмечена достаточно высокая культурная активность татар в Западной Беларуси, обусловленная в том числе благоприятной политикой польских властей [6, с. 11–12; 7, с. 31]. В конце 1990-х гг. начинается изучение украинского и русского культурно-просветительских движений в западнобелорусском регионе (А. Н. Вабищевич, В. Г. Швайко) [8, 9].

Новый период в развитии историографии вопроса пришелся на 2001–2010 гг. и характеризовался значительным ростом исследований, посвященных непосредственно истории культурного развития этнических меньшинств Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Так, А. Н. Вабищевич опубликовал 16 статей, посвященных общественной и культурной деятельности украинцев (7), евреев (4), литовцев (2), татар (2) и русских (1) Западной Беларуси [10, с. 36–49]. Основные направления культурно-просветительской деятельности еврейских политических и общественных организаций были проанализированы в работах А. В. Мошук и П. Т. Стецкевича [11, 12]. Особенности культурно-просветительской работы русских организаций Полесского воеводства исследовали В. С. Мисюк и В. С. Ильин [13, 14].

В 2000-х гг. продолжилось изучение культурной деятельности этнических меньшинств Западной Беларуси как составной части истории этнической группы региона. Историю татар Беларуси продолжал изучать И. Б. Конопацкий, в своих работах он сравнивал условия реализации религиозных и культурных потребностей татар Западной Беларуси и БССР в межвоенный период [15, 16]. О. А. Соболевская и В. Гончаров, изучая историю и культуру евреев Гродненщины до 1941 г., выявили общую тенденцию к десакрализации еврейского культурного мира в 1921–1939 гг., в том числе и сферы образования [17, с. 232–233, 252–253]. Работа Русского благотворительного общества на территории Западной Беларуси, функционирование русских учебных заведений в этом регионе были исследованы В. Г. Швайко в контексте изучения культурно-просветительской деятельности русских организаций межвоенной Польши [18].

В 2000-х гг. появляются работы, посвященные исследованию культуры (или ее отдельных

направлений) сразу нескольких этнических групп Западной Беларуси, что позволяло сравнить их социокультурное развитие в тот период. Н. Царук была проанализирована деятельность театров, созданных этническими меньшинствами Западной Беларуси в межвоенный период, влияние политики польских властей на их работу [19]. В работах А. Н. Вабищевича (монографии 2008 г. [1], докторской диссертации, защищенной в 2010 г. [10]) были проанализированы основные направления культурно-просветительской деятельности евреев, русских, украинцев, литовцев и татар, показаны особенности реализации ее на практике различными институтами и учреждениями, выявлены причины активизации и затухания в разные периоды [10, с. 23–26]. Также А. Н. Вабищевичем были выделены три типа взаимоотношений польских властей с этническими меньшинствами: конфронтационные (украинцы, литовцы, русские), напряженные (евреи), относительно лояльные (татары, русские-старообрядцы) [1, с. 264].

В 2010-е гг. научный интерес к теме стал менее выраженным, так как многие аспекты были ранее обстоятельно освещены в работах А. Н. Вабищевича. Историки обращались к исследованию культурно-просветительского аспекта деятельности национальных политических партий: так, О. Л. Щука исследовала деятельность еврейского культурно-просветительского товарищества «Гарбут» в Западной Беларуси [20], развернутый анализ культурно-просветительской работы украинских политических партий и общественных организаций в Полесском воеводстве в межвоенный период был проведен Ю. В. Черняком [21].

В 2010-х гг. активизируется изучение культуры отдельных этнических меньшинств Западной Беларуси. Историю еврейского образования в регионе исследовали А. В. Мошук и И. И. Вавренюк [22, 23], также И. И. Вавренюк изучались особенности модернизации еврейской художественной культуры западнорусского региона в 1921–1939 гг. [24]. Деятельность украинских театров на территории Полесского воеводства в межвоенный период охарактеризовал В. С. Мисюк [25].

Заключение. В современной белорусской историографии культурная деятельность этнических меньшинств Западной Беларуси рассматривалась как в рамках изучения истории определенного этноса (такой подход был распространен в 1990-х–2000-х гг.), так и при исследовании истории культурной жизни Западной Беларуси и ее отдельных аспектов (такое направление получило развитие в 2000-х и 2010-х гг.). Акцент делался на исследовании культурно-просветительской деятельности политических партий,

общественных организаций и культурных учреждений, созданных этническими меньшинствами. Наиболее изученными аспектами темы являются история культурной деятельности евреев и украинцев межвоенной Западной Беларуси. Следует отметить, что в региональном масштабе наиболее изученной является история культурно-просветительского движения этнических меньшинств Полесского воеводства. Весомый

вклад в изучение проблемы внес доктор исторических наук из Бреста Вабищевич А. Н. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать изучение истории образования и просвещения этнических меньшинств Западной Беларуси в межвоенный период, исследование особенностей культурной деятельности этнических меньшинств в 1921–1939 гг. в регионах (Гродненщине, Новогрудчине).

Литература

1. Вабишчэвіч А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: Выд-ва БрДУ, 2008. 319 с.
2. Вавренюк И. И. Проблема культурного развития еврейского народа на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) в современных белорусских исследованиях // Православие в духовной жизни Беларуси: сборник трудов III Международной научно-практической конференции (24–25 октября 2013 г.). Брест, 2015. С. 119–128.
3. Розенблат Е. С. Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. XVI–XX вв. Брест, 1993. 84 с.
4. Иоффе Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси (XIV–XX вв.): крат. науч.-попул. очерк. Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. 292 с.
5. Думін С. У., Канапацкі І. Б. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць. Мінск: Польша, 1993. 204 с.
6. Канапацкі І. Б. Адукацыя татар на Беларусі ў 1920–1930-я гг. // Нацыянальная адукацыя і полікультурная парадыгма: матэрыялы 5-й Міжнароднай навуковай канферэнцыі (18–19 верасня 1996 г.), 1996. Вып. VII. С. 30–32.
7. Канапацкі І. Б., Шабановіч А.-Б. З гісторыі мусульманскай адукацыі татарскай дыяспары на Беларусі // Нацыянальная адукацыя: адукацыя дыяспар: матэрыялы 6-й Міжнароднай навуковай канферэнцыі (1–3 красавіка 1998 г.). Брэст, 1998. С. 10–14.
8. Вабишчэвіч А. М. Украінскі культурна-асветніцкі рух у заходнебеларускім краі (1920–1930-я гг.) // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (5–6 снежня 1997 г.). Гродна, 1998. С. 367–370.
9. Швайко В. Г. Некоторые аспекты развития русской культуры в Полесском воеводстве в 1921–1939 годах // Палессе ў XX веку: матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі (1–4 чэрвеня 2000 г.). Мінск, 2001. С. 165–168.
10. Вабишчэвіч А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): аўтарэф. дыс. ... докт. гіст. навук. Мінск, 2010. 52 с.
11. Мошук А. В. Еврейские культурно-просветительские организации на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навуковай канферэнцыі (6–7 снежня 2001 г.). Мінск, 2001. С. 244–246.
12. Стецкевич П. Т. Культурно-просветительская и благотворительная деятельность еврейских политических партий и организаций в Западной Беларуси (1918–1926 гг.) // Веснік Грод. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2008. № 1. С. 21–25.
13. Мисюк В. С. Международные организации русского зарубежья в Полесском воеводстве // Системная трансформация общества: инновации и традиции: сб. науч. тр. кафедр социально-гуманитарных наук. Брест, 2010. Вып. 7. С. 139–142.
14. Ильин А. Л. Всплеск русского движения в Давид-Городке в 1928–1931 гг. // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац. Брэст: Выд-ва Акадэмія, 2004. С. 142–144.
15. Канапацкі І. Б. Татары-мусульмане ў Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 7. С. 41–46.
16. Канапацкі І. Б. З гісторыі мусульманскай адукацыі татараў у Беларусі // Гісторыя: праблемы выкладання. 2005. № 6. С. 3–8.
17. Соболевская О. А., Гончаров В. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы. Донецк: Норд-Пресс, 2005. 372 с.
18. Швайко В. Г. Деятельность русских организаций в Польше по сохранению русской культуры в 1921–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Гродно, 2005. 24 с.
19. Царук Н. Тэатральная дзейнасць у Заходняй Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2002. № 5. С. 58–67.
20. Щука О. Л. Еврейское культурно-просветительское товарищество «Гарбут» на территории Западной Беларуси: организационные основы и основные направления деятельности // Тирош – труды по иудаике. 2011. Вып. 11. С. 159–163.

21. Черняк Ю. В. Деятельность украинских политических партий и культурно-просветительских организаций по украинизации Белорусского Полесья в межвоенный период // Литература та культура Полісся. 2012. № 69. С. 314–333.

22. Мошук А. В. Еврейская школа в Западной Беларуси – опыт религиозного и светского начала образования // Вестник Брест. гос. техн. ун-та. 2012. № 6. С. 69–71.

23. Вавренюк И. Развитие начального иудейского образования в Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Веснік Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2014. № 2. С. 74–85.

24. Вавренюк И. И. Тенденции развития художественной культуры евреев Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // Веснік Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2018. № 1. С. 53–60.

25. Мисюк В. С. Деятельность украинских театров на территории Полесского воеводства // Системная трансформация общества: инновации и традиции: сб. науч. тр. кафедр социально-гуманитарных наук. Брест, 2012. Вып. 9. С. 148–151.

References

1. Vabishchevich A. M. *Natsyyanal'na-kul'turnaye zhytstse Zakhodnyay Belarusi (1921–1939 gg.)* [National and cultural life of Western Belarus (1921–1939)]. Brest, BrDU Publ., 2008. 319 p.

2. Vavrenyuk I. I. The problem of the cultural development of the Jewish people in Western Belarus (1921–1939) in modern Belarusian studies. *Sbornik trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ("Pravoslaviye v dukhovnoy zhizni Belarusi")* [Proceedings of the III International scientific and practical conference ("Orthodoxy in the spiritual life of Belarus")]. Brest, 2015, pp. 119–128 (In Russian).

3. Rozenblat E. S. *Zhizn' i sud'ba Brestskoy evreyskoy obshchiny. XVI–XX vv.* [The life and fate of the Brest Jewish community. XVI–XX centuries]. Brest, 1993. 84 p.

4. Ioffe E. G. *Stranitsy istorii evreyev Belarusi (XIV–XX vv.)* [Pages of the history of the Jews of Belarus (XIV–XX centuries)]. Minsk, ARTI-FEKS Publ., 1996. 292 p.

5. Dumin S. U., Kanapatski I. B. *Belaruskiya tatory: minulaye i suchasnasts'* [Belarusian Tatars: past and present]. Minsk, Polymya Publ., 1993. 204 p.

6. Kanapatski I. B. The education of Tatars in Belarus in 1920–1930s. *Materyyaly 5-y Mizhnarodnay navukovay kanferentsyi ("Natsyyal'naya adukatsyya i polikul'turnaya paradygma")* [Materials of the 5th International scientific conference ("National education and the multicultural paradigm")], 1996, vol. VII, pp. 30–32.

7. Kanapatski I. B., Shabanovich A-B. From the history of the Muslim Education of Tatar diaspora in Belarus. *Materyyaly 6-y Mizhnarodnay navukovay kanferentsyi ("Natsyyal'naya adukatsyya: adukatsyya dyaspar")* [Materials of 6 International scientific conference ("National education: education of diasporas")]. Brest, 1998, pp. 10–14.

8. Vabishchevich A. M. Ukrainian cultural and educational movement in the Western-Belarusian area (1920–1930s.). *Materyyaly respublikanskay navukovay kanferentsyi ("Etnasatsyyal'nyya i kul'turnyya pratsesy u zakhodnim regiene Belarusi: gistoryya i suchasnasts'")* [Materials of republican scientific conference ("Ethnosocial and cultural processes in the western region of Belarus: the history and the present")]. Grodna, 1998, pp. 367–370.

9. Shvayko V. G. Some aspects of the development of Russian culture in the Polesie Voivodeship in 1921–1939. *Materyyaly navukova-krayaznauchay kanferentsyi ("Palesse u XX veku")* [Materials of scientific and local-historical conference ("Polesie in the twentieth century")]. Minsk, 2001, pp. 165–168.

10. Vabishchevich A. M. *Natsyyanal'na-kul'turnaye zhytstse Zakhodnyay Belarusi (1921–1939 gg.)*. *Avtoref. dis. dokt. ist. nauk* [National and cultural life of Western Belarus (1921–1939). Abstract of thesis doct. of hist. sci.]. Minsk, 2010. 52 p.

11. Moshchuk A. V. The Jewish cultural and educational organizations in the territory of Western Belarus (1921–1939). *Materyyaly navukovay kanferentsyi ("Etnichnyya supol'nastsy ŷ Belarusi: gistoryya i suchasnasts'")* [Materials of scientific conference ("Ethnic communities in Belarus: the history and the present")]. Minsk, 2001, pp. 244–246 (In Russian).

12. Stetskevich P. T. Cultural, educational and charitable activity of Jewish political parties and organizations in Western Belarus (1918–1926). *Vesnik Grodenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly* [Bulletin of Yanka Kupala Grodno State University], series 1, History, Philosophy, Political science, Sociology, 2008, no. 1, pp. 21–25 (In Russian).

13. Misiyuk V. S. The international organizations of the Russian abroad in Polesie Voivodeship. *Sbornik nauchnykh trudov kafedr sotsial'no-gumanitarnykh nauk ("Sistemnaya transformatsiya obshchestva: innovatsii i traditsii")* [Proceedings of the departments of social and humanitarian sciences ("Systemic transformation of society: innovations and traditions"), 2010, vol. 7, pp. 139–142 (In Russian).

14. Il'in A. L. The surge of the Russian movement in David-Gorodok in 1928–1931. *Berastseyski khranograf* [Brest chronograph]. Brest, 2004, pp. 142–144.
15. Kanapatski I. B. Muslim Tatars in Belarus. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian Historical Journal], 2004, no. 7, pp. 41–46.
16. Kanapatski I. B. From the history of the Muslim Education of Tatars in Belarus. *Gistoryya: problemy vykladannya* [History: Problems of Teaching], 2005, no. 6, pp. 3–8.
17. Sobolevskaya O. A., Goncharov V. *Evrei Grodnenshchiny: zhizn' do Katastrofy* [The Jews of Grodno region: life before the Disaster]. Donetsk, Nord-Press Publ., 2005. 372 p.
18. Shvayko V. G. *Deyatel'nost' russkikh organizatsiy v Pol'she po sokhraneniyu russkoy kul'tury v 1921–1939 gg. Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Activity of Russian organizations in Poland to preserve Russian culture in 1921–1939. Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Grodno, 2005. 24 p.
19. Tsaruk N. Theatrical activity in Western Belarus. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian Historical Journal], 2002, no. 5, pp. 58–67.
20. Shchuka O. L. Jewish cultural and educational partnership “Tarbut” in the territory of Western Belarus: organizational basis and main directions of activity. *Tirosh – trudy po iudaïke* [Tirosch – Proceedings of Judaica], 2011, no. 11, pp. 159–163 (In Russian).
21. Chernyak Yu. V. Activity of Ukrainian political parties and cultural organizations for Ukrainization of Belarusian Polesie region in the interwar period. *Literatura ta kul'tura Polissya* [Literature and Culture of Polesie], 2012, no. 69, pp. 314–333.
22. Moshchuk A. V. Jewish School in Western Belarus – experience of religious and secular beginning of education. *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Brest State Technical University], 2012, no. 6, pp. 69–71 (In Russian).
23. Vavrenyuk I. I. The development of primary Jewish education in Western Belarus (1921–1939). *Vestnik Brestskaga dzyarzhavnaga universiteta* [Bulletin of Brest University], series 2, History, Economy, Law, 2014, no. 2, pp. 74–85.
24. Vavrenyuk I. I. Trends in the development of the artistic culture of Jews in Western Belarus (1921–1939). *Vestnik Brestskaga dzyarzhavnaga universiteta* [Bulletin of Brest University], series 2, History, Economy, Law, 2018, no. 1, pp. 53–60.
25. Misiyuk V. S. Activity of Ukrainian theaters in the territory of Polesie Voivodeship. *Sbornik nauchnykh trudov kafedr sotsial'no-gumanitarnykh nauk* (“Sistemnaya transformatsiya obshchestva: innovatsii i traditsii”) [Proceedings of the departments of social and humanitarian sciences (“Systemic transformation of society: innovations and traditions”)], 2012, issue 9, pp. 148–151 (In Russian).

Информация об авторе

Обухова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Октябрьская, 5, Республика Беларусь). E-mail: obuhova_en@grsu.by

Information about the author

Obukhova Elena Nikolaevna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus, Archeology and Special historical disciplines. Yanka Kupala State University of Grodno (5, Oktyabrskaya str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: obuhova_en@grsu.by

Поступила 24.02.2020

УДК 327:930(4) «1939/...»

Л. Ч. Дрожжа

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ПАЛІТЫЧНЫ КРЫЗІС 1939 Г. У ТРАКТОЎКАХ
РАСІЙСКИХ І ПОЛЬСКИХ ГІСТОРЫКАЎ**

У артыкуле адлюстраваны вынікі навуковай дыскусіі гісторыкаў Расіі і Польшчы па актуальных пытаннях прычын і наступстваў Другой сусветнай вайны, якія даследуюцца навукоўцамі ўжо шмат дзесяцігоддзяў, але ў цяперашні час патрабуюць пераканаўчага навукова-гістарыяграфічнага абгрунтавання з улікам сучасных дасягненняў навукі, новых даступных крыніц і імкнення гісторыкаў абедзвюх краін да ўзаемаразумення. Асноўная ўвага нададзена навуковай дыскусіі па спрэчных пытаннях Мюнхенскага пагаднення ў 1938 г., выніках савецка-германскай дамовы аб ненападзе ад 23 жніўня 1939 г. на міжнародныя адносіны напярэдадні і пачатку Другой сусветнай вайны.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, міжнародныя адносіны, другая сусветная вайна, Мюнхенскае пагадненне 30 верасня 1938 г., савецка-германская дамова аб ненападзе ад 23 жніўня 1939 г.

L. Ch. Drozhzha

Belarusian State Technological University

**POLITICAL CRISIS 1939 INTERPRETED
RUSSIAN AND POLISH HISTORIANS**

The article reflects the findings of a scientific discussion of the historians of Russia and Poland on topical issues about the causes of the outbreak of World War II, which has been studied by scientists for many decades, but now requires a convincing scientific and historical justification, taking into account modern scientific achievements, new available sources and the aspirations of historians of both countries to mutual understanding. The main attention is paid to the scientific discussion on controversial issues about the Munich Agreement in 1938, the results of the Soviet-German non-aggression pact of August 23, 1939 on international relations before and the beginning of World War II.

Key words: historiography, international relations, World War II, Soviet-German non-aggression pact of August 23, 1939, Munich agreement of September 30, 1938.

Уводзіны. Шэраг круглых дат з пачатку і да заканчэння Другой сусветнай вайны і Вялікай Айчыннай аживіў цікавасць грамадскасці і навуковых колаў да самых вострых пытанняў пра прычыны іх пачатку. Гэта спрыяла дыскусіям паміж гісторыкамі Расіі і Польшчы, якія назіраюцца ўжо шмат дзесяцігоддзяў, але ў цяперашні час патрабуюць пераканаўчага навукова-гістарыяграфічнага абгрунтавання з улікам сучасных дасягненняў навукі, новых даступных крыніц і імкнення гісторыкаў абедзвюх краін да ўзаемаразумення.

Асноўная частка. Значную цікавасць для сучасных гісторыкаў уяўляе кніга «Міжнародны крызіс 1939 года ў трактоўках расійскіх і польскіх гісторыкаў», якая выйшла на рускай і польскай мовах па выніках даследаванняў і абмеркаванняў на Міжнароднай канферэнцыі ў Варшаве ў 2009 г., прысвечанай міжнароднаму палітычнаму крызісу 1938–1939 гг. і прычынам Другой сусветнай вайны [1]. Ініцыятарам гэтага выдання была польска-расійская група па складаных пытаннях, а арганізатарамі – Польскі інстытут міжнародных спраў і Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін (МДІМА).

Прадстаўленыя ў зборніку артыкулы прысвечаны ўсебаковаму даследаванню знешняй палітыкі еўрапейскіх дзяржаў для выяўлення асаблівасцей перадаваенага крызісу і прычын Другой сусветнай вайны [2].

У кнізе прагледжваецца эвалюцыя ў ацэнках двух ключавых міжнародных дамоў – Мюнхенскага пагаднення 1938 г. і Пакта Молатава – Рыбентропа ад 23 жніўня 1939 г., заключэнне якіх непасрэдна звязана не толькі з крахам версальскага парадку і пачаткам Другой сусветнай вайны, але, як лічыць адзін з аўтараў – польскі гісторык Дэмбскі С., і з падмуркам новай міжнароднай сістэмы, што сфармавалася пасля яе заканчэння. Калі тэзіс аб тым, што падзел сфер уплыву ў Еўропе пачаўся яшчэ ў 1939 г. не з'яўляецца бяспрэчным, то, напэўна, можна пагадзіцца з польскім аўтарам у тым, што Мюнхенскае пагадненне і Пакт Молатава – Рыбентропа, якія ўжо набылі сімвалічны сэнс, сталі кропкай адпраўлення для фармавання многіх гістарычных школ і напрамкаў навуковай думкі.

Несумненна вартасць кнігі заключаецца ў тым, што ў ёй Пакт Молатава – Рыбентропа не разглядаецца як адзіная ключавая падзея

перадваеннай гісторыі міжнародных адносін. Расійскія і польскія гісторыкі, аўтары кнігі, працягнулі спрэчку пра тое, якая з дамоў – Мюнхенскае пагадненне альбо Пакт Молатава – Рыбентропа – была больш спрыяльнай для Гітлера.

У сучаснай расійскай гістарычнай навуцы важным аргументам застаецца Мюнхенскае пагадненне 1938 г., падпісанае 30 верасня паміж Германіяй, Вялікабрытаніяй, Францыяй і Італіяй. Як сцвярджае В. П. Смірноў у артыкуле «Мюнхенская канферэнцыя і савецка-германскі пакт аб ненападзе ў дыскусіях расійскіх гісторыкаў», «пераважная большасць сучасных расійскіх гісторыкаў ацэньваюць Мюнхенскую канферэнцыю як «змову кіруючых колаў Англіі і Францыі з гітлераўскай Нямеччынай і адначасова як капітуляцыю перад Гітлерам» [1, с. 11].

Традыцыйнага погляду на Мюнхенскую канферэнцыю і яе наступствы прытрымліваецца і прафесар Маскоўскага дзяржаўнага інстытута міжнародных адносін Абічкіна Я. А., якая аналізуе перадваенную знешнюю палітыку Францыі і сцвярджае, што Мюнхен быў прапогам і адной з важных прычын Другой сусветнай вайны. Я. А. Абічкіна выкрывае вытокі французскай палітыкі «замірэння» (*appeasement* – англ.) як паслабленне міжнародных пазіцый краіны, якая не дацэньвала моц дзяржаў-агрэсараў і сутнасць ідэалогіі нацызму [1, с. 306].

Да гэтага прафесар з Гданьска Тэбінка Я. ў артыкуле «Знешняя палітыка Вялікабрытаніі і Францыі: ад «замірэння» да стрымлівання» лічыць Мюнхен вяршыняй палітыкі «*appeasement*». Ён упэўнены, што заходнія дзяржавы ў любы момант былі гатовыя аддаць Германіі «вольны горад Гданьск», калі б такой цаной ўдалося захаваць мір. З іншага боку, польскіх, як і заходнееўрапейскіх навукоўцаў, у большай ступені цікавіць савецка-германскі пакт аб ненападзе ад 23 жніўня 1939 г. [1, с. 298].

Дырэктар Польскага інстытута міжнародных спраў Дэмбскі С. лічыць, што ідэя стварэння сфер уплыву без згоды трэціх дзяржаў была анахранізмам для дэмакратычнай еўрапейскай палітыкі, але не для «варвараў» – Гітлера і Сталіна. На яго думку, менавіта пасля Мюнхенскага пагаднення «Сталін задумаўся пра тое, як можна было б зацікавіць Гітлера супрацоўніцтвам з СССР» [1, с. 71], ён не мог дапусціць, каб «польскі крызіс» стаў новым Мюнхенам, г. зн. завяршыўся без яго ўдзелу.

У той жа час іншы польскі гісторык Волас М., наадварот, мяркуе, што пасля Мюнхенскай канферэнцыі Сталіну можна было не баяцца пагрозы міжнароднай ізаляцыі. З 1933 г. ён не перакрываў шляхі да перамоваў з Гітлерам і пасля Мюнхена працягваў думаць катэгорыямі шматварыянтнасці развіцця сітуацыі. Пакт

Молатава – Рыбентропа, на думку М. Воласа, прынес Савецкаму Саюзу нямалыя, хоць і часовыя выгады і стаў галоўнай прычынай пачатку Другой сусветнай вайны [1, с. 203–204].

Нягледзячы на імкненне расійскай гістарыяграфіі змясціць акцэнт з Пакта Молатава – Рыбентропа на іншыя падзеі, за апошнія 20 гадоў ён заняў сваю нішу ў расійскай навуцы. Расійскі гісторык Смірноў В. П. дзеліць расійскіх гісторыкаў (па іх адносінах да дамовы аб ненападзе) на «традыцыяналістаў» і «крытыкаў»-рэвізіяністаў (аўтар. рэд). Першым перакананым ён тым, што ініцыятарам збліжэння была Нямеччына і Пакт быў змушаным рашэннем савецкага ўрада. Што ж датычыцца пагаднення аб падзеле чужых тэрыторый, то ў практыцы міжнародных адносін таго часу яно не былі выключэннем. Смірноў В. П. займае «цэнтральную» пазіцыю ў навуковых ацэнках падзей і прыходзіць да высновы, што галоўная мэта савецкай знешняй палітыкі складалася ў тым, каб пазбегнуць вайны на два фронты і сутыкнуць дзве кааліцыі далей ад межаў СССР [1, с. 66].

Вядомы расійскі гісторык Мельцохоў М. І., аўтар артыкула пра перадваенную знешнюю палітыку СССР мяркуе, што Пакт аб ненападзе 1939 г., які дазволіў Савецкаму Саюзу «на пэўны час застацца па-за еўрапейскай вайной», атрымаць «свабоду рук ва Усходняй Еўропе» і прастору для маневру паміж ваюючымі групамі, быў вялікім поспехам савецкай дыпламатыі [1, с. 181].

Між іншым «крытыкі» дадзенай ацэнкі даказваюць, што ініцыятыва заключэння савецка-германскай дамовы зыходзіла ад Сталіна, бо ў Крамлі імкнуліся да пагаднення ў поўнай адпаведнасці з марксісцкай устаноўкай на падрыў капіталізму ў сусветнай вайне, а сакрэтныя пратаколы абуральным чынам парушалі міжнароднае права. Такого пункту гледжання прытрымліваюцца гісторыкі Расійскай акадэміі навук: напрыклад, Лебедзева Н. С. сцвярджае, што сама дамова і сакрэтныя пратаколы былі накіраваны на «ліквідацыю дзяржаўнага суверэнітэту чатырох краін і як грубае парушэнне агульнапрынятых нормаў міжнароднага права» [1, с. 409, 426].

Расійскі гісторык з Інстытута славяназнаўства РАН Случ С. З. катэгарычна сцвярджае, што «пасля Мюнхена прыярытэтнай знешнепалітычнай задачай стала дасягненне пагаднення з нацысцкай Германіяй» [1, с. 318]. Найменш дыскусійнай тэмай даследавання ў асвятленні расійскіх і польскіх гісторыкаў выглядае знешняя палітыка Германіі.

Галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута эканомікі РАН Дашычаў У. І. прыходзіць да высновы, што, у адрозненне ад стратэгічнай

канцэпцыі, якой прытрымлівалася Германія перад Другой сусветнай вайной, яна імкнулася пазбегнуць адначасовай барацьбы на два фронты. У. І. Дашчыца і гісторык з Познані Жэрка С. акцэнтуюць увагу на эвалюцыі знешняй палітыкі Германіі: да 1937 г. яна спрабавала зрабіць Вялікабрытанію сваёй саюзніцай у магчымай вайне з СССР, а пазней абрала канцэпцыю «маланкавага ўдару» ў заходнім накірунку да пачатку кампаніі супраць СССР. З дадзеным пунктам гледжання згодны польскі прафесар Корнат М. Ён лічыць, «што мэтай Гітлера было знішчэнне СССР, – гэта ясна і не падлягае сумневу» [1, с. 368].

Асноўным полем для навуковай дыскусіі паміж польскімі і расійскімі даследчыкамі з’яўляецца тэма знешняй палітыкі СССР у перадваенны перыяд. У цэнтры ўвагі гісторыкаў апынуліся вобраз мыслення і намеры Сталіна, паколькі ўсе рычагі прыняцця рашэнняў у другой палове 1930-х гг., як падкрэслівае польскі гісторык Волас М., знаходзіліся ў яго руках. Адсутнасць дакладных пісьмовых сведчанняў з нагоды ўтоенасці савецкага правадыра і багаці прапагандысцкай мішуры спараджаюць шматлікія здагадкі пры ўсякай спробе высветліць матывы прыняцця рашэнняў. Гісторыкі аддаюць перавагу «імперскай традыцыі» і асабістым сімпатыям і антыпатыям І. Сталіна.

М. Волас сцвярджае, што «знешняя палітыка СССР вызначалася перш за ўсё нацыянальнымі інтарэсамі» [1, с. 184], а пашырэнне «мяжы камунізму» было мэтай савецкай дыпламатыі яшчэ з 1923 г. З ім згодны С. Дэмбскі, які прыходзіць да высновы, што прычынай савецкага рэвізіянізму былі «руская традыцыя і бальшавіцкія інавацыі» [1, с. 64]. «Ідэя вяртання страчаных падчас рэвалюцыі і грамадзянскай вайны тэрыторый былой Расійскай імперыі імпанавала «апантанасць гігантаніяй» бацькі народаў», – лічыць расійскі гісторык Лебедзева Н. С. [1, с. 408].

Такога ж меркавання прытрымліваецца польскі гісторык Корнат М., які сцвярджае, што ў аснове дактрыны савецкай знешняй палітыкі ляжаў тэзіс пра другую імперыялістычную вайну [1, с. 387]. Яго калега Волас С. М. належыць да прыхільнікаў версіі аб жаданні помсты Сталіна Польшчы за прайграную кампанію 1920 г. [1, с. 203].

Прытрымліваецца падобнага пункту гледжання і расійскі даследчык Случ С. З., але, акрамя асабістай непрыязнасці савецкага лідэра да Польшчы, сярод прычын, якія тлумачаць пазіцыю СССР у дачыненні да гэтай краіны, ён паказвае і на пранямецкі нахл яе міністра замежных спраў Бэка Ю. Польскі гісторык з Познанскага ўніверсітэта Вайткавяк Я. у даследаванні «Савецка-польскі ўзброены канфлікт у верасні 1939 года» падкрэслівае, што Польшча

заўсёды разглядалася ў СССР як абавязковы элемент любой антысавецкай кааліцыі, асабліва пасля перамоў СССР з Вялікабрытаніяй і Францыяй.

М. І. Мельцохоў сцвярджае, што нежаданае гэтых краін прызнаць СССР раўнапраўным партнёрам зрабіла сувязі з імі немагчымымі для Сталіна. Меркаванне пра тое, што Вялікабрытанія выкарыстала перамоў з Масквой толькі як сродак націску на Берлін, адстойвае і прафесар Маскоўскага дзяржаўнага інстытута міжнародных адносін, спецыяліст па найноўшай гісторыі Вялікабрытаніі Капітонава Н. К. М. Волас, наадварот, мяркуе, што савецкая тактыка вядзення перамоў з французамі і англічанамі прапанавалася на тым, каб нарошчваць патрабаванні да іх. Іншыя аўтары (Абічкіна Я. А., Тэбінка Я., Случ С. З.) вінавацяць у зрыве перамоў СССР з Францыяй і Вялікабрытаніяй абодва бакі. Менавіта Чэмберлен, як падкрэслівае Я. Тэбінка, не хацеў заключаць палітычнага, а тым больш ваеннага саюзу з СССР, да чаго схіляліся і французы. М. І. Мельцохоў ускладае пэўную віну за зрыў перамоў на Польшчу і іншыя ўсходне-еўрапейскія краіны, якія не былі зацікаўлены ў СССР як гаранты іх незалежнасці [1, с. 181].

Аднак іншы расійскі гісторык Случ С. З., апялюючы да вопыту балтыйскіх дзяржаў, мяркуе, што ўсе асцярогі Польшчы ў адносінах да СССР «мелі пад сабой вельмі сур’ёзныя падставы» [1, с. 341].

Відавочна, што для польска-расійскага супрацоўніцтва вельмі важным было асэнсаванне месца Польшчы ў перадваеннай сістэме міжнародных адносін. Польскі гісторык Жэрка С. звяртае ўвагу на тое, што палітыка Варшавы падчас Судэцкага крызісу і ультыматум Чэхаславакіі з патрабаваннем саступіць Цешынскую вобласць (Заолз’е) адмоўна адбіліся на іміджы Польшчы ў дэмакратычным свеце [1, с. 119].

Згодны з ім і С. З. Случ, які адзначае пагаршэнне адносін Польшчы як з заходнімі саюзнікамі, так і з СССР у перадваенныя гады. Расійскі гісторык мяркуе, што Ю. Бэк і іншыя польскія кіраўнікі наўрад ці пралічылі наступствы адмовы ад германскіх прапаноў, і менавіта Польшча справакавала Гітлера на агрэсію.

Іншай пазіцыі прытрымліваецца польскі прафесар Карнат М., які прыйшоў да высновы, што палітыка доўгатэрміновага пагаднення з Германіяй прадугледжвала дзве абавязковыя ўмовы – незалежнасць і тэрытарыяльную цэласнасць дзяржавы. Гісторыкі згодныя ў тым, што польскія кіраўнікі адчувалі недавер і падзвоннасць у адносінах да СССР.

Польскі гісторык Вайткавяк Я. адзначае, што абедзве краіны глядзелі адна на адну праз прызму вопыту савецка-польскай вайны 1920–1921 г. [1, с. 399]. М. Карнат дадае, што ў той жа

час палякі не імкнуліся да канфлікту з усходнім суседам, а памылкова арыентаваліся на пасіўнасць, палітычную ізаляцыю і нейтралітэт СССР, аслабленага ўнутранымі рэпрэсіямі. Ён даказвае, што пасля 1933 г. германа-савецкі саюз уяўляўся польскім палітыкам маласапраўдным, паколькі сутнасцю ідэялогіі Гітлера быў антыкамунізм. Згаджаецца з гэтым і Я. Вайтквяк. На думку М. Карната, пралік польскіх дыпламатаў заключаўся і ў тым, што яны пераацэньвалі «буфернае» становішча Польшчы і гарантыі заходніх дзяржаў, а германскую пагрозу пагаднення з Расіяй лічылі шантажом [1, с. 386].

Разам з тым польскі прафесар Карнат М. ацэньвае польскую замежную палітыку як рацыянальную, а рашэнне, прынятае ўрадам, лічыць лепшым з трох магчымых варыянтаў (саюз з Трэцім рэйхам, пропуск Чырвонай арміі праз польскую тэрыторыю, барацьба з Германіяй у саюзе з Вялікабрытаніяй і Францыяй). Такім чынам, М. Карнат ацэньвае памылковым меркаванне некаторых польскіх гісторыкаў, якія лічаць правамернай арыентацыю Польшчы на Захад у якасці падмурка польскай знешняй палітыкі. М. Карнат разглядае саюз Польшчы з Трэцім рэйхам як «дарогу ў бездань». Відавочна, што ў гэтым выпадку польскія гісторыкі пераацэньваюць значнасць уласнага патэнцыялу сваёй краіны [1, с. 387].

Неабходна адзначыць, што лейтматывам у польска-савецкіх даследаваннях пры аналізе прычын і вынікаў перадаваенага крызісу праходзіць тэма аб ступені віны і адказнасці еўрапейскіх краін за развязванне Другой сусветнай

вайны. Па агульных меркаваннях гісторыкаў, выключная віна ляжыць на Германіі. Мюнхенская палітыка заходніх дзяржаў і Пакт Молатова – Рыбентропа былі толькі фактарамі, якія спрыялі пачатку нямецкай агрэсіі.

Заканчэнне. Такім чынам, пункты гледжання польскіх і расійскіх даследчыкаў на разглядаемы падзеі перадаваенага крызісу ў Еўропе не ўяўляюць канцэптuallyных супярэчнасцей нацыянальнага характару нават на ўзроўні трактовак асобных падзей. Не прасочваюцца ў іх і асаблівасці традыцыйных метадалагічных пераваг, характэрных для сучаснай гістарыяграфіі Польшчы і Расіі. Гісторыкі, акцэнтуючы ўвагу на знешняй палітыцы той ці іншай краіны, тым не менш паглыбляюцца ў аналізе прычын і вынікаў дзеянняў апанентаў альбо саюзнікаў, што надае іх даследаванням суб'ектыўны, а часам тэндэнцыйны і супярэчлівы характар. Гэта праяўляецца ў тым, што гісторыкі пераказваюць аднолькава вядомыя факты, на аснове якіх кожны аўтар прапануе ўласную інтэрпрэтацыю міжнародных адносін у Еўропе канца 1930-х гг. [1, с. 477].

На нашу думку, у поглядах даследчыкаў назіраецца эвалюцыя палемікі ў расійскай і польскай гістарычнай навуцы аб асноўных вінаватых у перадаваеным крызісе і прычынах развязвання Другой сусветнай вайны. Намаганні гісторыкаў хутчэй накіраваны на пошук польска-расійскага кампрамісу ў тым, што датычыцца прычын сусветнай вайны і агульнай ацэнкі дзеянняў усіх краін-удзельнікаў перадаваенага крызісу.

Літаратура

1. Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков: науч. изд. / М. Волос [и др.]; под ред. М. М. Наринского, С. Дембского. М.: Аспект Пресс, 2009. 480 с.
2. Петровская О. В. Два взгляда на одну трагедию / Рецензия // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3 (8) С. 196–203. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/011/3/17_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.pdf. Дата доступа: 29.09.2019.

References

1. M. Volos, Y. Voitkovyay, V. I. Dashichev. *Mezhdunarodnyy krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskih i pol'skikh istorikov* [The international crisis of 1939 in the interpretations of Russian and Polish historians]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 480 p.
2. Petrovskaya O. V. Two views on one tragedy. *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of the national strategy], 2011, no. 3 (8), pp. 196–203 (In Russian). Available at: https://riss.ru/images/pdf/journal/011/3/17_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F.pdf. (accessed 29.09.2019).

Інфармацыя пра аўтара

Дрожжа Людміла Чэславаўна – магістр гісторыі, спецыяліст кафедры прамысловай экалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Святлодава, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: l_drojja@tut.by

Information about the author

Drozhzha Liudmila Cheslavovna – Master of History, Master, the Department of Industrial Ecology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Паступіў 10.02.2020

УДК 321.1(476)(470):94»1945/1990»

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В БССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(40–80-Е ГГ. XX СТ.)**

Окончание Второй мировой войны привело к активизации миграционных процессов в СССР. Они носили как добровольный, так и принудительный характер и охватили огромные массы населения.

В статье рассматриваются миграционные процессы в БССР в послевоенный период. Показано, что данные процессы оказали существенное влияние на изменение социально-демографической структуры республики, расширили ее национальный состав. Перемещение населения Беларуси в другие малонаселенные регионы Советского Союза имело огромное народнохозяйственное значение для страны.

В то же время массовые миграции из Беларуси имели для развития ее экономики и воспроизводства населения ряд отрицательных последствий – недостаточные темпы освоения природных ресурсов республики, замедленность роста населения, ухудшение его возрастной структуры и др.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, переселение, миграция.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**MIGRATION PROCESSES IN THE BSSR IN THE POST-WAR PERIOD
(40–80th OF THE XX CENTURY)**

The end of the second world war led to the activation of migration processes in the USSR. They were both voluntary and compulsory in nature and covered huge masses of the population.

The article deals with migration processes in the BSSR in the post-war period. It is shown that migration processes had a significant impact on changing the socio-demographic structure of the Republic, expanding its national composition. The movement of the population of Belarus to other sparsely populated regions of the Soviet Union was of great economic importance for the country.

At the same time, mass migrations from Belarus had a number of negative consequences for the development of the economy of Belarus and its population reproduction – insufficient rates of development of natural resources of the Republic, slow growth of the population, deterioration of its age structure etc.

Key words: Russia, Belarus, resettlement, migration.

Введение. Миграционная политика Советского государства определялась спецификой его социально-экономического развития, а также политическими обстоятельствами, складывающимися на определенных этапах его развития.

Вторая мировая война привела к интенсификации миграционных процессов в СССР.

В них оказались вовлечены миллионы людей. К ним прежде всего относились переселенцы (на отошедшие к СССР согласно международным соглашениям территории), демобилизованные военнослужащие, беженцы, реэвакуированные, бывшие военнопленные, репатрианты.

Кроме того, в послевоенные годы была восстановлена система организованного набора рабочих, созданная в начале 1930-х гг. для решения кадровых вопросов индустриализации.

После окончания войны переселенческие процессы стали вновь рассматриваться в качестве важнейшего фактора распределения трудовых ресурсов, связанного прежде всего с освоением восточных районов страны. Основ-

ные функции по регулированию этих процессов государство брало на себя. В связи с этим создавались и реорганизовывались различные государственные структуры, занимавшиеся этими процессами [1, с. 128].

Основная часть. Первая волна миграций в послевоенный период была связана с обменом населения между Польшей и СССР после установления новой советско-польской границы. В результате договора между СССР и Польшей последняя получила 17 районов Белостокской области вместе с Белостоком и 3 района Брестской области, в которых в основном проживали этнические белорусы. Наряду с этим происходил и обмен населением между СССР и Польшей. Белорусы, проживающие на территории Польши, получили возможность переселиться в СССР, и, соответственно, этнические проживающие в СССР поляки получили возможность переселиться в Польшу. В результате в 1944–1948 гг. территорию Западной Беларуси покинули 274,2 тыс. поляков или тех, кто называл

себя поляками (значительная часть переселенцев являлись этническими беларусами католического вероисповедования). Количество беларусов, переселившихся из Польши, было относительно небольшим. За 1945–1946 гг. в БССР переехало 37 тыс. человек [2, с. 5].

Еще одна волна принудительных переселений была связана с выселением раскулаченных крестьян с Западных районов БССР, где проводилась политика коллективизации. Всего в районы Сибири и Казахстана выселили 4298 «враждебно действующих против колхозов элементов», из них 1084 мужчин, 2033 женщин и 1181 ребенок. Среди высланных насчитывалось 2320 поляков, которые не воспользовались своим правом в соответствии с советско-польским соглашением переселиться в Польшу [3, с. 5].

Послевоенный период характеризуется также усилением добровольной миграции в пределах СССР. Белорусы переселялись в основном в Архангельскую и Калининградскую области, а также в Карелию. Кроме того, интенсивный обмен населением шел в это время между Беларусью и Украиной, Латвией и Литвой. Отток населения из Беларуси преобладал над притоком.

В связи с увеличением миграционных потоков в республике возникла необходимость в создании системы управления переселенческими процессами. Поэтому в 1946 г. при Совете Министров БССР был создан отдел переселения и репатриации, который позднее был преобразован в Управление по переселению при Совете Министров БССР. Его целью являлась организация переселения из Беларуси в многоземельные, промышленно-осваиваемые и лесозаготовительные районы СССР.

В 1953 г. Управление было передано в ведение Министерства сельского хозяйства. А в 1954 г. при Совете Министров БССР было создано Главное управление по переселению и организованному набору рабочих при Совете Министров БССР. В 1960-е гг. оно было упразднено, а его функции были переданы аппарату Уполномоченного Совета Министров БССР [4, с. 12].

Следует отметить, что на протяжении 20 послевоенных лет миграционное движение населения республики характеризовалось высокой интенсивностью. Миграционный прирост населения БССР в 1944–1948 гг. составил 959,4 тыс. человек. Вплоть до начала 50-х гг. XX ст. сальдо миграции населения БССР было положительным, так как в первые послевоенные годы на родину возвращались жители БССР, эвакуированные в 1941 г. в глубинные районы страны, а также угнанные в фашистскую неволю.

В 1920-е гг. положение меняется. Послевоенный восстановительный период в основном

закончился. Экономика вступила в новую фазу своего развития. Надобность в неквалифицированном и малоквалифицированном труде в тех масштабах, в каких он применялся в послевоенные годы, резко уменьшилась. В то же время возросли потребности фабрик, заводов, колхозов и совхозов в квалифицированном труде.

Тем не менее народное хозяйство Беларуси не могло в полной мере использовать все имеющиеся трудовые ресурсы. Поэтому, несмотря на ускорение по сравнению со среднесоюзными показателями темпов развития производительных сил республики, спрос на рабочую силу отставал от ее прироста. Эти перекосы и пытались исправить при помощи организованных переселений за пределы Беларуси.

В названный период мигранты из Беларуси направлялись на освоение целинных земель в Казахстане, ехали в Калининградскую область, на северо-запад СССР (Карелию и Архангельскую область). Наибольшие миграционные потери приходятся на 1951–1955 гг. – 546,6 тыс. человек, к 1956–1960 гг. они снизились до 347,9 тыс. и в 1961–1965 гг. – до 170,7 тыс. человек.

В развитии промышленности и сельского хозяйства южных и северных регионов России, Сибири, Казахстана, других районов страны в 1950–1965 гг. участвовали около миллиона выходцев из Беларуси. В результате за 15 лет (1950–1964 гг.) отрицательное сальдо миграции населения БССР составило 1 млн 174 тыс. человек [5, с. 268].

При этом значительную долю из них составляла стихийная миграция населения, что вносило подчас серьезные деформации в структуру и численность населения как в регионах иммиграции, так и в регионах эмиграции населения. Наибольшее уменьшение численности населения Беларуси за счет миграции было в 1951–1953 гг. Отрицательное сальдо миграции населения республики превысило 120% его естественного прироста. В результате численность населения БССР к 1954 г. не только не выросла по сравнению с 1951 г., но даже сократилась [5, с. 272].

В целом миграция оказала сильное влияние на численность и воспроизводство населения Беларуси. Фактические темпы роста численности населения БССР в этом периоде оказались ниже среднесоюзных, хотя темпы естественного роста были примерно одинаковыми. Так, население Беларуси с 1950 по 1965 г. увеличилось на 10,6%, тогда как население СССР возросло за этот период на 28,4% [5, с. 278].

Отрицательное сальдо миграций явилось одной из причин того, что республика долгое время не могла достигнуть довоенной численности населения.

С 1965 г. эмиграция населения из Беларуси значительно уменьшилась, а иммиграция, наоборот, возросла. Сальдо миграции за 1966–1979 гг. составило немногим более 120 тыс. или уменьшилось по сравнению с аналогичным предшествующим периодом в 10 раз. За десятилетие восьмидесятих годов оно уменьшилось до 80 тыс. человек [5, с. 279].

Массовый приток населения в Беларусь был связан прежде всего с развитием народного хозяйства БССР. Индустриальное и сельскохозяйственное развитие республики в этом периоде привело к резкому увеличению потребности в квалифицированной рабочей силе, отвечающей по уровню образования требованиям, предъявляемым современным состоянием отраслей народного хозяйства, что привело к огромному миграционному притоку населения из Москвы, Ленинграда и ряда других крупных городов страны.

Русские, украинцы и представители других народов, переселившиеся в Беларусь за годы советской власти, оказали огромную помощь республике в развитии ее производительных сил, науки и культуры. Основную массу мигрантов в города дали в 60-е и 70-е гг. XX ст. Северо-Западный и Центральный экономические районы, Украина, Казахстан, Сибирь, Дальний Восток, Урал и Прибалтика. На их долю пришлось свыше 80% межреспубликанской миграции в города Беларуси.

Миграционные процессы в Беларуси существенно влияли на изменение социально-демографической структуры, особенно городского населения, расширяли национальный состав. В то же время внутриреспубликанская миграция из сельской местности в города способствовала росту в городах удельного веса белорусов. До революции, как известно, в белорусских городах белорусы составляли меньшинство. Эта тенденция сохранялась и в первой половине XX в. В то же время к 70-м гг. XX ст. большую часть городских жителей республики составляли белорусы, что имело огромное значение для национально-культурного развития республики.

Миграционные связи БССР с другими республиками и районами страны характеризовались многообразием направлений, существенными различиями в интенсивности и результатах миграционных перемещений. Согласно переписям 1970, 1979, 1989 гг., наиболее интенсивен был обмен населением с Россией, Украиной, Казахстаном, республиками Прибалтики. На долю Российской Федерации приходилось более половины как прибывшего в Беларусь, так и выбывшего из нее населения. Причем особенно интенсивными миграцион-

ными связями с Российской Федерацией отличались восточные области республики: Гомельская, Витебская и Могилевская. Более половины обмена населением между Беларусью и Латвией приходилось на Витебскую и Гродненскую области. С Украиной наиболее активные миграционные перемещения имели Гомельская и Брестская области (более 40%) [5, с. 280].

В 70-е гг. XX ст. в обмене населением Беларуси с Казахстаном наблюдалось положительное сальдо миграции – на одного выехавшего из Беларуси приезжало обратно двое. Отток населения из Беларуси отмечался в республике Прибалтики, Северо-Западный и Центральный районы Российской Федерации, южный район Украины. С остальными регионами страны Беларусь имела практически нулевое сальдо миграции [6, с. 17].

Отмеченные тенденции сохранялись в основном вплоть до 80-х гг. XX ст. Почти половина всей численности мигрантов приходилась на долю России: прибывало 40,1%, выбывало 40,8%. Значительные миграционные связи были с Украиной: приток – 13,1%, отток – 10,6%, на третьем месте – республики Прибалтики. Среди миграций на более дальние расстояния на первом месте был обмен с Казахской республикой: 4,4% – приток, 2,2% – отток. Вся территория республики, за исключением Минска, сравнительно равномерно участвовала в ее миграционных процессах [5, с. 281].

Как и в других районах страны, в Беларуси интенсивность миграции мужчин была вплоть до 1990-х гг. заметно выше, чем женщин. Особенно велик этот разрыв был среди выбывающих, что вкуче с отрицательным сальдо миграции ухудшало структуру населения республики по полу. Среди мигрантов преобладали лица в трудоспособном возрасте. Значительную часть мигрирующих составляла молодежь, которая выезжала на учебу или работу в крупные города.

Перемещение населения Беларуси в другие малонаселенные регионы Советского Союза имело огромное народнохозяйственное значение для страны. Однако в связи с чрезмерными масштабами миграции, которые особенно росли в результате неорганизованного, стихийного ее характера, перемещение имело для развития экономики Беларуси и воспроизводства ее населения ряд отрицательных последствий – недостаточные темпы освоения природных ресурсов республики, замедленность роста населения, ухудшение его возрастной структуры и др.

Заключение. Таким образом, начиная с 1950-х вплоть до 90-х годов XX ст. миграционный поток из Беларуси в различные регионы

СССР составил около 1,5 млн человек. В основе его лежала плановая миграция, значительную часть которой составляла стихийная миграция. Особенно значимыми миграционными потоками были в 1950–1964 гг.

Миграционные потоки из Беларуси для СССР в целом и его регионов имели огромное экономическое и социальное значение.

Для Беларуси в 1950-е и первой половине 1960-х гг. они также были благоприятными, поскольку устраняли имевшуюся избыточность населения. Особо благоприятной для Беларуси в 1960–1980 гг. была встречная миграция из Центральных регионов и крупных городов страны. Приезд специалистов способствовал бурному развитию промышленности и науки БССР.

Литература

1. Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания: монография / В. Е. Козляков [и др.]. Минск: БГТУ, 2017. 218 с.
2. Бодак А. Ю. Национальная политика в БССР (1943–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск: НАН Беларуси. ГНУ «Институт истории». 1997. 20 с.
3. Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. 328 с.
4. Барабаш Н. В. Віды і формы міграцыйных працэсаў у БССР у першыя пасляваенныя годы (1945–1950-я гг.) // Весці Бел. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2006. № 4. С. 9–12.
5. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / Л. Л. Рыбаковский [и др.]. М.: Academia, 2009. 431 с.
6. Барабаш Н. В. Государственная переселенческая политика в БССР (1945–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск: НАН Беларуси. ГНУ «Институт истории». 2011. 23 с.

References

1. Kozlyakov V. E., Matveev O. V., Rakachev V. N., Kryuchek P. S., Sergeev V. N. *Narody Rossii i Belarusi: istoricheskiy opyt i sovremennyye problemy vzaimopoznaniya* [The peoples of Russia and Belarus: historical experience and modern problems of mutual learning]. Minsk, BG TU Publ., 2017. 218 p.
2. Bodak A. Y. *Natsional'naya politika v BSSR (1943–1945). Autoref. dis. kand. ist. nauk* [National policy in the Byelorussian SSR (1943–1945). Abstract of thesis kand. of hist. sci.]. Minsk, 2017. 20 p.
3. Polyan P. M. *Ne po svoey vole. Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Not on their own. History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow, Memorial Publ., 2001. 328 p.
4. Barabash N. V. Types and forms of migration processes in the BSSR in the first post-war years (1945–1950). *Vestsi Bel. dzyarzh. ped. un-ta* [News Bel. State Pedagogical University], series 2, History. Philosophy. Political science. Economics. Culturology, 2006, no. 4, pp. 9–12.
5. Ryibakovskiy L. L., Emelyanova A. A., Vorobeva O. D., Lezhenkina O. N., Mazhinov I. B., Gornuhova A. V. *Transformatsiya migratsionnykh protsessov na postsovetском prostranstve* [Transformation of migration processes in the post-Soviet space]. Moscow, Akademia Publ., 2009. 431 p.
6. Barabash N. V. *Gosudarstvennaya pereselencheskaya politika v BSSR (1945–1965 gg.). Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [State migration policy in the BSSR (1945–1965). Abstract of thesis kand. of hist. sci.]. Minsk, 2011. 23 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 15.03.2020

УДК 378.1(476) «1951/1956»

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**БЕЛОРУССКИЙ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-Х ГГ. XX В.**

Белорусский государственный технологический университет является одним из ведущих вузов страны. В 2020 г. отмечается 90-летие со дня его основания. За это время был пройден гигантский путь от лесного института до ведущего высшего учебного заведения в лесной, химической и полиграфической областях Беларуси, был накоплен значительный опыт в сфере организации и развития высшего технического образования. Предметом исследования данной статьи является история развития университета в первой половине 50-х гг. XX в., когда он еще назывался Белорусским лесотехническим институтом. Анализируется рост количественного и качественного состава студентов, развития материально-технической и научно-исследовательской базы института. Рассматриваются структурная организация и основные направления научной деятельности. Освещаются главные направления студенческой жизни. Отражены ведущие количественные показатели роста вуза и тенденции его развития, позволившие стать ему одним из важнейших высших учебных заведений республики.

Ключевые слова: Белорусский лесотехнический институт, высшее образование, лесная промышленность, профессорско-преподавательский состав, лесоинженерный, лесохозяйственный, механико-технологический, факультет.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**BELARUSIAN FORESTRY ENGINEERING INSTITUTE
IN THE FIRST HALF OF THE 50th XX CENTURY**

Belarusian State Technological University is one of the leading universities of the country. In this, 2020 marks the 90th anniversary of its founding. During this time, a giant path has been traveled from a forestry institute to a leading higher educational institution in the forest, chemical and printing fields of Belarus. Significant experience has been accumulated in the organization and development of higher technical education. The subject of this article is the history of the development of the university in the first half of the 50s. The twentieth century, when it was still called the Belarusian Forestry Engineering Institute. It analyzes the growth of the quantitative and qualitative composition of students, the development of the material-technical and scientific-research base of the institute. The structural organization and the main directions of scientific activity are considered. The main directions of student life are highlighted. The main quantitative indicators of the university's growth and trends in its development are reflected, which made it possible to become one of the most important higher educational institutions of the republic.

Key words: Belarusian Forestry Engineering Institute, higher education, forestry industry, professors and teachers, forest engineering, forestry, mechanics and technology, faculty.

Введение. Белорусский государственный технологический университет является одним из ведущих вузов страны. В 2020 году отмечается 90-летие со дня его основания. Вызывает бесспорный научный интерес тот гигантский опыт, который был накоплен университетом в области развития высшего технического образования. Безусловно, данный опыт нуждается в изучении и систематизации для дальнейшего улучшения качества преподавания и обозначения перспектив развития высшего образования в сферах специализации университета, поэтому обращение к истории его развития в отдельные периоды может помочь в решении поставленных задач.

Предметом исследования данной статьи является деятельность института в первой поло-

вине 50-х гг. XX в. В начале 1950-х гг. институт осуществлял подготовку специалистов широкого профиля по трем направлениям для следующих отраслей народного хозяйства: для лесозаготовительной промышленности – инженеров-технологов, деревообрабатывающей – инженеров-механиков, лесного хозяйства – инженеров лесного хозяйства.

Основная часть. В 1951 г. произошло существенное увеличение приема студентов на лесоинженерный факультет: с 55 в предыдущий год до 117. В 1952 г. на лесохозяйственный факультет было зачислено 75 студентов, на лесоинженерный – 125, механико-технологический – 50. Данные цифры набора будут сохраняться до 1955/1956 учебного года (прием студентов на

лесохозяйственный факультет будет увеличен до 100, а на лесоинженерный – до 150 человек). Если в 1952/1953 учебном году в институте обучались 954 студента, то в 1955/1956 – 1317, причем значительно увеличилось число обучающихся в БЛТИ и женщин со 171 до 281. О достаточно высоком престиже института говорят цифры приема. Так, в 1953 г. к конкурсу были допущены 570 человек, успешно сдали экзамены 517, зачислены на первый курс 250 человек. Средний балл, полученный на вступительных экзаменах (по пятибалльной системе), составил: по физике – 3,75; химии – 3,74; русскому языку – 3,67 (обучение велось исключительно на русском языке и экзамен по белорусскому языку, в отличие от сегодняшнего дня, не проводился); математике – 3,59 [1, л. 16].

Возросший прием студентов значительно увеличил нагрузку на материально-техническую базу института. Критически не хватало как учебных площадей, хотя занятия проводились в две смены, так и мест в общежитии. Поэтому руководством неоднократно поднимался вопрос об их увеличении.

В июле 1953 г. произошла смена руководства БЛТИ: на посту директора института Андрея Карповича Петрушу сменил Федор Трофимович Костюкович. При передаче дел был составлен подробный акт, обращаясь к которому можно получить достаточно полное представление о материально-технической базе института и его кадровом потенциале на это время [2].

На балансе БЛТИ находились: учебный 4-этажный корпус (сейчас корпус № 2); студенческое общежитие на 610 мест; 4-этажный 24-квартирный жилой дом для ППС. Кроме того, имелись: каменное здание под учебные мастерские и лаборатории; гараж на 5 машин с мастерской; 2 деревянных коттеджа; спортивная площадка; стрелковый тир; дендрарий площадью 3,2 га с 200 деревьями и кустарниками различных пород; библиотека с общим фондом в 68,3 тыс. томов, а также различные деревянные складские и хозяйственные постройки. Негорельское учебное лесничество располагало производственным цехом, цехом ширпотреба, кузницей, конюшней, а также питомником площадью 1,35 га и фруктовым садом площадью 3,15 га. Из автотранспорта на ходу находились 2 ЗИС-150, 1 ЗИС-5, 1 ГАЗ полуторка, 1 легковой автомобиль «Победа» и 2 мотоцикла, еще 4 единицы техники находились в ремонте, а 2 трофейных мотоцикла и легковые автомобили BMW и Opel подлежали списанию.

Структурно БЛТИ состоял из 3 факультетов и 21 кафедр. Так, в состав лесохозяйственного факультета входило 7 кафедр: общего лесоводства и дендрологии, таксации леса и лесо-

устройства, экономики и организации лесного хозяйства, лесных культур и механизации лесных работ, древесиноведения и защиты леса, почвоведения и ботаники, химии. В составе лесоинженерного факультета было 5 кафедр: механизации лесоразработки тяговых машин, транспорта леса, высшей математики и теоретической механики, строительной механики, геодезии и аэрофотосъемки. Механико-технологический включал 6 кафедр: механической технологии древесины и столярного производства, лесопиления и фанерного производства, физики, электротехники, начертательной геометрии и графики, иностранных языков. Еще 3 кафедры подчинялись непосредственно дирекции института: кафедра марксизма-ленинизма и политэкономики, физвоспитания и спорта, военной подготовки.

БЛТИ располагал достаточно квалифицированным профессорско-преподавательским составом. В штате числились 6 докторов наук, 19 кандидатов, 17 старших преподавателей, 15 ассистентов, 8 преподавателей, кроме того, на кафедре военной подготовки трудились 6 полковников и 1 майор. Однако, несмотря на это, ряд должностей оставался вакантным и поэтому приходилось приглашать преподавателей-совместителей. Кроме того, в штат входили 43 человека учебно-вспомогательного и 73 человека административно-технического персонала.

В 1949 г. в институте была создана аспирантура. Первым аспирантом с отрывом от производства по специальности «Почвоведение» стал Блинцов И. К. (научный руководитель проф. Роговой П. П.). В числе первых аспирантов послевоенного периода были Мирошников В. С., Труль О. А., Забелло К. Л., Ермаков В. Е. и др. Всего за послевоенное десятилетие ученые института защитили 2 докторские и 17 кандидатских диссертаций. В 1954 г. институту было предоставлено право приема диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. За короткий период (1954–1957 гг.) успешно защитили кандидатские диссертации многие преподаватели: Блинцов И. К., Ермаков В. Е., Забелло К. Л., Лобасенок А. К., Мирошников В. С., Труль О. А., Федоров Н. И., Гуняженко И. В.

Большое внимание в институте уделялось культурно-воспитательной и идеологической деятельности. Так, в 1952 г. в его стенах действовало 4 кружка студенческой самодеятельности: драматический, хоровой, духовой и струнный, в которых занимались более 150 студентов. Ими было проведено 38 концертов, кроме того, организовано 22 культпохода в театр, 15 – в кино. Значительной была и спортивная жизнь: в 10 секциях занимались 297 человек. Ежегодно проходила институтская спартакиада.

Раз в две недели кафедрой марксизма-ленинизма проводились обязательные политзанятия, предметом рассмотрения на которых были актуальные политические события. Регулярно организовывались и комсомольские собрания. Как свидетельствуют документы, более 95% студентов являлись членами Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи [3].

Значительным событием в жизни института стало празднование его 25-летия. К этому времени в БЛТИ уже обучались 1320 студентов, из них: на лесохозяйственном факультете – 365, лесоинженерном – 700, факультете механической технологии древесины – 255. Заочно в БЛТИ обучались 619 студентов, в том числе на факультете лесного хозяйства – 284, лесоинженерном – 175, на факультете механической технологии древесины – 160 человек.

26 декабря 1955 г. в концертном зале Окружного дома офицеров состоялось торжественное заседание коллектива, посвященное 25-летию Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова. С докладом выступил директор института Костюкович Ф. Т. Он отметил, что к 25-й годовщине своего существования институт значительно вырос, укрепилась его материально-техническая база, повысилась квалификация научно-педагогических кадров. «В институте работают более 100 научно-педагогических работников. Из них два действительных члена АН БССР, 8 профессоров, докторов наук, 42 доцента, кандидата наук, более 50 преподавателей и ассистентов... В настоящее время институт имеет 21 кафедру и 14 лабораторий, которые укомплектованы высококвалифицированными работниками. Над докторскими диссертациями работают более 10 человек, над кандидатскими – 30. На кафедрах института ведется большая научно-исследовательская работа по следующим направлениям: изучение почвенно-грунтовых условий произрастания леса, совершенствование методов учета леса на корню и повышение выхода деловой древесины на лесозаготовках, экономическое обоснование лесохозяйственных и лесокультурных мероприятий, рациональное размещение деревообрабатывающей промышленности, повышение производительности труда и выхода продукции при обработке древесины, обоснование методов лесоразведения и наиболее рациональных способов ухода за лесом, повышение продуктивности лесов и др. Однако рост материально-технической базы института отстает от темпов его развития. Для обеспечения подготовки инженерных и научных кадров, отвечающих современным требованиям, институту крайне необходимы новый учебно-лабораторный корпус и механические мастерские. Требуется еще одно

общежитие для студентов. Нужно систематическое пополнение наших лабораторий новейшим оборудованием, ибо готовить высококвалифицированных специалистов можно только на базе новейших достижений науки и техники» [4, с. 54].

27 декабря 1955 г. в актовом зале состоялось расширенное заседание ученого совета, посвященное 25-летию института, на котором было заслушано 6 докладов: 1. К истории высшего лесного образования в БССР (академик АН БССР Переход В. И.). 2. Изучение почвенно-грунтовых условий произрастания насаждений на территории БССР и разработка мероприятий повышения производительности лесов (академик АН БССР Роговой П. П.). 3. Научные проблемы в области лесной таксации и их развитие в БССР за последние 25 лет (доктор сельскохозяйственных наук, профессор Захаров В. К.). 4. Задачи лесной промышленности БССР (министр лесной промышленности БССР Самуйленко Ф. А.). 5. Проблемы механической технологии древесины (доктор технических наук, профессор Бершадский А. Л.). 6. Творческое сотрудничество науки с производством (кандидат технических наук, доцент Тихонов А. Ф.).

На торжественном заседании, посвященном 25-летию, институт получил подарки и приветственные адреса от министерств и предприятий. Так, от Министерства лесной промышленности были подарены паровоз ОП-2, автомашинка МАЗ-200, платформы и сцепы УЗК, лебедка Л-27, автомобиль мощностью 25 лошадиных сил, лесопильная 1,5-этажная рама, двухпильный обрезной станок и другое станочное оборудование; от Министерства сельского хозяйства – трактор С-80 с корчевателем-собирателем, трактор ДТ-54, трактор КД-35, трактор «Беларусь» с навесным трехкорпусным плугом, трактор ХТЗ-7, плуг ПКБ-2-5, кусторез и др. Это в значительной мере позволило расширить материально-техническую базу института и улучшить образовательный процесс на лесохозяйственном и лесоинженерном факультетах.

Красноречивым свидетельством роста института как учебного заведения является статистика выпускников по годам. Так, в 1945 г. его окончили 7 человек, 1946 – 11, 1947 – 17, 1948 – 31, 1949 – 50, 1950 – 123, 1951 – 115, 1952 – 142, 1953 – 133, 1954 – 165, 1955 г. – 163. За 1953/1955 гг. существенно увеличивается набор студентов на лесохозяйственный факультет: с 52 до 100 человек. До преобразования БЛТИ в БТИ складывается следующая структура набора: лесоинженерный факультет – 150 человек, лесохозяйственный – 100, механика-технологический – 50 [5].

Хотя ВУЗ и готовил специалистов для всего СССР, вносил он значительный вклад и в развитие

народного хозяйства БССР. Так, в 1954 г. из 165 выпускников для работы в республике были оставлены 72 специалиста, а в 1955 из 163 – 91, т. е. уже более половины. При этом следует отметить что более 80% студентов являлись белорусами по национальности.

Вывод. Подводя итоги, следует отметить, что в данный период, несмотря на значительные трудности, связанные в первую очередь с послевоенным восстановлением народного хозяйства, институт достиг заметных успехов. Была

увеличена и качественно упрочена материально-техническая база лесотехнического института, значительно расширен контингент студентов, улучшено их бытовое положение, наметились значительные успехи в области развития науки, были заложены предпосылки в создании собственных научных школ. Таким образом, осуществлялась продуманная политика в области развития высшего лесного и технического образования, что в дальнейшем дало свои положительные результаты.

Литература

1. НАРБ. Ф. 756. Оп. 6. Д. 75.
2. НАРБ. Ф. 756. Оп. 6. Д. 71
3. НАРБ. Ф. 756. Оп. 6. Д. 65
4. 25 лет Белорусского лесотехнического института имени С. М. Кирова. 1930–1955. Минск: Из-во Бел. гос. университета имени В. И. Ленина, 1957. 102 с.
5. НАРБ. Ф. 756. Оп. 6. Д. 89.

References

1. NARB. Fund. 756. I. 6. F. 75.
2. NARB. Fund. 756. I. 6. F. 71.
3. NARB. Fund. 756. I. 6. F. 65.
4. *25 let Belorusskogo lesotekhnicheskogo instituta imeni S. M. Kirova. 1930–1955* [25 years of the Belarusian Forestry Institute named after S. M. Kirov. 1930–1955]. Minsk, Izd-vo Bel. gos. universiteta imeni V. I. Lenina Publ., 1957, 102 p.
5. NARB. Fund. 756. I. 61. F. 89.

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aliaksandr Aliaksandravich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 11.03.2020

УДК 338.48-6:7/8

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ БЕЛАРУСИ

В статье анализируются духовно-гуманитарный потенциал и основные виды туристской культурно-познавательной рекреации. Рассматриваются ресурсы историко-культурного наследия, формы музейной коммуникации и тематическая разработанность экскурсионных маршрутов. Изучены локальные историко-культурные комплексы, изменения в пространственной организации познавательного туризма. Выявлены методы расширения сферы интеллектуально-гуманитарного приложения туристской рекреации. Сделаны выводы о взаимосвязи этнокультурного туризма с экономическим развитием регионов страны.

Ключевые слова: аттрактивность, анимация, интерпретация, инфраструктура, историко-культурное наследие, зонирование, туристские ресурсы, региональный туризм.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

HISTORICAL HERITAGE AND CULTURAL TOURISM OF BELARUS

The article analyzes the spiritual and humanitarian potential and the main types of tourist cultural and educational recreation. The resources of historical and cultural heritage, forms of Museum communication and thematic development of excursion routes are considered. Local historical and cultural complexes and changes in the spatial organization of educational tourism were studied. Methods of expansion of the sphere of intellectual and humanitarian application of tourist recreation are revealed. Conclusions are made about the relationship of ethnocultural tourism with the economic development of the country's regions.

Key words: attractions, animation, interpretation, infrastructure, historical and cultural heritage, zoning, tourist resources, regional tourism.

Введение. Современный туризм имеет все возрастающее значение для человека и общества, является повсеместным, многоаспектным и сложным явлением. Классическая теория сформулировала шесть его общих гуманистических целей и определила соответствующие функции. В их числе и функция культурно-гуманитарного развития личности. В 1976 г. на международном семинаре по туризму была принята Хартия культурного туризма. В Хартии, а также декларациях, принятых позже в Маниле (1980 г.) и Мехико (1981 г.), закреплены принципы действенного сотрудничества в области культуры и туризма, выделены аспекты соответствующей политики туристского развития. На Генеральной ассамблее Всемирной Туристской Организации (ЮНВТО) в докладе «Туризм – панорама 2020» культурно-познавательный туризм был выделен в числе перспективных направлений деятельности в XXI в.

Программная стратегия национальной туристской политики современной Беларуси базируется на учете ресурсных возможностей историко-культурного наследия страны и сложившейся практики их использования. Накопленный опыт включения гуманитарного потенциала в туристскую рекреацию требует постоянного изучения, научного анализа национальной специфики и особенностей

на основе соотнесенности с закономерностями развития туризма в глобализирующемся мире.

Основная часть. Существует множество форм включения исторического наследия в систему рекреационно-туристского обслуживания. Наиболее распространенная – организация музеев и экскурсионно-исторических маршрутов. Основы для развертывания такой деятельности на белорусских землях складывались в конце XIX в. в рамках истории дореволюционной России, когда сформировалась общественная дорожная инфраструктура, началось издание справочной и туристско-краеведческой литературы, утверждались активные формы воспитания подростков и разрабатывалась школьно-экскурсионная методика.

Советская власть определяла туризм как политическое явление, новую форму классового борьбы и в то же время как средство, которое было призвано активизировать культурное социалистическое строительство. К примеру, в начале 1930-х гг. в Минске существовала городская организация, насчитывающая около 3 тыс. любителей путешествий, которая работала под лозунгом «Пролетарский туризм – путь к социалистической культуре».

В 1920–1930-х гг. в Беларуси вся туристская работа была тесно связана с развитием краеведения, а одним из важнейших элементов туристского

путешествия являлось изучение местных особенностей этнической культуры. Сближение задач краеведения, туристского движения и этнографической научной разработки материальной и духовной культуры белорусов содействовало быстрому развитию музейного дела. К началу 1927 г. в республике функционировали Белорусский государственный музей в Минске, Витебский и Гомельский государственные культурно-исторические музеи, около 20 окружных, районных и других музеев в Орше, Могилеве, Полоцке, Слуцке, Бобруйске, Климовичах, Мозыре, а по состоянию на 1 января 1930 г. насчитывалось уже 8 окружных и 54 районных краеведческих музеев [1, с. 36].

К 1930-м гг. относятся и первые издания в области познавательного туризма. В 1932 г. в Минске издается брошюра В. Самцевича «Туррысты – за вывучэнне гісторыі грамадзянскай вайны», Н. Ковалева «Як і дзе шукаць карысныя выкапні ў БССР», совместное издание Минского окружного общества краеведения и 20-й минской школы «Па беларускіх прасторах». Началась работа по составлению экскурсионного путеводителя по БССР. Вопросы развития белорусского советского туризма находили освещение в журнале «Наш край», а затем – «Савецкая краіна». В них описывались познавательные туристские маршруты по республике, например «Шесть экскурсий по Могилеву», «Культурно-историческая экспедиция Борисов – Старо-Борисов – Студенка», «Краеведческие путешествия» и др.

В годы Великой Отечественной войны экскурсионная деятельность была полностью прекращена. Лишь в 1951 г. для организации местных и международных экскурсий при Белорусском совете профсоюзов была создана Минская экскурсионная база Центрального туристского управления ВЦСПС. По договоренности ее работников с руководством Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны последний выделил своих сотрудников для составления методических разработок экскурсий. Тематическую направленность определяли идейно-политические установки и возросший интерес туристов к территории Беларуси, которая в годы войны стала местом мощного подпольно-партизанского сопротивления немецко-фашистским захватчикам. В этом отношении показательно название экскурсий первых маршрутов: «Ленин и Сталин – непосредственные руководители местными партийными организациями большевиков Белоруссии в период Великой Октябрьской революции и организаторы борьбы белорусского народа в годы Гражданской войны»; «По местам боев Великой Отечественной войны в го-

роде Минске»; «По историческим местам революционной борьбы М. В. Фрунзе в Минске». Материалы экскурсий согласовывались с Институтом истории Академии наук БССР и Минским горкомом партии [2, с. 75, 76].

Военная история 1941–1945 гг., сражения и битвы, становление антифашистского сопротивления, организация партизанской борьбы на белорусских землях определяли основную тематику экскурсионного туризма в 1960–1980-х гг. Особую роль подобная тематика играла в детско-юношеском туризме, который выступал средством военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. Показательны в этом отношении звездные туристские походы и звездные эстафеты учащихся школ и детских домов Белорусской ССР, которые стали проводиться со второй половины 1950-х гг. Их цель – массовое вовлечение учащихся в изучение края, ознакомление с революционными и историко-военными событиями в Беларуси, достижениями советского народа в области культуры и народного хозяйства. Ставились задачи сбора материалов для музея Великой Отечественной войны о работе подпольных комсомольских и пионерских организаций, содействие открытию кружков туристов-краеведов в школах.

Характерно, что туристско-краеведческие походы и экскурсии военно-исторической направленности остаются средством гражданского воспитания молодежи суверенной Беларуси. Например, в границах акции «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся» с 1 апреля 2009 г. по 31 мая 2010 г. проходил республиканский конкурс «Звездный поход», целью которого являлись туристско-краеведческая и поисково-исследовательская деятельность учащихся по изучению партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Ежегодно в мае проводятся слеты юных туристов городов-героев Беларуси и России. В программу слета, помимо спортивных состязаний, включены конкурсы боевых листов, патриотической песни и краеведения, участие в торжественной вахте Памяти. Переходящим символом слета является гильза, наполненная землей со всех городов-героев.

Доминирование в экскурсионном туризме военно-патриотической тематики обусловлено также общей культурной работой по увековечиванию героического духа народа. События Великой Отечественной войны на Беларуси отражены в более чем 6 тыс. памятников. Наиболее известными и посещаемыми объектами являются мемориальные комплексы «Хатынь», «Дальва», «Брестская крепость-герой», «Курган Славы», «Прорыв», монумент на площади Победы в Минске, комплекс «Оборонная линия Сталина», которые одновременно выступают

композиционными элементами организации архитектурного пространства.

С начала 1990-х гг. развернулись процессы государственного строительства суверенной Беларуси. Значимые объекты исторического наследия стали фактором укрепления основ государственности. На законодательном уровне в научный и практический оборот были введены понятия «культурных ценностей» и «историко-культурных ценностей», выявлены и поставлены на учет соответствующие объекты. Приоритетными направлениями культурной политики Республики Беларусь стали сохранение, восстановление и охрана значимых и уникальных исторических памятников, формирование на их основе зримых образов прошлого. Значительную роль в достижении таких задач призвана сыграть туристская рекреация.

Силами академической и вузовской науки страны была проведена аналитико-систематизационная разработка потенциала ресурсной базы культурно-познавательного туризма Беларуси. Итогом научных усилий стало появление изданий «Туристские регионы Беларуси» (под общ. ред. И. И. Пирожника), «Туристическая мозаика Беларуси» (под науч. ред. А. И. Локотко), «Туристская энциклопедия Беларуси» (под общ. ред. И. И. Пирожника). В целом они представили характеристику туристских регионов, зон и районов республики с учетом локализации историко-культурного наследия, выявления тематического содержания экскурсионного показа памятников культуры и природы. По мнению экспертов Всемирной туристской организации (ЮНВТО), наша страна обладает значительным потенциалом для развития культурного туризма. Всего на территории Беларуси учтено свыше 17,5 тыс. памятников истории и культуры. Из числа 5355 объектов включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, в том числе 2266 памятников археологии, 1797 – архитектуры, 1211 – истории, 66 – искусства [3, с. 62].

С точки зрения регионального деления, больше всего памятников сосредоточено в столице (4%), но историко-культурных ценностей, представляющих международный интерес и характеризующих отличительные черты наследия всей республики, больше в Гродненской и Брестской областях [4, с. 52]. Расширению сферы их туристского применения способствовали следующие факторы: развитие всестороннего международного культурного сотрудничества Республики Беларусь; скоординированная политика государственных и коммерческих структур по рекламному продвижению национального продукта культурного туризма с использованием возможностей белорусских дипломатиче-

ских и консульских учреждений; работа по возрождению малых исторических городов Беларуси; реализация «Государственной программы развития и возрождения села»; деятельность по предоставлению объектов в Список Всемирного культурного и природного наследия Юнеско; участие в реализации проекта Юнеско «Развитие культурного туризма и его влияние на экономическое и социальное развитие региона»; изменение форм музейной коммуникации; усилия, направленные на реституцию культурных национальных ценностей.

Результатом предпринимаемых мер стало общее повышение attractiveness культурно-туристских ресурсов и улучшение состояния историко-культурного наследия в сельской местности страны. Произошла регенерация ценной в художественно-эстетическом плане застройки и реставрация памятников в малых городах, появились музейно-усадебные и музейно-этнографические комплексы в сельской местности, наблюдается рост и развитие музеев-территорий, связанных с процессами музеефикации культурных ландшафтов. Одновременно меняется профиль и статус областных и районных комплексных краеведческих музеев, которые стали выполнять роль центров популяризации истории и культуры своего края. Музеи исторического профиля включились в решение вопросов культурной идентификации белорусов и выступают сегодня элементом имиджевой политики регионов.

Рассмотренные изменения существенно отразились на внутривидовой структуре культурного туризма, а также его формах, пространственной организации, масштабах исторического и художественного показа, локализации и направленности туристских потоков. Прочно утвердились такие разновидности туристской рекреации, как туризм фольклорно-этнографический, событийный, религиозно-культурный, заметно увеличились представительность и наглядность информационно-иллюстративных характеристик памятников изобразительного искусства и архитектуры, в зону активного туризма вовлечены новые территории и пласты истории.

Эти характеристики отчетливо проявляются в туристском пространстве Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, который по своей статусной роли выступает памятником истории всей страны. В структуре историко-событийных, религиозных, архитектурных объектов туристского показа выделяются мемориал «Кривичи»; памятник знаменитому князю Всеславу Чародею; Спасо-Преображенская церковь, в которой хранятся мощи святой Ефросиньи и сохранилась келья великой просветительницы; музей белорусского книгопечатания; памятник-часовня героям Отечественной

войны 1812 г., музей М. Шагала и др. Сегодня Полоцк наряду с Минском является крупнейшим центром культурного туризма и духовной жизни.

Туристская рекреация стала не только одним из путей возрождения к жизни архитектурного наследия Беларуси, но и своеобразным драйвером социально-экономического развития местности. Таким примером являются реставрация замкового комплекса «Мир» и дворцово-замкового комплекса в Несвиже. Завершение работ и оформление в Несвиже Национального историко-культурного заповедника превратило город в культурный символ и своеобразный бренд Беларуси, сделало его крайне привлекательным местом для туристов, способствовало увеличению трудовой занятости местного населения, изменило сам облик.

Актуальным направлением туристской политики Республики Беларусь выступает региональный туризм. Этнографическая Беларусь интересна и разнообразна, что способствует развитию локального и регионального культурного туризма через его фольклорную составляющую. В соответствии с историческими, этнографическими и лингвистическими критериями на территории Беларуси выделяют шесть историко-этнографических ареалов: Северный (Поозерье), Восточный (Поднепровье), Центральный, Северо-Западный (Понеманье), Восточное Полесье и Западное Полесье. Границы этнографических ареалов близко соотносятся с границами основных диалектов белорусского языка.

На основе культурно-языковых и бытовых различий конструируются этнографические комплексные объекты туристского показа [5, с. 26, 85, 145]. Туристская практика уже накопила определенный опыт в разработке и реализации познавательных программ, связанных с возрождением аутентичной культуры. В этой связи особенно показательны: во-первых, реализация проекта ПРООН по созданию зеленых маршрутов с сопутствующей инфраструктурой в административных районах страны; во-вторых, развитие событийного туризма, связанного с этнографическим наследием. Наиболее известные из зеленых маршрутов: «Неманский шлях», «Голубое ожерелье Россон», «Край желтых кувшинок и седых валунов», «Воложинские гостинцы», а из событийного туризма – уже традиционные фестивали «Анненскі кірмаш», «Мотальскія прысмакі», бренд «Зюзя Паазерскі», «Заборскі фэст», массовые фестивали и праздники в Логойском, «Зимние забавы» в Шкловском районе и др. [6, с. 124, 125].

Эти формы туристского обслуживания ориентированы на прямое вовлечение туристов в творческий процесс и локальные инициативы (мастер-классы народных ремесел, дегустация

блюдов народной кухни, экскурсии, историческая анимация, самодеятельное искусство).

Рекреационное освоение исторического наследия современной Беларуси в рамках культурно-познавательного туризма привело к образованию групп туристско-экскурсионных центров международного (11), национального (15), регионального (43) значения, около 60 экскурсионных пунктов, выделению локальных туристско-рекреационных и комплексных историко-культурных районов [7, с. 9].

Показательно, что развитие придорожного сервиса, сельского туризма, строительство агроусадоб стимулируют интерес к местному фольклору, легендам, мифологии, порождают возможность формирования инновационного турпродукта на основе нематериального духовного наследия белорусского народа. В настоящее время можно проследить тенденцию расширения познавательного, образовательного и воспитательного потенциала исторического наследия Беларуси на основе использования таких форм его туристской интерпретации, как информационное представление с помощью мультимедийных технологий, организация анимированного показа объектов по принципу «знакомство через действие», формирование мифологизированных ресурсов.

Выводы. Таким образом, культурный туризм Беларуси выявлял различные измерения исторического наследия. В советский период своего развития он представлял часть общественно-политического движения, был тесно связан с идеями социалистического строительства и патриотического воспитания молодежи, ориентировался на организованное школьно-молодежное краеведческое движение и самодеятельные формы организации.

В истории современной Беларуси культурный туризм является частью государственного строительства, выступает в качестве организационной и символической формы репрезентации исторического наследия, способствует укреплению национального самосознания.

Расширение культурного туризма рассматривается как возможность придания серьезных импульсов для устойчивого развития регионов, создания в сельской местности гостиничной и транспортной туристской инфраструктуры, стимулирования потребительского спроса. Анализ республиканской сети туристско-экскурсионных маршрутов, информационной насыщенности туристского показа объектов исторического наследия демонстрирует значительный рост объемов представленности фольклорно-этнографического достояния народа во внутреннем турпродукте и его использования в полифункциональных центрах международного туризма.

Літэратура

1. Інстытут беларускай культуры / М. П. Касцюк [і інш.]. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 255 с.
2. Шаповал Г. Ф. *История туризма: монография*. Минск: РИВШ, 2006. 166 с.
3. Туризм и туристские ресурсы в Республике Беларусь: стат. сборник. Минск: Нац. стат. комитет, 2019. 76 с.
4. Туристские регионы Беларуси / редкол.: Г. П. Пашкевич [и др.]; под общ. ред. И. И. Пирожника. Минск: БелЭн, 2008. 608 с.
5. Цітоў В. С. *Этнаграфічная спадчына: Беларусь: Краіна і людзі*. Мінск: Беларусь, 2001. 208 с.
6. Решетников Д. Г. *География туризма Республики Беларусь: учеб.-метод. пособие*. Минск: Четыре четверти, 2011. 320 с.
7. Туристическая мозаика Беларуси / редкол.: А. И. Локотко [и др.]; науч. ред. А. И. Локотко. Минск: Беларус. наука, 2011. 640 с.

References

1. Kastyuk M. P. *Instytut belaruskay kul'tury* [Institute Belarusian culture]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1993. 255 p.
2. Shapoval G. F. *Istoriya turizma* [History of tourism]. Minsk, RIVSh Publ., 2006. 166 p.
3. *Turizm i turistskiye resursy v Respublike Belarus'* [Tourism and tourism resources in the Republic of Belarus]. Minsk, Nats. stat. komitet Publ., 2019. 76 p.
4. Lokotko A. I., Knyazeva O. N., Morozova E. V., Izotova O. V. *Turistskiye regiony Belarusi* [Tourist regions of Belarus]. Minsk, BelEn Publ., 2008. 608 p.
5. Tsitou V. S. *Etnagrafichnaya spadchyna: Belarus : Kraina i lyudzi* [Ethnographic heritage: Belarus: country and people]. Minsk, Belarus' Publ., 2001. 208 p.
6. Reshetnikov D. G. *Geografiya turizma Respubliki Belarus'* [Geography of tourism of the Republic of Belarus]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2011. 320 p.
7. Andrievskaya Z. Ya., Vinokurov V. F., Ganopol'skiy V. I., Grinevetskiy V. V., Dobritskaya E. A., Drazhin V. V., Ermakova S. S., Zhukovskaya T. I., Zaytseva V. M., Lobanok P. I., Lovchaya L. V., Markevich M. V., Mechkovskaya O. A., Moroz O. L., Nesterenko S. N., Potaev G. A., Potaeva G. R., Reshetnikov D. G., Reshetnikova A. N., Solovykh T. K., Tarasenok A. I., Fedortsova T. A. *Turisticheskaya mozaika Belarusi* [Tourist mosaic of Belarus]. Minsk, Belarus. nauka Publ., 2011. 640 p.

Інфармацыя аб аўтары

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: iackush@yandex.ru

Information about the author

Yakush Nadezhda Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 13.03.2020

УДК 94(87)"199"

И. И. Дубонос

Белорусский государственный университет

**ПРОБЛЕМЫ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
РАННЕГО БОЛИВАРИАНИЗМА**

В статье рассматриваются существующие в современной американской историографии концепции, объясняющие истоки, суть и основы политического успеха венесуэльского боливарианизма – идеологии венесуэльской V республики, созданной в 1998 г. президентом Уго Чавесом. Акцент сделан на специфику идейного генезиса боливарианизма в период до 1998 г., т. е. до прихода Уго Чавеса к власти.

В статье определены основные источники формирования боливарианской идеологии (включая марксизм, патерналистские концепции середины XX в., специфическую латиноамериканскую традицию). Показана взаимосвязь боливарианизма с «культом Героя», а также его укорененность в венесуэльский политическую традицию. Отражены позиции основных исследователей проблематики боливарианизма.

Показаны мнения различных авторов, которые пришли к общему выводу: победа боливарианизма была определена тем, что он отражал запросы большинства населения. При этом характеристика данных запросов у различных авторов заметно отличается. Это позволяет говорить о том, что боливарианизм стал успешным политическим конструктом популистского толка, в котором каждый избиратель нашел отражение своих потребностей.

Ключевые слова: Венесуэла, историография, социально-экономический кризис, боливарианизм, новые левые, неолиберализм, этатизм.

I. I. Dubanos

Belarusian State University

**PROBLEMS OF AMERICAN HISTORIOGRAPHY
OF EARLY BOLIVARIANISM**

The article discusses conceptions on the origins, the essence and the foundations of political success of Bolivarianism (the ideology of created by Hugo Chavez in 1998 Venezuela's V Republic), existing in contemporary American historiography. The emphasis is on the specifics of ideological genesis of Bolivarianism prior to Hugo Chavez's rise to power (i.e. prior to 1998).

The article denotes main sources of Bolivarian ideology (including Marxism, paternalistic conceptions of the mid-20th century, specific Latin American tradition). The interconnection between Bolivarianism and "cult of Hero" is shown, as well as its rootedness in Venezuelan political tradition. The positions of key researchers on problems of Bolivarianism are reflected.

It is shown that different authors came to conclusion that Bolivarianism's victory was defined by the fact it reflected the needs of the majority of the population. However, the characteristics of these requests by different authors are noticeably different. This suggests that Bolivarianism has become a successful political construct of the populist nature, in which every voter has reflected his needs.

Key words: Venezuela, historiography, economic and social crisis, Bolivarianism, new left, neo-liberalism, statism.

Введение. Венесуэла – одна из наиболее удивительных стран Латинской Америки. Имеющая стабильный и комфортный климат, неисчислимые богатства недр, сравнительно низкую плотность населения и его относительно однородный этнический и религиозный состав, эта страна, казалось бы, предназначена для процветания. В реальности современная Венесуэла стала источником беженцев, страной, в которой уровень жизни упал до показателей, скорее характерных для Тропической Африки.

Такое крушение является событием исключительным: в мирное время, без серьезных предпосылок к тому, с контролирующим стра-

ну правительством прийти к статусу «несостоявшегося государства». Но и раньше Венесуэлу потрясали серьезнейшие кризисы. Социально-экономический и политический кризис 1990-х гг. привел к коренной перестройке национальной политической и экономической системы, привел к власти несистемные силы. Эти несистемные силы – боливарианцы, ведомые Уго Чавесом, попытались построить в Венесуэле социалистический рай, а получили невиданный крах.

При этом нельзя сказать, что нынешнее печальное состояние Венесуэлы было предопределено. В середине 2000-х гг. казалось, что

У. Чавес действительно смог найти путь к процветанию Венесуэлы, а его режим пользовался обширной народной поддержкой.

Соответственно, для понимания истоков современного кризиса необходимо понимать ход мысли тех, кто его породил или, по меньшей мере, не предотвратил – боливарианского руководства Венесуэлы. А для понимания их образа мышления нужно знать, в какой системе координат они существуют, какова их идеология.

Американские ученые потратили много сил на изучение истоков современной венесуэльской идеологии, пытаясь определить ее содержательный характер на раннем этапе существования. Их цель заключалась в определении того комплекса причин и характеристик, который привел к победе боливарианизма.

Таким образом, цель статьи – показать работанность проблем историографии раннего боливарианизма и основные черты его понимания в американской историографии.

Основная часть. Боливарианизм – дитя кризиса представительной демократии. В условиях этого кризиса появилась боливарианская идеология, оформилась политическая организация боливарианцев. Возникнув в условиях кризиса, боливарианизм по форме стал ее антиподом. Хотя форма боливарианизма ясна и понятна, нет общего понимания его сути. Среди ученых нет консенсуса в понимании таких важных проблем, как истоки боливарианизма, его социальная база, общность раннего и позднего боливарианизма, характер боливарианской идеологии (демократический или авторитарно-популистский), причины победы боливарианцев. Рассмотрим позиции научного сообщества по названным проблемам подробнее.

Проблема истоков боливарианизма отличается крайней неоднозначностью. Можно, конечно, пойти за венесуэльскими политологами Маркано К. и Баррера Тышкой А. и найти истоки боливарианской идеологии в молодости Уго Чавеса, когда тот увлекся революционной риторикой латиноамериканских марксистов [1, с. 62]. Но можно ли связывать возникновение идеологии, которую приняла значительная часть венесуэльцев, с одной личностью, или же У. Чавес стал лишь выразителем идей, которые овладели обществом?

И если боливарианцы лишь выражали какие-то идеи, то что это были за они? Чтобы понять, как ученые объясняли идейные основы боливарианизма, нужно объяснить феномен общественно-политической жизни Венесуэлы – *культ Героя*. Это явление было описано еще в 1983 г. крупным венесуэльским политологом Каррерой Дамасом Г. [2]. Он указывал, что венесуэльцы видят в С. Боливаре идеал политика,

причем наполнение этого идеала зависит от того, каких идей придерживается конкретный человек. Но С. Боливар – это не только идеал, но и конкретный политик-революционер, поэтому любое обращение к его образу неизбежно несет в себе черты революционного движения.

Венесуэльская исследовательница Лопес Майя М. указывала, что «название “Боливарианское движение” происходит от желания его основателей воспроизвести образ жизни и действия С. Боливара» [3, с. 88] и далее «движение оправдывало восстание [февраля 1992 г.] тем, что правительство установило тиранию и осквернило идеалы Национальной Конституции» [3, с. 88, 89].

Схожим образом рассуждал и Элленер С. в своей статье «Радикальный потенциал чавизма в Венесуэле» [4]. Венесуэльский политолог и социолог указывал, что «группа Чавеса нашла параллель своим действиям в истории» [4, с. 9]. Есть и другое видение данной проблемы. Тот же Элленер С. указывал, что «некоторые аналитики назвали восстание [4 февраля 1992 г.] чисто военной авантюрой, которой не хватало “открытости к людям” и указывали, что восставшие планировали привлечь народную поддержку только после захвата власти» [4, с. 9].

В рамках данного подхода боливарианизм не рассматривается как идеология масс, но как идеология группы военных заговорщиков, которые стремятся к власти, а реформирование общественных отношений видится способом обеспечения лояльности населения новому правительству. Такой позиции, в частности, придерживалась аргентинская исследовательница Рамос Рольон М. Л. в своей работе «Последняя попытка переворота в венесуэльской конъюнктуре» [5]. Она считала попытку переворота 4 февраля 1992 г. чисто военным предприятием, вызванным надеждой части офицерского корпуса «взять власть» в условиях слабости правительства.

Позже, в 2000-х гг., в рамках этой традиции боливарианизм в своей монографии «Венесуэльские чавизм и популизм в сравнительной перспективе» [6] рассматривал исследователь из США Хокинз К. А., считавший, что вся идеологическая платформа боливарианизма была лишь оберткой стремления к власти У. Чавеса и его сторонников.

Таким образом, существует два подхода к рассмотрению истоков боливарианизма. Одни исследователи видят его как идеологию, вошедшую в себя идеи социальной справедливости и избравшую методом своей деятельности военный заговор, другие – как внешнее обоснование желания части военных захватить власть в условиях кризиса политических институтов.

Представители обоих течений признают, что провал попытки переворота 4 февраля 1992 г. привел к превращению боливарианизма в общенациональную политическую идеологию. Это поднимает две другие проблемы в исследовании боливарианизма – проблему социальной базы и проблему общности раннего и позднего боливарианизма. Данные проблемы очень близки. Дело в том, что современный боливарианизм (не касаясь вопроса искренности его идеологов) невозможно трактовать иначе, кроме как идеологию городской и сельской бедноты (люмпен-пролетариата).

Если считать, что ранний боливарианизм типологически одинаков с поздним, то выходит, что его социальная база также состояла преимущественно из тех же слоев населения. В американской историографии на этой позиции непоколебимо стоят такие крупные ученые, как Каначе Д. [7] и Эллнер С. [4, с. 25].

Эти ученые характеризуют боливарианизм как идеологию беднейших слоев населения, которые являются основными бенефициарами уравнительной социально-экономической политики боливарианцев, при этом не выделяя каких-либо этапов в развитии боливарианизма. Вместе с тем в мировой и американской венесуэлистике уже более десятилетия идет ожесточенный спор об истоках и сущности боливарианизма, его социальной базе на раннем (1992–2006 гг.) и позднем (2006–н. в.) этапах развития. В такой постановке вопроса рядом исследователей отрицается типологическая общность раннего и позднего боливарианизма, они понимаются как содержательно разные учения, общие по форме, но отличные по сути.

Ключевой вопрос, лежащий в основе рассуждения о социальной базе боливарианизма, это вопрос о так называемом «классовом голосовании», т. е. наличии *существенной* корреляции между благосостоянием и образом жизни избирателя и его политическими предпочтениями. Ответ на этот вопрос неочевиден.

Все исследователи признают, что *некоторая* корреляция существует, но лишь Д. Каначе считает ее *значительной* и *постоянной* [7, с. 47]. Остальные исследователи говорят либо о *несущественной* *постоянной*, как, например, это делает О. Хит [8]; либо о *существенной непостоянной*, как это делает социолог Люпу Н. [9] и некоторые иные исследователи. Н. Люпу приводит замечательный анализ данных поствыборных социологических опросов за 1993–2006 гг., который демонстрирует сильные (до 20% от общего числа избирателей в имущественной категории) изменения популярности боливарианцев у отдельных имущественных категорий населения между выборами [9, с. 19].

При этом данные социологического анализа О. Хита опровергают его же теоретические положения – рабочий класс был более левым чем средний лишь во второй половине 1990-х гг. [8, с. 195]; до и после (охват у О. Хита до 2003 г.) этого беднейшие слои населения были более склонны поддерживать правых. Итак, существует серьезная классовая корреляция, но она нестабильна. Для поиска ядра социальной поддержки Уго Чавеса нужно обратить внимание на те группы населения, в которых колебания наименее заметны.

Такая группа существует – это венесуэльский средний класс, 4–6 децили [9, с. 19]. Поддержка У. Чавеса в этой социальной группе до 2006 г. была стабильно близка к общенациональному уровню одобрения его политической программы (при этом несколько превышая его), в отличие от нестабильной поддержки крайних децилей. Именно данный класс и является социальной базой раннего боливарианизма.

Объяснение причин поддержки боливарианцев средним классом можно найти у Х. Э. Молины и К. Перес Баральт. Они указывают, что венесуэльский средний класс возник в годы обширных социальных программ 1970-х гг. Но экономический кризис 1980-х гг., крах социальных гарантий и поляризация общества в 1990-е гг. привели к падению жизненного уровня среднего класса. Лишившись экономической поддержки режима, они лишили его поддержки политической [10, с. 105, 106].

Боливарианизм исходя из этой логики был поддержан, так как стал *надеждой* на возвращение в «старые добрые» времена широких социальных программ. Поддержан населением в целом, но в первую очередь средним классом, который был их основным выгодополучателем и для которого наибольшее значение имело восстановление социального контракта 1970-х гг. В рамках этой теории можно объяснить и отход среднего класса от поддержки боливарианизма в середине 2000-х гг. Средний класс осознал, что восстановления социального контракта 1970-х гг. не предвидится и лишил боливарианцев своей поддержки, заставив тех перейти к опоре на беднейшие слои населения.

Эта простая логическая схема, впрочем, так и не была представлена в законченном виде ни в одной из работ. Это, вероятно, связано с тем, что она плохо вписывается в идеологические построения, предложенные как противниками, так и сторонниками боливарианцев.

Для противников боливарианцев недопустимо признание того, что ненавистный чавизм был поддержан людьми, которых они считают носителями демократических идей – сообществами предпринимателей и профессионалов, которые и составляют базу среднего класса.

Этот факт сразу заставляет провести ревизию достижений современных социологов-партикуляристов, утверждавших, что представители данных групп в 1990-е гг. успешно прошли «деинтоксикацию» от этатистских идей, на что на данный момент идти никто не готов. С другой стороны, для боливарианцев неприемлемо признать, что их учение возникло как идеология среднего класса – нынешний электорат может «не понять». В результате наблюдается то, что наблюдается: все идеи, необходимые для объяснения типологической разницы раннего и позднего боливарианизма, уже изложены, но свести их вместе никто не хочет.

Немногом лучше обстоит дело в вопросе о характере ранней боливарианской идеологии, который также сильно политизирован. В мировой науке спор идет не о том, демократический боливарианизм или авторитарный – он признается авторитарным, – но о том, насколько он авторитарен и есть ли в нем хотя бы отдельные демократические элементы.

Показателен в этом плане обмен мнениями американских исследователей Дерхама М. [11] и Левина Д. Г. [12]. М. Дерхам критически оценивает идею венесуэльской демократии как таковой, указывая, что «миф о народной, полностью представительской венесуэльской демократии был создан союзом заинтересованных демократических политиков и иностранных ученых и “учителей”» [11, с. 271].

Он указывал, что значительная часть населения отказывала ей в поддержке и до кризиса, который лишь сделал явной «ненависть многих венесуэльцев по отношению к “демократии” и политикам» [11, с. 283]. У. Чавес пришел к власти, будучи антидемократическим политиком, сильной рукой, которую Венесуэла не знала со времен М. Переса Хименеса. Боливарианская идеология авторитарная, поскольку она возникла в обществе, никогда широко не разделявшем идею демократии, как антидемократия.

Возражения Д. Г. Левина базируются на иной трактовке венесуэльской демократии.

Он указывал, что демократические политики «приобрели широкую общественную поддержку, поскольку их программа *выражала* общественные запросы» [12, с. 233]. Он считал, что венесуэльский народ в целом разделял ценности демократии и разочаровался не в них, а в их реализации в рамках режима. Боливарианизм пришел к власти в результате «институционального упадка» демократии [12 с. 235], выразив общий запрос на реформирование политического строя. Идеология боливарианизма несет в себе демократическое ядро, хотя методы осуществления этой идеологии и являются авторитарно-популистскими.

На общем фоне проблема причин победы боливарианизма выглядит единственной, решенной в некоем позитивном ключе. Исследователи приходят к выводу, что боливарианцы пришли к власти, так как выражали запросы большинства населения. Нет согласия, *какие* это были запросы. Действительно, запрос на «сильную руку» М. Дерхама и С. Элнера сильно отличается от запроса на реформу демократии М. Лопес Майи, Д. Г. Левина, Дж. Морган и других, но дать однозначный ответ на вопрос, какая позиция является верной, не разобравшись с процессами, происходившими в венесуэльском обществе в 1990-е гг., невозможно. Следует указать, что на современном этапе развития венесуэлистики этот вопрос не может быть решен сам по себе, требуя углубленных исследований иных проблемных вопросов истории венесуэльского кризиса.

Заключение. Таким образом, в современной венесуэлистике по вопросам, связанным с ранним боливарианизмом, существует ряд взаимоисключающих мнений. Позиции различных исследователей определяются не только их научными воззрениями, но и политической ангажированностью. При этом факты таковы, что по большинству вопросов нельзя однозначно предпочесть одно из предложенных концептуальных объяснений. Безусловно, требуются дальнейшие исследования в русле обозначенных проблем.

Литература

1. Маркано К., Баррера Тышка К. Уго Чавес: история одной личности. СПб.: Амфора, 2009. 446 с.
2. Carrera Damas G. Simón Bolívar, el Culto Heroico y la Nación // The Hispanic American Historical Review. 1983. Vol. 63. No. 1. P. 107–145.
3. Reinventing Legitimacy: Democracy and Political Change in Venezuela / eds. D. Canache, M. R. Kulisheck. Greenwood Publishing Group, 1998. 266 p.
4. Ellner S. The Radical Potential of Chavismo in Venezuela: The First Year and a Half in Power // Latin American Perspectives. 2001. Vol. 28. No. 5. P. 5–32.
5. Ramos Rollón M. L. El último intento golpista en la coyuntura venezolana // América Latina Hoy. 1993. Vol. 6. P. 45–49.
6. Hawkins, K. A. Venezuela's Chavismo and Populism in Comparative Perspective. New York: Cambridge University Press, 2010. 304 p.
7. Canache D. Urban Poor and Political Order // The Unraveling of Representative Democracy in Venezuela. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2006. P. 33–49.

8. Heath O. Explaining the Rise of Class Politics in Venezuela // *Bulletin of Latin American Research*. 2009. Vol. 28. No. 2. P. 185–203.
9. Lupu N. Who Votes for Chavismo? Class Voting in Hugo Chávez's Venezuela // *Latin American Research Review*. 2010. Vol. 45. No. 1. P. 7–32.
10. Molina J. E., Perez Baralt C. Radical Change at the Ballot Box: Causes and Consequences of Electoral Behavior in Venezuela's 2000 Elections // *Latin American Politics & Society*. 2004. Vol. 46. No. 1. P. 103–134.
11. Derham M. Undemocratic Democracy: Venezuela and the Distorting of History // *Bulletin of Latin American Research*. 2002. Vol. 21. No. 2. P. 270–289.
12. Levine D. H. Undemocratic Venezuela // *Bulletin of Latin American Research*. 2003. Vol. 22. No. 2. P. 231–236.

References

1. Markano K., Barrera Tyszka A. *Ugo Chaves: istoriya odnoy lichnosti* [Hugo Chavez without uniform: a history of a person]. St. Petersburg, Amphora Publ., 2009. 446 p.
2. Carrera Damas G. Simón Bolívar, el Culto Heroico y la Nación. *The Hispanic American Historical Review*. 1983, vol. 63, no. 1, pp. 107–145.
3. Canache D., Kulisheck M. R. *Reinventing Legitimacy: Democracy and Political Change in Venezuela*. Greenwood Publishing Group, 1998. 266 p.
4. Ellner S. The Radical Potential of Chavismo in Venezuela: The First Year and a Half in Power. *Latin American Perspectives*. 2001, vol. 28, no. 5, pp. 5–32.
5. Ramos Rollón M. L. El último intento golpista en la coyuntura venezolana. *América Latina Hoy*. 1993, vol. 6, pp. 45–49.
6. Hawkins K. A. Venezuela's Chavismo and Populism in Comparative Perspective. New York, Cambridge University Press Publ., 2010. 304 p.
7. Canache D. Urban Poor and Political Order. *The Unraveling of Representative Democracy in Venezuela*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press Publ., 2006, pp. 33–49.
8. Heath O. Explaining the Rise of Class Politics in Venezuela. *Bulletin of Latin American Research*. 2009, vol. 28, no. 2, pp. 185–203.
9. Lupu N. Who Votes for Chavismo? Class Voting in Hugo Chávez's Venezuela. *Latin American Research Review*. 2010, vol. 45, no. 1, pp. 7–32.
10. Molina J. E., Perez Baralt C. Radical Change at the Ballot Box: Causes and Consequences of Electoral Behavior in Venezuela's 2000 Elections. *Latin American Politics & Society*. 2004, vol. 46, no. 1, pp. 103–134.
11. Derham M. Undemocratic Democracy: Venezuela and the Distorting of History. *Bulletin of Latin American Research*. 2002, vol. 21, no. 2, pp. 270–289.
12. Levine, D. H. Undemocratic Venezuela. *Bulletin of Latin American Research*. 2003, vol. 22, no. 2, pp. 231–236.

Информация об авторе

Дубонос Игорь Игоревич – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: idubonos@outlook.com

Information about the author

Dubanos Ihar Iharavich – PhD student, the Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: idubonos@outlook.com

Поступила 02.03.2020

УДК 339.986“652”

В. А. Астрога

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЭКАНАМІЧНЫЯ ВОЙНЫ Ў СТАРАЖЫТНАСЦІ

У артыкуле на асобных прыкладах з гісторыі Старажытнай Грэцыі і Рыма (Мегарская псефізма, сітуацыя вакол астравоў Радос і Дэлос) аналізуецца праблема выкарыстання эканамічных сродкаў вядзення ваенных дзеянняў у Старажытным Свеце. Падкрэслена, што ў Старажытны перыяд асобныя ваенныя кампаніі распрацоўваліся ў спалучэнні неваенных эканамічных і ваенных метадаў. Гэта часта прыводзіла да хутчэйшай і спусташальнай перамогі над супраціўнікам. Пазначана, што мадэлі эканамічнай вайны альбо яе элементы актыўна выкарыстоўваліся ў разглядаемы перыяд. Робіцца выснова, што гістарычны досвед прымянення эканамічных метадаў вядзення ваенных дзеянняў актыўна і шырока выкарыстоўваецца і сёння, што патрабуе ад сучаснай дзяржавы мацаваць эканамічную бяспеку як падмурак агульнай абароназдольнасці і бяспекі.

Ключавыя словы: знешні гандаль, эканоміка, вайна, ваенная стратэгія, Старажытная Грэцыя, Старажытны Рым.

V. A. Astroha

Belarusian state university

ECONOMIC WARS IN ANCIENT TIMES

The article analyzes the problem of using economic means of warfare in the Ancient world using a separate examples from the history of Ancient Greece and Rome (Megarian psephism, the situation around the Islands of Rhodes and Delos). It is emphasized that in the ancient period, a separate military campaigns were developed in a combination of non-military economic and military methods. This often led to a quick and devastating victory over the enemy. It is indicated that models of economic war or its elements were actively used in the period under review. It is concluded that the historical experience of using economic methods of warfare is actively and widely used today, which requires the modern state to strengthen economic security as the Foundation of General defense and security.

Key words: foreign trade, economy, war, military strategy, Ancient Greece, Ancient Rome.

Уводзіны. На жаль, войны з’яўляюцца сталым спадарожнікам чалавецтва. За сваю гісторыю чалавецтва, паводле меркаванняў экспертаў, удзельнічала ў больш за 15 тыс. войнах. Падлічана, што за апошнія болей чым 5 тыс. гадоў людзі здолелі пражыць у міры ўсяго толькі 300 гадоў, гэта значыць, у кожным стагоддзі яны жылі мірна толькі тыдзень [1]. Калі азірнуцца на пачатак чалавечай цывілізацыі і паспрабаваць растлумачыць прычыны войнаў у старажытныя часы, то, канешне, галоўныя з іх – гэта змаганне за матэрыяльныя рэсурсы: зямлю альбо тэрыторыі, рабоў ці сялян, маёмасць, каштоўнасці і ўладу. Аднак, аналізуючы войны гэтага перыяду, сярод традыцыйных мы можам назіраць у іх і такія элементы стратэгіі, якія вельмі нагадваюць сучасныя «эканамічныя войны». У выніку гэты час, без сумнення, можна разглядаць як першыя крокі ў стварэнні сусветнага досведу эканамічных метадаў вядзення ваенных дзеянняў, якія з XX ст. пачалі актыўна выкарыстоўваюцца і без якіх сёння фактычна не абыходзіцца ні адна буйная вайсковая кампанія.

Асноўная частка. Трэба падкрэсліць, што старажытныя палкаводцы, нават маючы вялікія

войскі, актыўна і спрытна выкарыстоўвалі не «баявыя» эканамічныя сродкі вядзення войнаў. Так, македонскі цар Філіп II пад час свайго заваявання грэчаскіх гарадоў (сярэдня IV ст.), казаў, што ў самай непрыступнай крэпасці заўсёды адшукаецца калітка, праз якую пройдзе асёл, грузаны золатам [2, с. 29]. У сваю чаргу, знакаміты кітайскі стратэг Сунь Цзы ў трактаце «Мастацтва вайны» (V ст. да н. э.) пісаў, што «вайна – гэта шлях падману» і таму раіў супраціўніка «прывабіць выгадай; прывядзі яго ў засмучэнне і бяры яго». Больш таго, ён лічыў, што «па правілах вядзення вайны найлепшае – захаваць дзяржаву супраціўніка ў цэласці, на другім месцы – разбурыць гэтую дзяржаву ... Таму сто разоў змагацца і сто разоў перамагчы – гэта не лепшае з лепшага; лепшае з лепшага – скарыць чужое войска, не змагаючыся». «Таму той, – працягваў Сунь Цзы, – хто ўмее весці вайну, пакорыць чужое войска, не змагаючыся; бярэ чужыя крэпасці, не абложваючы; бурыць чужую дзяржаву, не трымаючы сваё войска доўга ... таму і можна не прытупляючы зброю мець выгаду: гэта і ёсць правілы стратэгічнага нападу» [3].

Яскравыя ілюстрацыі асаблівасцей міждзяржаўных эканамічных канфліктаў Старажытнага Свету нам дэманструе найперш старажытнагрэцкая і старажытнарымская гісторыя.

Адным з найбольш яскравых прыкладаў, які магчыма экстрапаляваць на сучасныя рэаліі, можа быць Мегарская псефізма. У V ст. да н. э. большасць тэрыторыі Грэцыі была падзелена паміж двума моцнымі саюзамі дзяржаў-полісаў – дэмакратычным Афінскім марскім саюзам і арыстакратычнай Пелапанэскай Лігай. Адною з прычын іх супрацьстаяння былі даўнія гандлёва-эканамічныя супярэчнасці паміж Афінамі і вядучым гандлёвым цэнтрам пелапанэсаў – Карынфам.

У гэтыя часы дастаткова актыўна і паспяхова займаліся гандлем і Мегары. Гэты поліс дзейнічаў па прынцыпу – «сталыя саюзнікі не бывае, сталыя бывае толькі прыбытак» і паспеў паваяваць як з Афінамі, так і з Карынфам. Гэта стала бачна, калі пад час кафлікту ў Эпідамне Мегары выйшлі з Афінскага марскога саюзу і падтрымалі Карынф, адначасова працягваючы гандляваць вырабамі свайго рамяства і сельскай гаспадаркі на рынках Афін і яе саюзнікаў. Нейкі час афіняне свядома не звярталі на гэта ўвагі, але ўсё ж хутка вырашылі нанесці ненадзейнаму саюзніку ў адказ нечаканы ўдар эканамічнага характару.

У 432 г. да н. э. адразу пасля завяршэння канфлікту ў Эпідамне ўступіла ў дзеянне псефізма (пастанова), згодна з якой мегарскім гандлярам пад караю смерці забаранялася карыстацца партамі Афінскага марскога саюзу і гандляваць на ягоных кірмашах. Мегары адразу ператварыліся ў найзлоснага ворага Афін [4, с. 197].

Псефізма, як узгадваюць крыніцы, нанесла жорсткі ўдар па эканоміцы поліса. Ён фактычна ў адзіны момант згубіў значную колькасць традыцыйных гандлёвых маршрутаў і рынкаў збыту. Больш таго Мегары, не маючы вялікіх плошчаў ворыўных зямель, у значнай ступені страцілі магчымасць імпартаваць зерне, і іх жыхароў чакала пагроза голаду.

Мегарская псефізма як першае ў грэцкай гісторыі эмбарга, як лічаць эксперты, нанесла ўдар не толькі па саміх Мегарах, але і па ўсёй Пелапанэскай Лізе, а таксам і па саюзніках Афін. З гэтага часу ні адзін гандлёвы поліс не мог быць упэўненым, што яго мінуе лёс Мегар. Гэты моцны і жорсткі інструмент эканамічнай вайны стаў шырака вядомым. Але не ўсе афінскія грамадзяне згаджаліся з гэтай мерай. Так, у п'есе Арыстафана «Ахарняне» (425 г. да н. э.) адзін з галоўных герояў землеўладальнік Дзікеапаль запытаў у мегарца, які прывёз на афінскі кірмаш прадаваць дзвюх сваіх малых дачок, – «Як жышце?» і пачуў ў адказ – «Якое жышце? Сядзім галодныя» [5].

Працяглыя перамовы аб адмене Мегарскай псефізмы не скончыліся згодай. Гэта разам з іншымі абставінамі стала адной з асноўных прычын амаль трыццацігадовай Пелапанэскай вайны, у якой разам з Саюзам і Лігай прынялі ўдзел Персія, Македонія, Сіцылія і Аргас. А калі ход вайны пачаў складвацца не на карысць Афін, то яе саюзнікі, баючыся паўтору лёсу Мегар, палічылі за лепшае выйсці з саюзу. Такім чынам, выкарыстанне эмбарга Афінамі нечакана ўдарыла праз нейкі час і па іх саміх.

Рым таксама зрабіў свой уклад у гісторыю эканамічных войнаў. Тут трэба ўзгадаць пра яго змаганне з міжземнаморскім востравам Радос.

У сярэдзіне II ст. да н. э. востраў Радос, які знаходзіўся на скрыжаванні марскіх шляхоў у Міжземным моры, быў адным з галоўных і багацейшых цэнтраў транзітнага гандлю. Маючы добрыя гавані, прыбярэжную і гандлёвую інфраструктуру, ён дазваляў ажыццяўляць буйныя камерцыйныя аперацыі, у тым ліку з Паўночнай Афрыкай і Блізкім Усходам. Згодна з антычнымі крыніцамі, штогадовы гандлёвы абарот Радоса складаў звыш за 50 млн драхм (па некаторых меркаваннях гэта эквівалентна ад 100 да 900 млн дал. ЗША), то адпавядала гадавому бюджэту Рымскай Рэспублікі, а сума гандлёвых мыт дасягала 1 млн драхм [4, с. 332].

Радос меў не толькі дасведчаных гандляроў, але і вельмі моцны ваенны флот, які жорстка змагаўся з піратамі. Праводзячы прарымскую палітыку, пад час вайны Рыма з сірыйскім царом Антыёхам III Вялікім радосцы аказалі рымлянам дапамогу ў крытычны для іх час: знішчылі ў марской бітве ля мыса Міёнес у 190 г. флот сірыйцаў, што дапамагло Рыму разбіць ворага на сушы.

Але ўжо праз некалькі дзесяцігоддзяў недастаткова лаяльны, на погляд рымлян, Радос пачаў замінаць моцы Рыма, які да таго ж актыўна пашыраў свае ўладанні за кошт элінскіх зямель. Акрамя таго, рымскім купцам для гандлю ў Міжземнаморскім рэгіёне ўжо былі не патрэбныя пасярэднікі з Радосу. Але магутны радоскі флот пакуль не дазваляў рымлянам рэалізаваць свае экспансійныя планы і вырашыць праблему ў адкрытым баі. Вайна з былым саюзнікам магла неспрыяльна адбіцца на іміджы Рымскай Рэспублікі. Самі радосцы бачылі агрэсіўныя памкненні Рыма і пачалі праводзіць больш незалежную палітыку і падрымліваць супраціўнікаў Рыма, што становілася ўсё больш небяспечным. Тады Рым вырашыў нанесці нябачны ўдар і разбурыць галоўную крыніцу моцы Радоса – транзітны гандаль.

З гэтай мэтай у 166 г. да н. э. рымляне замацавалі за маленькім востравам Дэлас статус вольнага марскога парта, дзе ўсялякія гандлёвыя

аперацыі вызваліліся ад партовага мыта і іншых збораў. Раней востраў быў знакаміты для ўсяго элінскага свету толькі як святая зямля Апалона, у храм якога накіроўвалі свае стопы шматлікія паломнікі. Востраў фактычна стаў першай у Еўропе аўшорнай зонай. Праз некалькі гадоў міжземнаморскія гандлёвыя шляхі сканцэнтраваліся на Дэласе. Як пісаў пра востраў антычны гісторык і географ Страбон: «Ягоная слава ўзрасла яшчэ больш. Бо купцы, якія вялі заморскі гандаль, накіроўваліся на Дэлас, так як іх туды вольнасць ад налогаў і мыт, і зручнасць ганяняў» [6].

На востраве мясціліся шмат кварталаў («брацтваў»), у якіх жылі розныя замежныя купцы з Егіпта, Палестыны, Аравіі, Фінікіі, Італіі і іншых краін. Дзякуючы гэтаму, рымскія купцы атрымалі магчымасць непасрэдна гандляваць з Усходам. Дэлас стаў неафіцыйнай сталіцай міжнароднага гандлю рабамі ўсходняга Міжземнамор'я, якіх у асноўным пастаўлялі піраты. У выніку ягоны эканамічны супернік Радос, хаця і не быў знішчаны, але ператварыўся з прывабнага глабальнага гандлёвага асяродка ў адну з рэгіянальных гандлёвых дзяржаў і згубіў свой вялізны ўплыў, што зрабіла яго значна больш кволым перад Рымам, чаго той і імкнуўся дасягнуць. Так, у першы год існавання новага Дэласа мытнага дахода Радоса знізіліся з 1 млн да 150 тыс. драхм. Пасля гэтага ўдара радосцы ўзняцца ўжо не далі рады. У гістарыяграфіі склалася меркаванне, што гэта стала «сапраўднай катастрофай для радоскага гандлю» [7, с. 279].

Але імкліва разбагацеўшы на фінансавых аперацыях і гандлю рабамі Дэлас не меў доўгай славы. У 88 г. да н. э. панцыйскі цар Мітрыдат VI, які ваяваў супраць Рыма, разбурыў квітнеючы

востраў, а ўсе яго 20 тыс. жыхароў былі забітыя альбо прададзены ў рабства [6].

Менш чым праз 20 гадоў, у 69 г. да н. э. на востраў напалі міжземнаморскія піраты і разрабавалі яго. Рым не здолеў абараніць сваю крэатуру. У сваю чаргу, недзе праз 20 гадоў, прыйшоў у заняпад і Радос. У 44 г. да н. э. рымскія войскі разбілі значную частку яго флоту і спустошылі востраў. З цягам часу, калі ў 30 г. да н. э. Егіпет трапіў пад уладу Рыма, цэнтрам міжземнаморскага гандлю стала новая зорка – Адександрыя.

Заклучэнне. Такім чынам, войны старажытнага свету дазваляюць нам зрабіць выснову аб тым, што сярод іх прычын часта былі і эканамічныя. У гэты перыяд асобныя ваенныя кампаніі распрацоўваліся з улікам знішчэння альбо значнага змяншэння моцы супраціўніка. Гэта прыводзіла да паступовага пашырэння выкарыстання так званай «мяккай моцы» ў перыяд перад непасрэдна ваенным нападам. Часта спалучэнне неваенных эканамічных і ваенных метадаў прыводзіла да хутчэйшай і спусташальнай перамогі над супраціўнікам.

Пэўныя аналогіі і падабенства войнаў старажытнага часу і сучасных ваенных кампаній дазваляе зрабіць выснову, што досвед выкарыстання эканамічных метадаў вядзення ваенных дзеянняў актыўна і шырока выкарыстоўваецца і сёння. Кіраўніцтва сучаснай дзяржавы, каб лічыць яе цалкам абароназдольнай, мусіць не толькі ўзбройваць і навучаць сваё войска, але найперш развіваць устойлівую для падобных вонкавых крызісаў і шокаў эканоміку, рабіць яе шматгаліновай, дыверсіфікаванай. Гэта дазволіць адначасова ўмацаваць эканамічную бяспеку як падмурак агульнай абароназдольнасці і бяспекі краіны.

Літаратура

1. Сколько войн прошло за всю историю человечества. URL: <https://yorick.kz/skolko-vojn-proshlo-za-vsyu-istoriyu-chelovechestva> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Мерников А. Г., Спектор А. А. История войн от древнего мира до наших дней. Минск: Харвест, 2007. 640 с.
3. Искусство войны Сунь-цзы и текст. URL: https://www.bookol.ru/starinnoe/drevnevostochnaya_literatura (дата обращения: 22.02.2020).
4. История Древней Греции / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высш. шк. 1996. 399 с.
5. Головня В. В. История античного театра. «Ахарняне». URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/golovnya-antichnyj-teatr/aharnyane.htm> (дата обращения: 20.02.2020).
6. Дергачев. В. Делос. Сингапур античного мира. Первая в Европе зона свободной торговли. URL: <https://dergachev-va.livejournal.com/104600.html> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Ковалев С. И. История Рима. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 744 с.

References

1. *Skol'ko voyn proshlo za vsyu istoriyu chelovechestva* [How many wars have passed in the history of mankind]. Available at: <https://yorick.kz/skolko-vojn-proshlo-za-vsyu-istoriyu-chelovechestva> (accessed 20.02.2020).
2. Mernikov A. G., Spektor A. A. *Istoriya voyn ot drevnego mira do nashikh dnei* [History of wars from the ancient world to the present day]. Minsk, Kharvest Publ., 2007. 640 p.

3. *Iskusstvo voyny Sun'-tszy i tekst* [Sun Tzu's art of war and text]. Available at: https://www.bookol.ru/starinnoe/drevnevostochnaya_literatura (accessed 20.02.2020).

4. Kuzishchina V. I. *Istoriya Drevney Gretsii* [History Of Ancient Greece]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1996. 399 p.

5. Golovnya V. V. *Istoriya antichnogo teatra. "Akharnyane"* [History of the ancient theater. "Ahardane"]. Available at: [https:// antique-lit.niv.ru/antique-lit/golovnya-antichnyj – teatr/aharnyane.htm](https://antique-lit.niv.ru/antique-lit/golovnya-antichnyj-teatr/aharnyane.htm) (accessed 20.02.2020).

6. Dergachev V. *Delos. Singapur antichnogo mira. Pervaya v Evrope zona svobodnoy trgovli* [Delos. Singapore of the ancient world. Europe's first free trade zone]. Available at: [https:// dergachevva.livejournal.com/104600.html](https://dergachevva.livejournal.com/104600.html) (accessed 20.02.2020).

7. Kovalev S. I. *Istoriya Rima* [History of Rome]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta Publ., 1986. 744 p.

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Віктар Александравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры мытнай справы. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220030, г. Мінск, пр. Незавісímости, 4, Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroga Victor Aleksandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Паступіў 13.03.2020

УДК 338.48.6

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет

**ТУРИЗМ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ: ПЕРСПЕКТИВНЫЙ БИЗНЕС
С СОХРАНЕНИЕМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

В статье рассматриваются вопросы развития туризма на сельских территориях Беларуси. Обращается внимание, что данный вид туризма является одним из наиболее востребованных и перспективно развивающихся на туристическом рынке Республики Беларусь. В перспективе сельский туризм может стать одним из самых востребованных направлений в свете высокого уровня урбанизации, а также способствовать развитию инфраструктуры, улучшению качества жизни, увеличению доходов местного населения.

Ключевые слова: сельский туризм, агроэкотуризм, туризм на сельских территориях, модели развития агротуристического бизнеса, культурно-исторические ресурсы.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University

**TOURISM IN RURAL TERRITORIES: PERSPECTIVE BUSINESS
WITH THE SAVING OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE**

The article deals with the development of tourism in rural areas of Belarus. It is noted that this type of tourism is one of the most popular and promising in the tourism market of the Republic of Belarus. In the long term, rural tourism can become one of the most popular destinations in light of the high level of urbanization, as well as contribute to the development of infrastructure, improving the quality of life, and increasing the incomes of the local population.

Key words: rural tourism, agro-ecotourism, tourism in rural areas, agrotourism business development models, cultural and historical resources.

Введение. Агротуризм, агроэкотуризм, зеленый сельский туризм, устойчивый туризм – эти названия достаточно часто можно встретить не только в туристическом обзоре Беларуси, но и в политико-экономическом аспекте и перспективных программах развития. При этом следует отметить, что это один из наиболее развивающихся и перспективных сегментов не только белорусского туристического рынка, но и всего малого и среднего бизнеса республики.

Впервые данный вид туризма появился еще в начале XIX в. Это было связано с открытием во Франции 1-й ассоциации агротуристов *Agriculture et Tourisme* и во второй половине XX в. Так, в 1955 г. во Франции была создана ассоциация *Agriculture et Tourisme*, а в 1965 г. начинает свою деятельность Национальная Ассоциация Сельского Хозяйства и Туризма в Италии («*griturismo*»). Сейчас во многих европейских странах существуют ассоциации агротуризма, которые достаточно активно поддерживаются государством.

Основная часть. Беларусь богата интересным и уникальным историческим наследием, среди которого объекты архитектуры, археологии, парковые комплексы и т. д. «Белорусские земли в силу исторических особенностей развития (Полоцкое княжество и Великое княже-

ство Литовское, Речь Посполитая и Российская империя, ВНР, БССР, СССР) оставили миру огромное культурно-историческое наследие, являющееся неотъемлемой составной частью мировой цивилизации» [1].

Истоки агротуризма просматривались и в отечественной истории. Так, известный врач, натуралист, экспериментатор Наркевич-Июдко в конце XIX в. в своем имении принимал туристов с 15 мая по 15 сентября. Отдыхающим предлагались воздушные и солнечные ванны, санаторное питание, гимнастика, массаж. Действовала даже кумысолечебница. Для проживания курортников имелись отдельные домики [2].

В довоенный период сельский туризм был хорошо развит в Западной Беларуси, которая в те времена входила в состав Польши. Издавался даже ежегодный гид-справочник «Лето в усадьбах Восточных земель» Как правило, туристам сдавались поместья мелкой шляхты. Одна из таких усадеб – «Святск».

На сегодняшний день в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь внесено 4811 историко-культурных ценностей, в том числе 4694 материальные недвижимые историко-культурные ценности, среди них – 1655 объектов архитектуры, 1125 – истории, 1857 – археологии, 57 –

искусства, 4 объекта включены в список всемирного наследия ЮНЕСКО [3].

Первая Национальная программа развития туризма в Беларуси была принята в 2004 г., вследствие чего в республике значительно увеличился рост экспорта туристических услуг, усилилось развитие туристической инфраструктуры, были упрощены визовый режим и условия пребывания иностранных граждан.

В целях дальнейшего развития и создания благоприятных условий был принят ряд законодательных актов, способствующих и содействующих развитию туризма в Республике Беларусь.

Правовые нормы развития не только туризма, и в частности агроэкотуризма, в Беларуси были определены Указами Президента Республики Беларусь от 2 июня 2006 г. № 371 «О некоторых мерах государственной поддержки развития туризма в Республике Беларусь» и от 2 июня 2006 г. № 372 «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь». 9 января 2017 г. принят Указ № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан», 24 июля 2018 г. принят Указ № 295 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь». Документом устанавливается безвизовый порядок въезда в Беларусь на срок не более тридцати суток при въезде через Государственную границу Республики Беларусь Национальный аэропорт Минск.

26 декабря 2017 г. принят Указ Президента Республики Беларусь № 462 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан», в соответствии с которым установлен безвизовый порядок въезда, выезда и временного пребывания при индивидуальном либо групповом посещении территории специального туристско-рекреационного парка «Августовский канал» и прилегающих к нему территорий и туристско-рекреационной зоны «Брест» на срок до 10 суток.

В соответствии с принятым Указом Президента Республики Беларусь от 24 июля 2018 г. № 292 «О мерах по подготовке и проведению II Европейских игр 2019 года» установлен безвизовый порядок въезда и выезда из Республики Беларусь и временного пребывания на территории Республики Беларусь с 20 мая по 10 июля 2019 г. для участников Европейских игр, а также официальных представителей Всемирного антидопингового агентства, иностранных специалистов по вопросам борьбы с допингом в спорте и допинг-контролю, иностранных волонтеров, участников коллективов художественного творчества, исполнителей, иных творческих работников, административно-технического персонала, привлеченных к подготовке и проведению Европейских игр; с 10 июня

по 10 июля 2019 г. для иностранных туристов, являющихся гражданами государств, перечисленных в приложении к Указу Президента Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» [4].

Помимо основной законодательной базы, сегодня в Республике Беларусь реализуются госпрограммы, в которых предусмотрены меры и средства по созданию современной инфраструктуры туризма в различных регионах страны. Так, Государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы направлена на формирование и развитие современного конкурентоспособного туристического комплекса, увеличение вклада туризма в развитие национальной экономики.

В развитии современного агроэкотуризма Беларуси можно выделить несколько этапов. Так, согласно исследованию доктора исторических наук Гайдукевича Л. И., агроэкотуризм в своем развитии и становлении прошел несколько этапов:

Первый этап (этап становления) охватывает период 2002–2004 гг. и характеризуется созданием общественного объединения «Агро-и экотуризм», налаживанием контактов с зарубежными партнерами (Литва, Эстония, Польша) и созданием первых агроусадеб.

Второй этап (период массового развития) пришелся на 2005–2010 гг. Спецификой данного этапа является законодательная поддержка государством развития агроэкотуризма, создание Общественных советов по агроэкотуризму в регионах республики, вхождение Белорусского общественного объединения «Отдых в деревне» в Международное общество экотуризма (TIES).

Третий этап (формирование эффективного механизма государственно-частного партнерства) – с 2010 г. по настоящее время – отмечен созданием Общественно-консультационного совета по агроэкотуризму при Департаменте по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, развитием программы льготного кредитования субъектов агроэкотуризма ОАО «Белагропромбанк», созданием 17 туристических кластеров агроэкотуризма в Брестской и Гродненской областях [5].

В ряде стран данный вид туризма достаточно распространен и занимает второе место после пляжного и приносит примерно 20–30% общего дохода от туристической индустрии [6].

В последние годы указанный вид туризма стал приоритетным видом туристической деятельности в Республике Беларусь. В Беларуси агроэкотуризм развивается по трем направлениям: создание агроусадеб, агротуристических комплексов и государственных музейных

комплексов, которые могут быть сооружены под открытым небом.

Заключение. Сегодня сельский туризм, или агроэкотуризм, прежде всего финансово и экономически выгодный проект. Это и дополнительный доход, и новые рабочие места, и, что очень актуально, приток финансов. Опыт соседних стран говорит о хороших перспективах развития данного бизнеса. Так, сельский туризм в европейских государствах обеспечивает доход, равный внутреннему валовому продукту такой страны, как Венгрия, – 65 млн долл. В настоящий момент в Европе зарегистрировано более 2 млн койко-мест в сельских усадьбах. Причем, на 1 долл., потраченный на оплату ночлега, приходится 6–18 долл., которыми оплачиваются питание, сувениры, экскурсии, транспорт и т. д. [2].

В настоящее время в Республике Беларусь имеется ряд агротуристических хозяйств, которые представлены самым разнообразным спектром услуг (от рыбной ловли до т. н. погруже-

ния в сельский быт). Также планируется создание безбарьерной среды на объектах агроэкологического туризма. Для этого в Минской и Гродненской областях уже приспособлен ряд усадеб для отдыха людей с инвалидностью.

В 2018 г. Беларусь второй раз была признана лучшей страной для агротуризма по версии журнала National Geographic Traveler (Россия). В настоящее время в республике насчитывается свыше 2,3 тыс. сельских усадеб, которые представляют целый спектр разнообразных услуг.

Сегодня агроэкотуризм – это не только перспективный бизнес, это еще сохранение, приумножение и распространение историко-культурных ценностей своей страны. Это и социально значимый вид предпринимательской деятельности, который способствует устойчивому развитию сельских территорий: инфраструктуры, улучшению качества жизни, увеличению доходов местного населения, созданию рабочих мест, поддержке и сохранению традиций и культуры, сохранению экологии.

Литература

1. Семинары по истории Беларуси: в контексте мировых цивилизаций: учеб.-метод. пособие / под ред. Н. И. Полетаевой, А. М. Сасима. Минск: Экоперспектива, 2010. 200 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/9388/7/Istoriya%20Belarusi%20Seminary.pdf/> (дата обращения: 12.01.2019).
2. Клицунова В. А., Борисенко Н. М., Аношко Я. И. Агроэкотуризм. учеб.-метод. пособие / под ред. В. А. Клицуновой, Н. М. Борисенко, Я. И. Аношко. Минск: РИПО, 2014. 132 с. [Электронный ресурс]. URL: http://tempus.bseu.by/files_new/1/14_2038_agroekoturizm.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
3. Всемирное наследие ЮНЕСКО в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belarus.by/ru/travel/heritage1> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/> (дата обращения: 1.02.2019).
5. Гайдукевич Л. Агроэкотуризм в Беларуси: состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ictsd.org/bridges-news> (дата обращения: 12.01.2019).
6. Яковчик Н. С., Липай Т. П. Агротуризм – одна из форм стимулирования развития сельских территорий белорусского Полесья // Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Роль непрерывного образования и вузовской науки в инновационном развитии АПК». Минск, 26–28 января 2012 г., 2012. С. 168–169 [Электронный ресурс]. URL: <https://rep.bsatu.by/bitstream/doc/7636/1/agroturizm-odna-iz-form-stimulirovaniya-razvitiya-selskih-territorij-belorusskogo-polesya.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).

References

1. Poletaeva N. I., Sasim A. M. *Seminary po istorii Belarusi: v kontekste mirovykh tsevilizatsiy* [Seminars on the history of Belarus: in the context of world civilizations]. Minsk, Ecoperspectiva Publ., 2010. 200 p. [Electronic resource]. Available at: <http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/9388/7/Istoriya%20Belarusi%20Seminary.pdf/>. (accessed 12.01.2019).
2. V. Klitsunova V. A., Borisenko N. M., Anoshko Ya. I. *Agroekoturizm* [Agroecotourism]. Minsk, RIPO Publ., 2014. 134 p. [Electronic resource]. Available at: <http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/9388/7/Istoriya%20Belarusi%20Seminary.pdf/> (accessed 12.01.2019).
3. *Vsemirnoye naslediyе UNESCO v Belarusi* [World Heritage UNESCO in Belarus] [Electronic resource]. Available at: <https://www.belarus.by/ru/travel/heritage> (accessed 12.01.2019).
4. *Natsionalniy pravovoy internet-portal Respubliki Belarus'* [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus] [Electronic resource]. Available at: <http://www.pravo.by/> (accessed 12.01.2019).

5. Gaidukevich L. *Agroecotourizm v Belarusi: sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Agroecotourism in Belarus: state and development prospects] [Electronic resource]. Available at: <https://www.ictsd.org/bridges-news/> (accessed 12.01.2019).

6. Yakovchik N. S., Lipay T. P. [Agritourism is one of the forms of stimulating the development of rural areas of Belarusian Polesye]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ("Rol' nepreryvnogo obrazovaniya i vuzovskoy nauki v innovatsionnom razvitsii APK")*. [Materials of the International scientific-practical conference ("The role of continuing education and universities in science in the innovative development of agribusiness")]. Minsk, BGATU Publ., 2012, pp. 168–169 [Electronic resource]. Available at: <https://rep.bsatu.by/bitstream/doc/7636/1/agro-turizm-odna-iz-form-stimulirovaniya-razvitiya-selskih-territorij-belorusskogo-polesya.pdf>. (accessed 12.01.2019).

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of "Economics and Law". Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of "Management". Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Поступила 10.02. 2019

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹Военная академия Республики Беларусь²Белорусский национальный технический университет**О ВОИНСКИХ КОНТИНГЕНТАХ США И НАТО В ЕВРОПЕ**

В целях оказания давления на неугодные страны, и в первую очередь на Российскую Федерацию и Республику Беларусь, военно-политическое руководство США и стран НАТО в рамках проводимых операций «Атлантическая Решимость» и «Усиленное передовое присутствие», а также миссии по охране воздушного пространства стран Балтии развернуло в приграничных с Республикой Беларусь территориях сухопутную и военно-воздушную группировки войск. В статье раскрывается дислокация и состав данных группировок.

Ключевые слова: операция, миссия, дислокация, группировка, ОВС НАТО, кризис, военно-политическая обстановка.

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹Military Academy of the Republic of Belarus²Belarusian National Technical University**ABOUT US AND NATO MILITARY CONTINGENTS IN EUROPE**

In order to put pressure on unwanted countries, and especially on the Russian Federation and the Republic of Belarus, the military-political leadership of the United States and NATO countries in the framework of the operations “Atlantic Resolve” and “Enhanced Forward Presence”, as well as missions to protect the airspace of countries the Baltic States deployed a ground and air force grouping in the border areas with the Republic of Belarus. The article reveals the location and composition of these groups.

Key words: operation, mission, deployment, grouping, NATO forces, crisis, military-political situation.

Введение. В последнее время в прессе, на телевидении, в высказываниях руководства Российской Федерации и Республики Беларусь часто акцентируется внимание на усилении агрессивности военных структур НАТО и США непосредственно у границ Беларуси и России. В материалах открытой печати и интернета просматриваются реальные мероприятия военно-политического руководства США и НАТО по усилению группировок войск на границах союзного государства как в количественном составе боевых единиц типа батальон, так и в вооружении, особенно средствах разведки, радиоэлектронной и кибернетической борьбы, новейших средствах поражения. Во многом это связано с продолжающимся военным конфликтом в Украине, в котором Российская Федерация считается агрессором.

Основная часть. В соответствии с положениями основополагающих документов военно-политическое руководство НАТО и США в современных условиях опирается на коалиционный военный потенциал, который остается решающим фактором как при отражении военной агрессии против стран – членов альянса, так и для противодействия другим угрозам в зоне ответственности блока и за ее пределами [1, 2]. В настоящее время к числу основных дестабилизирующих факторов, способных трансформироваться в угрозы безопасности альянса, от-

носятся «агрессивная» внешняя политика Российской Федерации и повышение ее боевого потенциала вооруженных сил, возможность проведения российской стороной так называемых «гибридных» операций против стран – членов блока [3]. Поэтому приоритетным направлением деятельности НАТО определено стратегическое сдерживание «отдельных государств», развитие возможностей ОВС альянса для урегулирования кризисов и усиление восточного фланга блока.

В целях реализации планов по обеспечению безопасности восточноевропейских стран – членов НАТО руководство Североатлантического союза и США приступило к наращиванию военного присутствия в Европе, которое проводится в виде операций. Прежде всего к ним можно отнести операцию «Атлантическая решимость» (“Atlantic Resolve”) и операцию ОВС НАТО «Усиленное передовое присутствие» (“Enhanced Forward Presence”). Кроме того, с 2004 г. проводится миссия ОВВС НАТО по охране воздушного пространства стран Балтии (“Baltic Air Policing”) [4].

Операция «Атлантическая решимость». В марте 2014 г. руководством США в связи с «агрессией России в Украине» и оказания содействия европейским союзникам и партнерам в обеспечении безопасности было принято решение о проведении операции «Атлантическая

решимость». В рамках ее проведения с апреля 2014 по декабрь 2016 г. воинские формирования ВС США дислоцировались только на территории Польши и стран Балтии и представляли собой ротные тактические группы сухопутных войск. С января 2017 г. в операции начали задействоваться формирования сухопутных войск США бригадного уровня (бронетанковая боевая бригадная группа и боевая бригадная группа армейской авиации) с размещением воинских частей и подразделений из их состава на территории ФРГ, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Латвии (авиация). Ротация этих групп осуществляется каждые девять месяцев.

Американские формирования, размещенные в Европейском регионе, принимают активное участие в мероприятиях боевой подготовки совместно с вооруженными силами стран пребывания, в том числе и с подразделениями прибалтийских государств. В результате этого дислокация подразделений СВ США на территории европейских государств может меняться несколько раз за период пребывания. Кроме воинских формирований США, в Европе также размещены органы управления и формирования обеспечения [5].

На текущий момент в рамках операции вооруженных сил США «Атлантическая решимость» в Европе размещены воинские части и подразделения 1 бронетанковой боевой бригадной группы и 1-й боевой бригадной группы армейской авиации 1-й мд 3 АК. В составе данной группировки в Польше и странах Балтии сосредоточено около 4,2 тыс. человек, 55 боевых танков, 90 боевых бронированных машин, 18 артиллерийских орудий, 30 вертолетов (в т. ч. 22 боевых).

Операция ОВС НАТО «Усиленное передовое присутствие» проводится в рамках реализации «Плана действий по повышению боевой готовности ОВС НАТО» (утвержден в 2014 г.) и решений Варшавского саммита НАТО (2016 г.).

В соответствии с данными документами с начала 2017 г. в Польше и странах Балтии на ротационной основе (период ротации – в среднем каждые шесть месяцев) развернуты четыре многонациональные батальонные тактические группы (далее – мбтгр) под командованием США (в Польше), Германии (в Литве), Канады (в Латвии) и Великобритании (в Эстонии) со штатным вооружением и техникой.

Для руководства многонациональными батальонными тактическими группами на территории Польши (Эльблонг) сформирован штаб многонациональной дивизии «Северо-Восток», который в декабре 2018 г. достиг уровня полной оперативной готовности. Кроме того, в интересах повышения возможностей по управлению воинскими контингентами с учетом пла-

нируемого наращивания иностранного военного присутствия в регионе с марта текущего года в Латвии (Кадага) развернута оперативная группа формируемого в настоящее время штаба многонациональной дивизии «Север» (Каруп, Дания).

На текущий момент в Польше и странах Балтии сосредоточены войска НАТО в составе около 5,3 тыс. человек, 96 боевых танков, 171 боевая бронированная машина, 13 артиллерийских орудий, 4 самоходных миномета, 4 реактивных системы залпового огня и 9 боевых вертолетов.

Миссия ОБВС НАТО по охране воздушного пространства стран Балтии «Балтик эйр полисинг» – бессрочная операция ОБВС НАТО по охране воздушного пространства стран Балтии (является составной частью операции ОБВС альянса «Эйр полисинг», к которой привлекаются самолеты истребительной авиации других стран – членов НАТО) [6].

После вхождения Литвы, Латвии и Эстонии в состав альянса на авиабазах Зокняй (Литва) и Эмари (Эстония) организовано боевое дежурство авиационных подразделений НАТО на ротационной основе по три-четыре месяца (как правило, на каждой авиабазе находятся четыре-шесть истребителей ПВО, из которых два самолета находятся в 15-минутной готовности к вылету). Кроме того, в случае усиления миссии для дислокации дополнительного контингента авиации может задействоваться авиабаза Мальборк (Польша), а также Лиелварде (Латвия).

Основными задачами подразделений ВВС стран – членов НАТО, задействованных в миссии по охране воздушного пространства стран Балтии, являются:

- охрана воздушных границ и контроль воздушного пространства прибалтийских государств;
- прикрытие с воздуха объектов гражданской и военной инфраструктуры стран Балтии;
- оказание помощи воздушным судам, терпящим бедствие в воздушном пространстве Литвы, Латвии и Эстонии.

В настоящее время общее количество боевых самолетов, задействованных в миссии по охране воздушного пространства стран Балтии, составляет 13 единиц, численность летного состава и обслуживающего персонала – около 300 человек. Это довольно большое количество самолетов, задействованное в рамках учений, обычно дежурство несут 4–6 самолетов.

Военно-политическое руководство прибалтийских стран всячески содействует размещению войск НАТО на их территориях.

Так, в рамках программы модернизации авиабазы Зокняй литовских ВВС, рассчитанной до 2020 г. включительно, введен в эксплуатацию комплекс зданий для размещения ино-

странных контингентов ОБВС НАТО общей площадью более 1000 м², включая железобетонные временные и каркасные ангары для самолетов, служебные и жилые помещения для летно-технического персонала и командования, построен склад авиационного топлива длительного хранения емкостью 2 тыс. м³. В настоящее время авиабаза в состоянии обеспечить постоянное базирование практически всех типов авиационной техники, включая транспортные самолеты, стратегические бомбардировщики и самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления «Авакс».

В Латвии в 2014 г. была проведена официальная церемония открытия авиабазы Лиелварде латвийских ВВС. По своим возможностям эта база может быть также задействована в качестве запасного аэродрома в ходе операции. На реконструкцию затрачено 176 млн долл. (в том числе 64 – по линии блока).

В Эстонии правительство значительное внимание уделяет совершенствованию авиабазы Эмари. В настоящее время практически реконструирована вся инфраструктура базы. На аэродроме установлены современное радиолокационное оборудование, взлетно-посадочная и светотехническая системы, соответствующие стандартам НАТО. Построены подземные хранилища для топлива емкостью 1000 м³, ангары для самолетов. По оценкам экспертов, инфраструктура авиабазы обеспечивает дислокацию на постоянной или временной основе практически всех типов самолетов (прием до 16 истребителей и до 20 транспортных самолетов типа С-130 в сутки), предоставляет возможности по обслуживанию тяжелых транспортных самолетов и стратегических бомбардировщиков.

Большое внимание руководством НАТО уделяется модернизации военных аэродромов в Польше. К таким можно отнести аэродромы Мальборг, Ласп, Свидин и др. Они модернизируются с учетом обеспечения приема новейших самолетов стран НАТО, обновляются обслуживающие радиотехнические и радиолокационные системы, системы обеспечения и обслуживания авиации с тем, чтобы их без значительной подготовки можно было использовать для перебазирования авиационной группировки.

Заключение. В настоящее время в рамках указанных мероприятий на территории Европы сосредоточены воинские контингенты, насчитывающие в своем составе около 12 тыс. человек, танков – 183, боевых бронированных машин – 305, орудий полевой артиллерии – 31, самоходных минометов – 4, реактивных систем залпового огня – 4, боевых самолетов – 13, вертолетов – 94 (в т. ч. боевых – 69), беспилотных летательных аппаратов – 10.

Данная группировка войск довольно мощная, однако она размещена на значительном фронте вдоль границ Российской Федерации, Украины и Беларуси, разбросана и, несмотря на значительный контингент формирования вооруженных сил США и ОБС НАТО, не могут оказать существенного влияния на имеющийся в регионе баланс сил. Однако они являются дополнительным риском военной безопасности для нашего государства. Вместе с тем дальнейшая милитаризация Восточной Европы будет способствовать сохранению негативных тенденций в развитии военно-политической обстановки, а также росту противоречий между Россией и странами Запада.

Литература

1. Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Анализ важнейших современных концептуальных документов обеспечения национальной безопасности США // Труды БГТУ. 2016. № 5(187): История, философия, филология. С. 71–75.
2. Зайцев А. А. Ключевые направления военной политики Вашингтона в современных условиях // Труды БГТУ. 2016. № 5 (187): История, философия, филология. С. 76–80.
3. Зайцев А. А. Взгляды военно-политического командования США и НАТО на ведение гибридных войн // Сборник научных статей Международной военно-научной конференции учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь». («Обеспечение военной безопасности государства: проблемы и перспективы»). 23–24 марта 2017 г. Ч. 1. С. 48–52.
4. Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Обострение военно-политической обстановки в Европе – результат амбиций США // Труды БГТУ. 2017. № 5 (187): История, философия, филология. С. 76–80.
5. Зайцев А. А. Совершенствование системы органов военного управления НАТО в Европе // Вестник академии. 2014. № 2. С. 31–34.
6. Осин С. Совершенствование военной инфраструктуры прибалтийских стран в интересах НАТО // Заруб. воен. обозрение. 2015. № 8. С. 19.–23.

References

1. Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. Analysis of the most important modern conceptual documents to ensure US national security. *Trudy BGTU* [Proceedings of BGTU], 2016, no. 5 (187): History, Philosophy, Philology, pp. 71–75 (In Russian).

2. Zaytsev A. A. Key areas of Washington's military policy in modern conditions. *Trudy BGTU* [Proceedings of BGTU], 2016, no. 5 (187): History, Philosophy, Philology, pp. 76–80 (In Russian).

3. Zaytsev A. A. [The views of the military-political command of the United States and NATO on the conduct of hybrid warfare]. *Sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy voenno-nauchnoy konferentsii* (“*Obespecheniye natsional'noy bezopasnosti gosudarstva: problemy i perspektivy*”) [Collection of scientific article of the International Military Scientific Conference (“Ensuring the military security of the state: problems and prospects”)]. Minsk, 2017. Part 1, pp. 48–52 (In Russian).

4. Zaysev A. A., Zaytseva N. V. Aggravation of the military-political situation in Europe – the result of US ambitions. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2017, no. 5 (187): History, Philosophy, Philology, pp. 76–80 (In Russian).

5. Zaytsev A. A. Improving the NATO military command and control system in Europe. *Vestnik akademii* [Bulletin if the Academy], 2014, no. 2, pp. 31–34 (In Russian).

6. Osin S. Improving the military infrastructure of the Baltic countries in the interests of NATO. *Zarubezhnoye voyennoye obozreniye* [Foreign military review], 2015, no. 8, pp. 19–23 (In Russian).

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Information about the authors

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of “Economics and Law”. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Поступила 20.02.2020

УДК 101.1:316.42

В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет
(г. Йошкар-Ола, Российская Федерация)

СИНЕРГЕТИКА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТЕОРИЙ: ИСТОКИ (Н. Н. МОИСЕЕВ И С. П. КУРДЮМОВ)

В центре внимания статьи актуальные проблемы отечественной истории социальной синергетики и синергетической теории общества. Рассматриваются творческие идеи оригинальных советских ученых, мыслителей Моисеева Н. Н. и Курдюмова С. П. На примере используемого в творческом наследии авторов научного языка демонстрируются реальные исследовательские ресурсы синергетической методологии в построении современной синергетической теории общества. Также в статье анализируются ресурсы заложенной исследователями синергетической теории общества в социальном познании и управлении современными общественными процессами. Автор доказывает, что Н. Н. Моисеев и С. П. Курдюмов могут считаться одними из основоположников современной отечественной синергетической теории общества и в целом отечественной социальной синергетики. В фокусе статьи такие синергетические понятия, как бифуркация, открытые системы, самоорганизация, нелнейность, аттракторы, случайность, флуктуация, управление и другие и их ресурс в понимании синергетического познания и управления в обществе.

Ключевые слова: синергетика, синергетическая теория общества, эмпирические обобщения, самоорганизация, бифуркация, случайность, аттракторы, управление.

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

SYNERGETIC IN SPACE OF MODERN PUBLIC THEORIES: SOURCES (N. N. MOISEYEV AND S. P. KURDYUMOV)

In the center of attention of article actual problems of national history of social synergetic and the synergetic theory of society. In the center of attention creative ideas of original Soviet scientists, thinkers N. N. Moiseyev and S.P.Kurdyumova. On the example of the language of science used in a creative heritage N. N. Moiseyeva and S.P.Kurdyumova, real research resources of synergetic methodology in creation of the modern synergetic theory of society are shown. Also, in article resources of the synergetic theory of society put by researchers in social knowledge and management of modern public processes are analyzed. The author proves that N. N. Moiseyev and S.P.Kurdyumov can be considered as one of founders of the modern domestic synergetic theory of society and in general, domestic social synergetic. In focus of article such synergetic concepts as: bifurcation, open systems, self-organization, nonlinearity, attractors, accident, fluctuation, management and others and, their resource in understanding of synergetic knowledge and management in society.

Key words: synergetic, synergetic theory of society, empirical generalizations, self-organization, bifurcation, accident, attractors, management.

Введение. В статье кратко обобщаются главные истоки отечественного (советского, российского) тренда в развитии синергетизации социально-гуманитарных наук в XX в. Язык синергетики ворвался в социально-гуманитарное знание России в постсоветское время и стал известен благодаря книгам И. Пригожина, Г. Хакена, К. Майнцера и других западных исследователей. Но вдумчивый исследователь конечно же знал и

использовал ресурсы и собственно отечественного тренда синергетики, представленного масштабными трудами А. Н. Богданова, создавшего тектологию – всеобщую организационную науку. Тренд этот был существенным образом подхвачен в исследованиях Н. Н. Моисеева, С. П. Курдюмова и Е. Н. Князевой, Д. С. Чернавского, А. С. Венгерова, К. Х. Делокарова, В. И. Аршинова, Г. Г. Малинецкого, В. Г. Буданова и многих других

уже современных отечественных мыслителей, поверивших междисциплинарному курсу развития научного знания. Всеми ими внесен неоценимый и значительный вклад в дело развития, популяризации и продвижения научного языка синергетики (по своему существу естественнонаучного) в российское социально-гуманитарное знание и философию. Коснемся лишь глубинных истоков этой синергетизации социально-гуманитарного знания в отечественной науке на примере трудов Н. Н. Моисеева и С. П. Курдюмова, во многом сподвижников и научных аттракторов идей синергетики в отечественной науке XX в. [1–4].

Основная часть. Н. Н. Моисеевым была разработана оригинальная синергетическая теория универсального эволюционизма (ТУЭ), ставшая своеобразным отечественным ответом на идущую с Запада традицию синергетизации науки. В центре внимания ТУЭ – проблема осмысления и обоснования мира и человека как единой системы в ее непрерывной эволюции. Теория универсального эволюционизма непосредственным образом заявила о себе как проект создания масштабного, общенаучного и междисциплинарного синтетического научного языка, ставшего основой единой модели развивающегося мира и человека. Этот новый научный язык, по мнению Н. Н. Моисеева, должен быть способен «допускать постепенное расширение, т. е. включение новых понятий по мере перехода к объектам все более и более сложной природы и организации» [5, с. 3]. Как и в тектологии А. А. Богданова (всеобщей организационной науке), здесь поставлен вопрос о необходимости универсального (всеобщего) научного языка. Смысл такого языка, по мнению А. А. Богданова, заключался в том, что он «не только облегчает объединение специалистов различного профиля для решения общих задач, но и имеет определенное методологическое, мировоззренческое и эвристическое значение. Возможности аналогий, которые он открывает, имеют немаловажное значение для совершенствования интуиции исследователя» [5, с. 37].

Существенной особенностью теории универсального эволюционизма является ее гуманитарный, гуманистический характер. По существу ТУЭ стала ярким примером демонстрации прикладных возможностей естествознания в изучении актуальных проблем социально-гуманитарного знания. В центр исследования глобальных эволюционных процессов Н. Н. Моисеевым были поставлены биосфера и человек, история их становления, коэволюция, проблемы их настоящего и будущего. Важнейшими понятиями ТУЭ стали «система», «структура», «организация», «самоорганизация», «бифуркация»,

«адаптация», «эволюционные каналы», «обратные связи», «энтропия», «турбулентный хаос», «цефализация», «кооперативность» и другие, сближающие ее с синергетикой. Особую (отправную) роль в ней занял принцип минимума дисперсии энергии, констатирующий развитие системы в условиях возможности выбора по пути, которому в максимальной степени отвечает «минимальное рассеяние энергии или, что то же самое, минимальный рост энтропии» [5, с. 37]. Таким образом, эволюционный процесс, понимаемый как непрерывный акт развития, идет путями, на которых в наибольшей степени реализуется стремление живых систем к гомеостазису (к сохранению и стабильности), являющемуся одним из мощнейших факторов эволюции, в которой выживают лишь системы, способные к налаживанию наиболее подвижных обратных связей с внешней средой (открытые системы), к наибольшему использованию энергии этой среды, т. е. системы, в наибольшей мере оказывающиеся способными к минимальному росту энтропии и поглощению внешней энергии и вещества.

К разряду наиболее существенных элементов теории универсального эволюционизма можно отнести «эмпирические обобщения» – предположения, лежащие в основе «единой картины мира» и не противоречащие человеческому опыту. Центральными из них стали следующие:

1) «все процессы, протекающие во Вселенной, не детерминированы – мир по природе своей стохастичен. В нем существуют принципиальные неопределенности»;

2) «настоящее и будущее любой материальной системы в той или иной степени определяется прошлым...»;

3) «все процессы развития подчиняются определенным законам. Если мы говорим о неживом мире, то это законы физики и химии, в биологии это, кроме того, принципы естественного отбора и т. д. Все такие законы играют роль определенных принципов отбора. Не все доступное джину, выпущенному из бутылки, может произойти в реальном мире» [5, с. 64, 65].

Важным дополнением к «эмпирическим обобщениям» стала идея «адаптационных» и «бифуркационных» механизмов развития. К первым относятся механизмы, реализующие однозначный переход системы в новое состояние при отсутствии случайных, неконтролируемых воздействий на нее. Ко вторым – механизмы, действующие в ситуациях крайней неопределенности дальнейшего развития, когда чрезвычайно сильны случайные, неконтролируемые воздействия на систему, особую роль приобретающие в переходные периоды ее существования, когда новый «эволюционный канал» развития предсказать заранее

невозможно [5, с. 66]. Эмпирические обобщения позволяют установить ряд функциональных свойств материального мира, носящих синергетический характер (например, единство и дополняемость бифуркационных механизмов и стохастичности), объяснить необратимость эволюции. К такого рода следствиям эмпирических обобщений можно отнести закон дивергенции (непрерывного роста разнообразия, расхождения путей эволюции системы), закон роста сложности организации материальных систем, тесно связанный с предыдущим, и др. [5, с. 66].

Важнейший синергетический смысл имеет и вывод теории универсального эволюционизма о мире как сверхсложной самоорганизующейся системе. Подобная схема обладает «большой общностью: она в равной степени подходит для описания процессов, протекающих в неживом и живом мире, и для характеристики процессов общественного развития» [5, с. 67]. Большой интерес в связи с этим представляет феномен бифуркационности, особую роль играющий в переходные периоды развития явления и являющийся ключом к пониманию эволюции, появлению необратимости в процессах развития Вселенной, задающей направленность в движении материального мира. Результатом такого рода бифуркаций являются, в частности, появление жизни и разума, с которыми связано и появление новых типов законов (новых принципов отбора). Их следствием стало и многократное ускорение темпов эволюции вещества во Вселенной, основанное на росте эффективности использования внешней (на примере солнечной) энергии [5, с. 67, 68].

Практически применяя универсально эволюционистскую позицию к исследованию истории человеческого рода Н. Н. Моисеев, в частности, выделяет в ней по меньшей мере две крупнейшие перестройки (бифуркации). Первая произошла в палеолите и мезолите (*мезолитическая эволюция*) и привела на основе формирования общечеловеческой системы ценностей к затуханию внутривидовой борьбы и естественного отбора, уступив место эволюции общественных форм человеческого бытия. Вторая – в начале эпохи неолита (*неолитическая революция*) и вызвала появление частной собственности, качественно изменив характер эволюции человеческого общества, заложив новые стимулы его развития. В обоих случаях ценой огромных человеческих потерь возникли новые технологии жизни (по мнению ученого, во время неолитической революции, в частности, уменьшилась численность населения по меньшей мере в десять раз [5, с. 37]. Со сменой палеолита на неолит произошла и смена основного типа противоречий – с противоречий между человеком и природой

на противоречия внутри человеческого общества. Как отмечает ученый, есть все основания считать, что «надвигающийся экологический кризис, носящий такой же глобальный характер, как и кризис, вызвавший неолитическую революцию, может снова на первое место выдвинуть противоречие между человеком и природой» [5, с. 74].

Фундаментом обществоведческого блока теории универсального эволюционизма выступила развиваемая Н. Н. Моисеевым идея «рационального общества», тесно связанная им с теорией ноосферы. По мнению ученого, всем «рациональным обществам, независимо от их социальной природы, должны быть присущи некоторые общие черты и свойства рационального характера, делающие их рационально организуемыми. К сущности этих последних Н. Н. Моисеев отнес «рациональное» устройство жизни. В его основе – идеи социальных гарантий, социальной справедливости и защищенности личности, отдельных граждан, различных классов и национальных общностей, подконтрольности государственной политики интересам гражданского общества и др. Но при этом «каждая страна должна искать свой собственный путь, опираясь, конечно, на опыт других, но учитывая собственные традиции, собственный исторический опыт и особенности характера нации» [6, с. 102]. Следование единству множественного – сущность этого подхода.

Значительным вкладом теории универсального эволюционизма в разработку социальной синергетики (синергетики процессов, связанных с человеком и обществом) стало исследование глобальных проблем современности и, в частности, уже отмечавшейся идеи В. И. Вернадского о «коэволюции» общества и природы, характеризующей интеграцию, взаимопроникновение и взаимодополнительность двух сосуществующих реальностей – человеческого общества и природы. При этом именно человек, а не природа должен «приспосабливать себя, свои общественные потребности и социальную организацию к требованиям, сохраняющим и развивающим биосферу» [6, с. 146], но не наоборот. По существу, идея коэволюции на примере отношений человека и природы стала попыткой исследователя, опираясь на язык теории универсального эволюционизма, доказать существование в мире устойчивых, стабильных систем, которые тем не менее далеки от состояний равновесия (т. е. крайне неравновесных систем). Исторически длительная и динамическая стабильность такого рода неравновесных систем способна осуществляться лишь за счет активного обмена энергией и веществом. По мнению Н. Н. Моисеева, человеческий разум, вооруженный наукой, способен взять на себя роль регулятора такого

обмена, но лишь в потенциале, ибо способность эта, по его мнению, опосредуется собственно качествами самого человека или проблемой реализации «принципа кормчего» (умения человека управлять этими процессами), а значит относительно.

Относительность эта связана и с тем, что при всем плюрализме общественных структур, различии культур и шкал ценностей для перехода биосферы в состояние ноосферы (с которым и связана реализация данных целей) организации государств должны приобрести некоторые общие черты общепланетарной рациональности, основанные на высокоразвитой человеческой рациональности. Но возможна ли и при каких условиях возможна эта общепланетарная рациональность – еще один фундаментальный вопрос на полях теории Н. Н. Моисеева, до конца им не проработанный и доставшийся нам на осмысление. Воплощением общепланетарной рациональности является «принцип кормчего» (рационального человека), характеризующий знание человеком законов стихии и умением их использовать, не противостоя им [6, с. 106]. Для реализации «принципа кормчего» человечество должно хорошо знать не только законы мира, но и свои возможности в нем, умело пользоваться ими, двигаясь в рамках коэволюционной парадигмы.

Существенный вклад в становление и развитие современной формы синергетического знания в отечественную науку, несомненно, принадлежит работам С. П. Курдюмова, многие из которых были им осуществлены с Е. Н. Князевой. Констатируя кредо синергетики как нового мировидения, Е. Н. Князева подчеркивает ее интегративный междисциплинарный характер, отмечая, что она «не только синтезирует фрагменты обыденного и отчасти научного дисциплинарно разбросанного знания, но даже связывает эпохи – древность с современностью, с современными достижениями науки – принципиально различные восточный и западный способы мышления и мировосприятия...» (от Востока она берет «идею целостности мира, от Запада – традиции анализа, эксперимент...»). Она изучает «открытые, нелинейные системы. Ее предмет – механизмы самоорганизации, перехода от хаоса к порядку и обратно, которые не зависят от природы элементов и подсистем» [7, с. 9, 11].

Особое внимание исследователи обращают на феномен «случайного» и малой флуктуации, доминирующую роль, играющих в открытых нелинейных средах, т. е. не просчитываемых нелинейной математикой (являющихся типичными для мира). Сущность случайности в том, что она, проявленная как малое воздействие, флуктуация, может привести к существенному результату на уровне макроструктуры. Проходя

через точку бифуркации (ветвления путей эволюции систем), в системе срабатывает механизм диссипации – уничтожения, «выжигания» всех «лишних» вихревых потоков (аттракторов – активных устойчивых центров, потенциальных путей эволюции системы, способных притягивать и организовывать окружающую среду и в этом смысле способных ее «временить») [8, с. 6–9], оставляющий только те потоки, что и образуют структуру и в наибольшей степени соответствуют актуально сложившейся ситуации в среде. Все это позволило исследователям характеризовать случайность как спусковой механизм сложного, нелинейно эволюционирующего мира. Исследователи говорят о диалектике случайности и необходимости, последняя из которых (в противоположность первой) выступает доминирующим фактором за пределами бифуркационных состояний систем [7, с. 17].

По мнению Е. Н. Князевой, проведенные в области синергетики исследования дают возможность видеть в ней мощный методологический и эвристический потенциал, позволяющий «развивать новые нестандартные подходы, которые могут стимулировать решение самых насущных проблем, связанных с выживанием самого рода человеческого» [9, с. 29]. В связи с этим исследователь отмечает нетерпимость сложноорганизованных систем к навязыванию им путей их собственного развития. Обосновывает необходимость учиться способствовать движению этих систем по их естественным путям, определяя бифуркацию как присущее им свойство развития и сценарный подход в изучении общества. Целое при этом видится ученому как установление общего темпа развития его частей, как «сосуществование структур разного возраста в одном темпомире» [8, с. 5].

Важная роль в анализе процессов развития отводится исследователями диалектике отрицательных обратных связей (стабилизирующих и возвращающих систему в исходное состояние) и положительных обратных связей (ведущих ее к разрушениям и неустойчивостям). При этом они вновь подчеркивают, что «только системы, далекие от равновесия, системы в состояниях неустойчивости, способны спонтанно организовывать себя развиваться. Устойчивость и равновесность – это, так сказать, тупики эволюции» [8, с. 13]. С существованием сложноорганизованных структур, с точки зрения ученых, связана и фундаментальная закономерность их – неизбежный распад по достижению развитого состояния. Но при этом хаос является защитой от хаоса, механизмом вывода системы на структуры-аттракторы эволюции, механизмом, согласующим темпы эволюции «при объединении простых структур в сложные, а также механизмом

переключения, смен различных режимов развития системы»; хаос, таким образом, «разрушая, строит, а строя, приводит к разрушению». В итоге синергетическая картина мира предстает в форме иерархии «различных темпомиров, зависимых, проникающих друг в друга или же независимых, параллельных» [8, с. 18, 19].

В целом же важной особенностью синергизма, с позиций Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, является его *диалектический характер*. В нем соединяются детерминизм и индетерминизм, что обуславливает возможность влиять на процессы и явления не «методом проб и ошибок или упрямого насилования реальности, опасных действий против собственных тенденций систем», а методом, основанным «на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» [8, с. 20].

Существенный задел осуществлен Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмовым в области разработки синергетического осмысления общественных явлений (как попытка адаптации синергизма к обществознанию). Отправной точкой исследования ученых стало признание, что «синергетика в ее нынешнем виде еще не способна строить конкретные и действенные модели выхода из кризисных ситуаций, в особенности экономических, политических, экологических. Такого рода моделирование является задачей соответствующих ученых-специалистов (экономистов, политологов, социологов, экологов). Но синергетика способствует становлению нового видения мира, если угодно, новой идеологии. Подобной идеологии, выведенной из знания законных систем, сегодня явно не хватает» [10, с. 40]. Исследуя в частности управленческий аспект синергетики, ученые подчеркивают недопустимость «большевизации» управления обществом, связанных с этим иллюзий, когда «субъект социального реформаторства может выступать в качестве архитектора и скульптора общественных структур...»; наоборот, «всегда нужно учитывать соотношение управленческих усилий власти и собственных внутренних тенденций самоорганизации общества» [10, с. 39]. Выделяя в рамках данной парадигмы управления «железный» и «живой» порядки организации общественной жизни, ученые особое внимание уделяют последнему как самоорганизующемуся явлению, в котором соединение частей в целое идет путем «установления общего темпа развития в объединяемых частях», когда «целое развивается быстрее составляющих его частей»,

следствием чего является колоссальная экономия «материальных (в частности, энергетических), духовных и иных затрат» [10, с. 45, 50, 51].

Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов – одни из первых исследователей прикладного поля синергетики в отечественном обществознании, в понимании социальных процессов различного уровня сложности от индивида до человечества и управления ими (корректнее сказать, соуправления – *В. Ш.*). Важную роль они играют и в вопросах изучения сценарного подхода в развитии общества, включающего упреждающее знание о возможных путях развития событий. Суть их подхода заключается в аксиоме, что сложная нелинейная система способна сама «себя строить, структурировать, подобно тому, как строит, организует себя человек или наблюдаемая Вселенная в целом, нужно только правильно инициировать желательные для человека тенденции саморазвития этой системы» [9, с. 25].

Основываясь на синергетической идее «поля путей развития, спектра структур, потенциально содержащегося, скрытого в нелинейных средах» и роли человека в мире, ученые констатируют:

1) поскольку всякое развитие многовариантно в своих путях, человек имеет право выбора оптимального для него пути, который можно не только выбрать, но и вычислить, управлять им;

2) хотя путей развития много, но их количество не бесконечно. Человек может узнать ограничения данной конкретной системы (принцип запрета), сузив тем самым представления о возможных путях;

3) человек способен описать и рассчитать оптимальные для себя и осуществимые в плане имеющихся возможностей «сценарии» развертывания событий и их предполагаемые механизмы (экономические, политические в том числе). Но «самое главное, зная будущее желательное состояние и способы следования естественным тенденциям самоорганизации систем, человек может сократить время выхода на аттрактор, будущую форму организации, тем самым миновать многие зигзаги постепенного эволюционного пути, ускорить эволюцию» [9, с. 24].

Заключение. По нашему мнению, идеи синергизма, заложенные в трудах выдающихся российских, советских ученых Моисеева Н. Н., Курдюмова С. П., могут считаться важным фактором не только введения по существу естественнонаучного языка в пространство современного социально-гуманитарного знания на постсоветском пространстве, но и одним из первых опытов его реального использования в виде оригинальных теорий развития современного общества, в его динамической модели, основанной на понятии сложности [1–4].

Литература

1. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
2. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности: монография. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2009. 360 с.
3. Шалаев В. П. Из истории системосинергетики в пространстве отечественного и западного социально-гуманитарного знания // Социальное время. 2017. № 1 (9). С. 80–100.
4. Шалаев В. П. Синергетические свойства России: исторические истоки и историческая судьба // Социальное время. 2018. № 1 (13). С. 49–64.
5. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987. 304 с.
6. Моисеев Н. Н. Пути к созиданию. М.: Республика, 1992. 255 с.
7. Князева Е. Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // В поисках нового мировидения. И. Пригожин, Е. Рерих, Н. Рерих. М., 1991 (Знание. Сер.: Философия и жизнь. № 7). С. 3–20.
8. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994. 229 с.
10. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 38–51.

References

1. Shalaev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy* [Actual synergetics: man and society in the era of global transformations]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2013. 184 p.
2. Shalaev V. P. *Sinergetika v prostranstve filosofskikh problem sovremennosti* [Synergetics in the space of philosophical problems of our time]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 2009. 360 p.
3. Shalaev V. P. From the History of System Synergetics in the Space of Domestic and Western Social and Humanitarian Knowledge. *Sotsial'noye vremya* [Social time], 2017, no. 1(9), pp. 80–100 (In Russian).
4. Shalaev V. P. Synergetic properties of Russia: historical sources and historical fate. *Sotsial'noye vremya* [Social time], 2018, no. 1(13), pp. 49–64 (In Russian).
5. Moiseev N. N. *Algoritmy razvitiya* [Development Algorithms]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 304 p.
6. Moiseev N. N. *Puti k sozidaniyu* [Paths to creation]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 255 p.
7. Knyazeva E. N. The chance that creates the world (new ideas about self-organization in nature and society). *V poiskax novogo mirovideniya. I. Prigozhin, E. Rerikh, N. Rerikh* [In search of a new worldview I. Prigogine, E. Roerich, N. Roerich]. Moscow, Knowledge, series Philosophy and Life, no. 7, 1991, pp. 3–20 (In Russian).
8. Knyazeva E. N., Kurdjumov S. P. Synergetics as a new worldview: dialogue with Prigogine. *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 1992, no. 12, pp. 3–20 (In Russian).
9. Knyazeva E. N., Kurdjumov S. P. *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh sistem* [The laws of evolution and self-organization of complex systems]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 229 p.
10. Knyazeva E. N., Kurdjumov S. P. Synergetics: the beginnings of nonlinear thinking. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1993, no. 2, pp. 38–51 (In Russian).

Информация об авторе

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Information about the author

Shalaev Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Поступила 16.03.2020

УДК 502.211

П. А. Водопьянов

Белорусский государственный технологический университет

**КОНТУРЫ СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

В статье раскрыты основные проявления системного кризиса, содержание двойственного характера научно-технического прогресса, проанализированы истоки возникновения экологического кризиса, показана ограниченность сложившегося вектора социально-экономического развития, обоснована необходимость пересмотра сложившихся ценностных ориентаций по отношению человека к природе. Особое внимание уделено потребности утверждения биоантропоцентристской ориентации как условия предотвращения экологического кризиса, показана необходимость внедрения в производство аддитивных технологий, намечены контуры стратегии достаточного развития на основе согласования социально-экономического развития с законами эволюции биосферы и утверждения нравственности эпохи ноосферы.

Ключевые слова: системный кризис, экологический кризис, биоантропоцентристская ориентация, стратегия достаточного развития, эволюция биосферы, эпоха ноосферы.

P. A. Vodop'yanov

Belarusian State Technological University

**OUTLINES OF A SURVIVAL STRATEGY
IN AN ENVIRONMENTAL ENVIRONMENT INSTABILITIES**

The article reveals the main manifestations of the systemic crisis, analyzes the origins of the environmental crisis, reveals the content of the dual nature of scientific and technological progress, shows the limitations of the current vector of social and economic development, and justifies the need to review the existing value orientations in relation to man and nature. Special attention is paid to the needs approval bioanthropologists orientation as a condition of prevention of the environmental crisis shows the need for introduction of additive technologies, outlines the strategy sufficient development through the harmonization of socio-economic development with the laws of evolution of the biosphere and the approval of morality of the epoch of the noosphere.

Key word: system crisis, ecological crisis, bioanthropocentric orientation, sufficient development strategy, biosphere evolution, noosphere epoch iosphere and the approval of the morality of the noosphere era.

Введение. В условиях непредсказуемости мирового развития на стадии приближения мира к точке невозврата, когда перед человечеством нависла реальная опасность его ближайшему будущему, связанная с резким изменением климатических условий, утратой биологического разнообразия, сокращением площади природных территорий, ростом геополитической напряженности, высокой степенью вероятности возникновения ядерных столкновений, растущим неравенством между различными странами, усилением процессов мировой цифровизации, направленной на распространение недостоверной информации, возникает настоятельная потребность разработки ведущих направлений достижения безопасного будущего на основе осмысления путей преодоления глобальных проблем современности и выхода из тисков экологического кризиса.

Основная часть. В ходе исторического развития человечество прошло определенные этапы своей эволюции. На стадии первобытного

общества оно находилось на грани выживания, затем осуществляло освоение новых территорий, промышленное и технологическое развитие и наконец вновь оказалось в тисках глобального экологического кризиса, выход из которого вызывает необходимость разработки стратегии выживания. Это обусловлено возникновением целого комплекса глобальных проблем современности – изменением климатических условий, утратой биологического разнообразия, бурным ростом численности населения, истощением природных ресурсов, загрязнением окружающей среды, недостатком продовольствия и финансовых средств и других, угрожающих ближайшему будущему.

Небывало высокий уровень технологического развития, обусловленный достижениями научно-технической революции в середине прошлого века, позволил достичь высоких уровней жизни, увеличить среднюю продолжительность и многое другое и вместе с тем привел к углублению и обострению противоречий во взаимоотношениях

человека и природы. Высокие уровни жизни были достигнуты благодаря изобретению технологий, позволивших существенно увеличить производительность труда, и явились мощным стимулом экономического развития в развитых странах. «В этих условиях сложилась ситуация, когда глобальные процессы наряду с законами естественного развития управляются виртуально, искусственно созданной средой, реальное управляющее воздействие на которую оказывает узкий круг финансово-промышленных структур. Это привело к тому, что накопление капитала, прежде всего финансового, стало основной частью развития» [1].

Достаточно указать на то, что по имеющимся данным (по некоторым) около 90% финансовых операций носят спекулятивный характер и потому капиталистическая экономика ориентирована преимущественно на получение прибыли ради прибыли [2]. Преодоление этих опасных тенденций связано с изменением вектора социально-экономического развития и его переходом на принципиально новый путь удовлетворения человеческих потребностей. Важнейшим условием достижения данной цели является пересмотр сложившихся ценностных ориентаций по отношению человека к природе и пересмотр сложившихся моделей экономического развития, преодоление сугубо потребительского вектора, ориентированного на экономический рост.

Необходимым условием проектирования систем будущего является потребность согласования социально-экономического развития с законами биосферы на основе достижения непротиворечивой целостности общества и биосферы, которая выступает основой их гармоничного взаимодействия. Именно такого рода целостность существовала на протяжении длительной истории, когда человек органически был включен в структуру биосферы. Бурное развитие науки и техники, которое привело к превращению человеческой деятельности в огромную геологическую силу к середине прошлого века, вызвало разрушение и деградацию природных экосистем, снижение качества окружающей среды во многих регионах мира, обострение экологической обстановки.

Вначале это обстоятельство всецело рассматривалось как победа человека над природой. Однако суровая экологическая реальность развеяла такого рода победу, поскольку человек полностью зависит от природы, последняя выступает как его «неорганическое тело» (К. Маркс) и потому ее дальнейшее разрушение ставит предел могуществу человека, поскольку угрожает его ближайшему будущему.

Наращение природных, техногенных и социальных катастроф, происходящих в настоящее

время, – свидетельство такого рода реальной опасности. Именно по этой причине важно осознать необходимость сохранения природы как условия выживания человечества, поскольку человек может жить в условиях, близких или идентичных тем, в которых протекала его биологическая эволюция.

Соразмерность гармоничного развития биосферы в условиях экологической нестабильности, необходимость выживания человечества безальтернативно свидетельствует о том, что человек должен вернуться в коридор, обозначенный для него законами природы. Данное обстоятельство послужило теоретической предпосылкой проектирования будущего на основе использования смыслов и ценностей, направленных на сохранение биосферы и качества окружающей среды.

В ходе исторического развития человек создал искусственную среду обитания – техносферу, которая существует в структуре биосферы и что самое опасное, что эта сфера разрушает естественную среду, в которой сформировался сам человек.

Техносфера, созданная человеком, хотя сама по себе и создает удобства для него, однако нарушает естественные процессы, протекающие в биосфере. Сегодня можно без преувеличения сказать, что влияние техносферы на окружающий мир приобретает неуправляемый и необратимый характер, который представляет непосредственную угрозу для нормальной жизнедеятельности людей.

Открытия в науке за последние десятилетия предоставили широкие возможности для повышения производительности труда и уровней жизни в развитых странах и вместе с тем позволили человеку осуществлять свое воздействие на природу в невиданных доселе масштабах. Как следствие этого, практически 1/3 природных территорий оказались непригодными для обитания человека. Более того концентрация людей в крупных мегаполисах представляет угрозу для их здоровья, приводя к целому комплексу новых заболеваний. Свидетельством этого является заболевание коронавирусом, представляющее опасность для всего мирового сообщества.

Именно поэтому для предотвращения таких негативных явлений важно создать основные направления социально-экономического развития, базирующегося на разработке и внедрении нано-, био-информационных, когнитивных, социальных и коммуникативных технологий, обеспечивающих повышение производительности ресурсов и сохранение природных экосистем и биосферы в целом.

Такого рода технологии позволяют значительно уменьшить индустриальный пресс на биосферу,

снизить масштабы воздействия на ее человека. Новые технологии направлены на копирование естественных природных процессов на основе использования преимуществ, достигнутых в сфере технического творчества. На основе знаний, добытых в области познания живой природы, открывается возможность создавать новые технологии, не наносящие ущерб окружающей среде и ориентированные на их включение в природные процессы.

К числу таких технологий относятся нанотехнологии, основанные на конструировании новых материалов, на атомно-молекулярном уровне. Созданные сегодня такие наноматериалы, как графен, толщина которого на много порядков тоньше человеческого волоса, а прочность в 200 раз превышает прочность стали, используется в качестве проводника тепла и энергии.

Применение термоактивных пластмасс обеспечивает создание материалов многократного использования, которые находят широкое применение при производстве мобильных телефонов, монтажных плит, различных комплектующих в аэрокосмической отрасли.

Создание новых материалов на основе нанотехнологий представляет собой весьма перспективное направление современных технологий, позволяющих снизить потребность в природных ресурсах, многократно уменьшить потребление энергии и обеспечить другие преимущества.

Создание новых технологий на основе выращивания деталей путем копирования природных процессов получает масштабное применение в различных отраслях науки. Так, 3D-печать широко используется при создании клеток и органов человеческого организма. Предполагается, что в скором времени получит значительное распространение 4D-печать, позволяющая создавать новые поколения самоизменяющихся систем (продуктов), которые будут обладать способностью реагирования на факторы окружающей среды, в том числе на такие параметры, как температура, влажность и др. Уже сегодня эта технология используется при внедрении имплантантов, не наносящих вреда организму человека, при производстве продуктов питания и др.

Создание новых технологий связано с успехами в области синтетической биологии, открывающей возможность регулирования биологических процессов на основе расшифровки записей ДНК. Прогресс в данной области знания позволит достичь значительных успехов во многих отраслях народного хозяйства, в сельском хозяйстве, медицине и других сферах жизни общества.

Расшифровка генетического кода даст возможность установить причины многих заболеваний, знание которых обеспечит возможность их лечения.

Аддитивные технологии в биоэнергетике позволяют получать энергию за счет метаболизма в живых организмах.

Успехи современной науки и техники открывают широкие возможности для определения основных направлений достижения безопасного будущего. Вместе с тем не подлежит сомнению и тот факт, что сам по себе технологический путь развития не в состоянии разрешить сложные экологические проблемы.

Сугубо отраслевой принцип развития науки, на основе которого создавалась техносфера, привел к столкновению последней с биосферой, к разрушению ее отдельных компонентов и в конечном итоге к обострению современной экологической ситуации.

Именно это обстоятельство порождает необходимость становления нового этапа во взаимоотношениях общества и природы – гораздо шире человечества и биосферы – этапа ноосферного века. Данный этап связан с необходимостью включения техносферы в структуру биосферы, превращения отходов в строительные материалы и создания таких технологий, которые дублируют или воспроизводят процессы, протекающие в биосфере. Такого рода технологии направлены на то, чтобы отходы производства возвращались в производственный процесс как вторичное сырье, которое можно превратить в определенную продукцию.

Построение безопасного будущего связано с осмыслением позитивных достижений опыта прошлого, преодолением негативных последствий человеческой деятельности, выявлением нравственных ориентиров, определяемых самой природой. Это вызвано тем, что человечество подошло к опасной черте своего развития, когда его деятельность на основе научно-технических достижений в состоянии привести его к собственной гибели. Поэтому использование накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений является основой моделирования будущего, базирующегося на знании законов мироздания. Господствующая до сих пор антропоцентристская ориентация по отношению к природе доказала свою несостоятельность и должна уступить место новой парадигме, основанной на биоантропоцентристской ориентации, учитывающей необходимость сохранения природы и духовного мира и поддержания условий нравственного совершенствования общества. Атрибут потребительства, стяжательства, личное обогащение и успех, деньги, власть и абсолютная свобода – главные препятствия на пути достижения безопасного будущего. Встраивание человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления опасностей, обусловленных достижением науки и техники, определяют

основные направления стратегии достаточного развития. Бесконтрольное производство и потребление, ориентированное на достижение прибыли ради прибыли, существующее в большинстве стран мирового сообщества, явилось из основных причин глобального экологического кризиса. Альтернативой этому выступает формирование общества, основанного на осознании его сопричастности природе, определяющим фактором развития которого является эпоха ноосферы – разумной человеческой деятельности.

Разумная, ноосферная деятельность предполагает удовлетворение материальных и духовных потребностей людей, исключая неравенство между бедными и богатыми. Будущее человечество зависит от того, сможет ли человеческий разум преодолеть пропасть между технологической мощью и культурной эволюцией. На такого рода опасность указывал еще в середине прошлого века Джон Пол Нейман, который писал, что ускоряющийся прогресс технологии в жизни общества может привести мир к гибели.

Подобную мысль высказывает и А. П. Назаретян, ставя нериторический вопрос о том, успеет ли Земной разум достигнуть самоконтроля в соответствии с ускоряющимся технологическим ростом прежде, чем разрушительные последствия станут необратимыми? Иными словами, сможет ли человечество разработать и внедрить такого рода технологии, которые в состоянии предотвратить деградацию биосферы и человека, либо же последнего ждет неминуемый финал? [3]

Именно поэтому крайне важно наметить основные направления достижения безопасного будущего. Одним из таких направлений является стратегия достаточного развития, основанная на формировании духовно-нравственной культуры общества, с ориентацией на реализацию творческого потенциала личности в целях достижения гармонии с окружающей средой.

Разработка стратегии достаточного развития основана на обеспечении возможностей духовно-нравственной культуры общества, реализации творческого потенциала личности в целях достижения гармонии с окружающей средой. Важную роль в достижении этой цели играет философское мировоззрение, направленное на

формирование объективной целостной картины социальной реальности. И поэтому очень важно осознать смыслы человеческого бытия как сложной целостной системы, ответственной за развитие жизни [4]. Именно это обстоятельство воссоздает целостную картину мира, выступающую основой формирования мировоззрения как отдельного человека, так и общества в целом и открывающую возможность проектирования безопасного будущего [4].

Сложившийся и ныне действующий тип техногенной цивилизации дал множество научных и технических достижений, позволивших обеспечить высокие уровни жизни, повысить урожайность в сельском хозяйстве, увеличить скорость перемещений и коммуникаций, обеспечить качество медицинского обслуживания, создать современные технологии, овладеть ядерной энергией, освоить космическое пространство и много др.

Вместе с тем эти достижения привели к системному кризису в экономической, политической, энергетической и духовной сферах жизни современного общества. Особую опасность в современных условиях представляет финансово-экономический кризис, произошедший в 2008 г. и повторившийся в 2016 г., и, как полагают многие ученые, может наступить в ближайшее время, поскольку экономическое развитие представляет собой циклический, волнообразный процесс, состоящий из чередующихся фаз темпов развития. Такого рода циклы определяют периоды роста и спада в сфере экономики, время между такого рода циклами охватывает период 5–8 лет.

Заключение. На основании изложенного можно заключить, что сложившийся и ныне действующий тип социально-экономического развития, основанный на антропоцентристской ориентации, привел к разрушению и деградации значительных природных территорий. И для того чтобы не допустить сползание человечества в пропасть, необходимы утверждение новой биоантропоцентристской ориентации во взаимоотношениях человека и природы, иная шкала ценностей, основанная на изменении устаревших технологических укладов, разработке и применении аддитивных, природоподобных технологий и формировании нового отношения к природе, на формировании и утверждении нового гуманизма.

Литература

1. Иванов В. Г. От технологического развития к глобально-гуманитарной технологической революции // Контуры цифровой реальности. Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. Будущая Россия. 2008. № 28. С. 7.
2. Von Weizsacker E. U., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. New York: Springer, 2018. 232 p.

3. Назаретян А. П. Вглядываясь в XXI век: Мегаистория и ее «загадочная сингулярность» // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 8. С. 755–764.
4. Мировоззренческие основы проектирования будущего // Проектирование будущего как основа утверждения социальной справедливости. Социально-прогностический аспект справедливости. М.: Центр Проектирования Будущего Народного Дела «Преображение». 2018. Т. 11(53). С. 9–11.

References

1. Ivanov V. G. From technological development to the global humanitarian technological revolution. *Kontury tsifrovoy real'nosti. Gumanitarno-tekhnologicheskaya revolyutsiya i vybor budushchego. Budushchaya Rossiya* [The contours of digital reality, the Humanitarian and technological revolution and the choice of the future. The future of Russia], 2008, no. 8. P. 7 (In Russian).
2. Von Weizsacker E. U., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. New York, Springer Publ., 2018. 232 p.
3. Nazartyan A. P. Peering into the 21st century: Megahistory and its “mysterious Singularity”. *Vestnik RAN* [Herald of the RAS], 2015, vol. 85, no. 9, pp. 755–764 (In Russian).
4. Worldview of the design of the future. *Proyektirovaniye budushchego kak osnova utverzhdeniya sotsial'noy spravedlivosti. Sotsial'no-prognosticheskiy aspekt* [Designing the future as the basis for social justice. Socio-prognostic aspect]. Moscow, Center for the Design of Future Public Affairs “Transfiguration” Publ., 2018. Vol. 11(53), pp. 9–11 (In Russian).

Информация об авторе

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the author

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Поступила 01.03.2020

УДК:37:316.4

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**КОЭВОЛЮЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ
БЕЗОПАСНОГО БУДУЩЕГО**

В статье развивается представление о фундаментальном характере коэволюции как явления генерирования ресурсов и сохранения бытия природы и общества в процессах экспансии жизни, что является своеобразным продолжением расширения Вселенной вследствие Большого взрыва. В этой связи, с учетом исследования Э. Янча, раскрывается генезис коэволюции как опосредующего, интегрирующего и сохраняющего механизма в едином, взаимосвязанном бытии, эволюции макро- и микромира, границы которых «отмечены» нарушением симметрии. Поскольку подобные нарушения симметрии характерны для всех исторических типов эволюции в универсальном процессе исторического развития Вселенной, то данное обстоятельство принимается в качестве продуктивного аргумента для разработки в статье представлений о всеобщности и объективной необходимости относительной асимметричности коэволюции как фактора экспансии, генерирования ресурсов, системообразования, сохранения живого в его единстве и развитии. Обосновывается фундаментальный характер коэволюционной стратегии генерирования ресурсов в разворачивании универсума, сопровождающегося ростом сложности и автономии системной организации бытия вплоть до человека разумного, на основе принципа единства симметрии (как сохранения) и асимметрии (как изменения) различных по природе систем, выражающегося в интегрирующем явлении диссимметрии. В авторской интерпретации и в применении к решению задачи статьи раскрывается содержание терминов «экспансия», «генерируемые ресурсы», «неравновесность» и др. В качестве исследовательского и образовательного приоритетов подчеркивается необходимость разработки предполагаемой темы прогрессивной коэволюции для сохранения и достижения безопасности социоприродного бытия.

Ключевые слова: коэволюция, симметрия, диссимметрия, асимметрия, неравновесность, экспансия, ресурсы, образование.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**CO-EVOLUTIONARY STRATEGY IN IMPROVING EDUCATION
AND SHAPING THE SOCIO-CULTURAL CONDITIONS
OF A SECURE FUTURE**

The article develops the idea of the fundamental nature of co-evolution as a phenomenon of generating resources and preserving the existence of nature and society in the processes of expansion of life, which is a kind of continuation of the expansion of the Universe due to the Big Bang. In this regard, taking into account the research of E. Yanch, the genesis of co-evolution is revealed as a mediating, integrating and preserving mechanism in a single, interconnected being, the evolution of the macro- and microworld whose boundaries are “marked” by symmetry breaking. Since such symmetry breakdowns are characteristic of all historical types of evolution in the universal process of the historical development of the Universe, this circumstance is taken as a productive argument for the development of ideas about the universality and objective necessity of the relative asymmetry of co-evolution as a factor of expansion, resource generation, system formation, and preservation of life in its unity and development. The fundamental nature of the co-evolutionary strategy of generating resources in the deployment of the universe is substantiated, accompanied by an increase in the complexity and autonomy of the systemic organization of life up to a reasonable person, on the basis of the principle of the unity of symmetry (as conservation) and asymmetry (as change) of systems of different nature, expressed in the integrating phenomenon of dissymmetry. In the author's interpretation and in applying to the solution of the problem of the article, the contents of the terms “expansion”, “generated resources”, “expansion”, “nonequilibrium” and others are disclosed. As a research and educational priority, the need to develop the proposed theme of progressive co-evolution to maintain and achieve the safety of social and natural life is emphasized.

Key words: co-evolution, symmetry, dissymmetry, asymmetry, nonequilibrium, expansion, resources, education.

Введение. Основной задачей статьи является попытка сформировать нетривиальный подход к пониманию некоторых существенных особенностей коэволюционной стратегии. Это необходимо для того, чтобы впоследствии ответить на вопрос, по каким параметрам коэволюционная стратегия может рассматриваться в качестве важнейшего фактора совершенствования образования, которое бы выполняло мобилизационную, интегрирующую, кооперативную роль в формировании социокультурных условий безопасного будущего. В самом общем плане под безопасным будущим мы понимаем сохранение бытия человека как целостного социокультурного существа во взаимосвязи и взаимообусловленности с сохранением природных условий и перспективных возможностей его существования. Достижение такого состояния возможно на основе формирования и доминирования в общественном сознании стимулирующей роли потребности в трансгрессии социокультурных нормативов, филиации организационных структур и креативной деятельности по активной регуляции стихийных механизмов цивилизационного и природного развития. Предполагается, что отмеченные ростки новой гуманистической культуры будут способствовать ограничению и предотвращению губительного роста энтропии в форме экологического, антропологического и других кризисных проявлений исторической стихийности и ограниченности общества потребления. Массовые идеалы на данной ступени его развития, состоящие в достижении все более высокого уровня материального благосостояния на фоне явственно обозначившегося и ускоряющегося сокращения невозобновляющихся природных ресурсов, по-прежнему остаются желаемым будущим для абсолютного большинства населения планеты. И это обстоятельство вынуждает думать, что переход к новой культуре организации жизнеустройства в массовом порядке может оказаться неожиданно резким, возможно катастрофичным, вызванным необходимостью ускоренной, по историческим меркам, замены складывающегося тысячелетиями привлекательного образа жизни. Организованное ограничение роста энтропии, вызываемого стихийным развитием общества и разрушением экосистемной организации природы, которое в значительной степени обусловлено практической реализацией ценностных ориентаций потребительского образа жизни, расходящихся с тенденциями сохранения социальной стабильности, необходимо осуществлять перманентно в различных вариантах и во всех сферах жизни общества. Идея потребительского блага, услуги вместо принципа человеческого должноствования и служения (постоянно противоборствующие

в истории человечества смысложизненные устремления) становится своеобразной фокусирующей линзой, собирающей и направляющей человеческую активность на фиксацию, воспроизводство и сохранение асимметричной выгоды в построении коммуникации вопреки якобы ничего не стоящего бескорыстия, за которое не полагается материальное благосостояние, но его носителей хотели бы видеть в качестве радетелей, спонсоров и заступников во все времена. Эти, направляющие формирование человеческих адаптивных правил поведения в современном обществе, асимметричные выражения жизненных стратегий, одна из которых может быть доминирующей, являются проекциями воздействия на большие социальные группы людей различных культур, неодинаково представляющих человеческое призвание. Поэтому поиск наиболее благоприемлемого варианта их сопряжения и достижения безопасного будущего общества, начиная от формирования межиндивидуальных и вплоть до межгосударственных отношений, представляет собой весьма насущную, неотложную и общую задачу мирового сообщества, входящего в режим перманентной нестабильности. Первым, актуально особо чувствительным и нацеленным на будущее адаптирующим институтом социума, вырабатывающим перспективный ответ на отмеченные вызовы на пути к достижению более стабильного состояния общества, нового формата его целостности, сохранения природных основ социального бытия и гармонизации социоприродных отношений, должна быть система образования. Здесь готовятся к самостоятельной жизни молодые поколения людей, создателей будущего. От того, каким будет их творческий потенциал, на какие цели он будет направлен, в русле каких ценностных ориентаций он будет формироваться, какие при этом убеждения, знания и мировоззрение в целом будут определять их жизненную стратегию, таков будет и результат социоприродной действительности. С учетом существующей нестабильности в мировом сообществе, вызовов, рисков и угроз, обуславливающих индивидуальные возможности и общие принципы выстраивания жизненных стратегий молодых поколений, необходимо отметить несколько важных принципов, реализации которых требует объективно складывающаяся ситуация в мировом пространстве бытия человека. Во-первых, необходимо осмыслить, какова должна быть в индикаторах определения степени образованности соотносительная доля «фирменного» меркантилизма, рассчитанного на первоочередное формирование компетентного подхода в оценке молодого специалиста (и не только молодого) с общим требованием образованности соответственно объективной

ситуации во всех сферах мирового сообщества. Во-вторых, не упускать из внимания, что конкретно, как и с какими целями должно превращаться в социальный заказ на специальные знания о том, каким образом система отношений и структурной организации общества может быть более безопасной и как этого следует достигать. Данная проблема отнюдь не нова. Но она снова возникает в новых технологических, социально-экономических, духовных и организационных условиях воспроизводства современного нестабильного социума и в определенной степени нестабильность, разобщенность, нецелостность общества складываются под доминирующим влиянием меркантильного понимания компетентности различными субъектами социума. В-третьих, актуальной становится проблема подготовки в системе образования целостной личности в социокультурном, сугубо образовательном и профессиональном плане, поскольку целостные проблемы может решать только личность, целостно знающая, целостно понимающая и целостно действующая. Эта совокупность параметров и есть выражение высшего уровня компетентности. Интеллектуальный потенциал профессионала есть стратегический ресурс безопасности будущего. Практическая реализация компетенций в самом узком специализированном их значении не должна исключать понимания соответствующих конечных результатов для общества в целом. При этом неверно замыкать смысл деятельности на непосредственном функциональном значении самого человека, оправдывающее его узкую прагматическую ценность для общества и для него самого. В-четвертых, не раскрывая далее существующие в системе образования проблемы его адаптированности, опережающей готовности и нацеленности на решение вопросов безопасности в интервалах параметров «малое – большое», «индивидуальное – общее», «частное – общественное», «утилитанно-програтическое – гуманистическое», «функциональное – целостное», «дискретные компетенции – перманентно значимые социокультурные ориентации», «прикладные – фундаментальные науки» и т. д., отметим главное. Система образования является сферой деятельности по генерированию ресурсов бытия общества и перспектив его сохранения в том или ином варианте. Средоточием, центральной фигурой, перспективным субъектом в данном контексте является формируемый специалист. Каково будет воплощенное содержание, мировоззрение, профессиональное кредо и целевая направленность специалиста в единстве всех этих параметров, такого нужно ожидать и будущего общества. Человек как природное, социоприродное, социальное существо, как специалист есть продукт и активный субъект

коэволюции на всех возможных уровнях организации его жизни, как бы не складывались ее механизмы – стихийно или же с участием сознательного регулирования. В этой связи вполне реально сформировать основную гипотезу статьи, состоящую в том, что важнейшей сущностной чертой коэволюционной стратегии является генерирование ресурсов бытия природы, общества и социоприродного взаимодействия в направлении их сохранения в процессах экспансии и интегрирования объектов различной природы в системно-организованные, целостные формы существования. Коэволюция есть способ, механизм, стратегия генерирования ресурсов бытия, сохранения стихийно развивающейся природы в целом, включая живое. Поэтому допустимо рассматривать коэволюцию как стихийно складывающуюся стратегию существования природы в ее развитии и одновременном формировании ее системной организованности, целостности. Человек есть не только высший уровень организации живых систем, появление которого стало возможным в результате взаимосвязанных процессов эволюции и коэволюции в биосфере. Формирование самой биосферы стало возможным в ходе эволюции – коэволюции, разворачивающихся в историческом формировании Универсума, Вселенной. Человек и общество включены в этот мировой процесс, в котором доминирует прогрессивное развитие. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов подчеркивают, что с позиций синергетики «...человек как микрокосм есть синтез всех предыдущих стадий эволюции...» [1, с. 175], т. е. эволюции космической, химической, геологической, биологической, эволюции биосферы и эволюции социальной. А чтобы человек в своей деятельности, в стремлении к собственному прогрессу не довел его до радикального смысла своего присутствия в мире в страстном желании достижения все большего комфорта и удовлетворения постоянно растущих потребностей за счет природы, не подошел к разрушению естественной основы своего бытия и не поставил под сомнение собственную безопасность, ему постоянно необходимо обращаться за все более основательными знаниями к самой природе, изучать закономерности и принципы сохранения ее бытия. Поскольку человек есть часть, «произведение» исторического развития природы, биосферы, то знание условий и механизмов сохранения природы будет означать познание возможностей его самосохранения в единстве с существованием биосферы. Знание о коэволюции как фундаментальном явлении, обуславливающим сохранение бытия Универсума, природы, необходимо человеку для новой гуманизации культуры и образования. Еще в античные времена наш «глобально» мыслящий

землянин видел в своем существовании реальное воплощение микрокосма, что обязывало его находить приемы стратегии жить согласно законам большого Космоса, в гармонии с ним. Теперь складывается очередной подобный вызов современному человеку и на этот вызов по закону сохранения бытия необходимо давать ответ.

Основная часть. Мы принимаем в качестве исходной основополагающей идеи объяснения фундаментального характера коэволюции центральный методологический принцип современной научной картины мира, обуславливающей ее регулятивную роль в научном познании – принцип универсального эволюционизма. Данный принцип выражает спонтанное саморазвитие, самоорганизацию Универсума в целом, исторически последовательное усложнение материальных структур и их взаимодействия в системе типов эволюции (космической, химической, геологической, биологической, социальной). Принцип универсального эволюционизма направляет исследовательский поиск на раскрытие селективных механизмов коэволюции во взаимодействиях элементов систем одной и той же природы, формирующихся в эволюционных изменениях определенного исторического типа, и на познания сопряженных систем, складывающихся в различных типах эволюции. Кроме того, универсальный эволюционизм служит руководством для выявления сложной структуры коэволюции в системах, которые возникают на последующих исторических этапах эволюции, характерные особенности которых снимаются в интегративной форме и обуславливают свойства и внутренние связи в такого рода системах. К таким системам относятся биосфера, человеческое общество, сам человек. Однако в данной статье нашим исследовательским интересом движет прежде всего мотив раскрытия происхождения коэволюции как фундаментального явления в связи с фундаментальными же тенденциями глобальной эволюции, начавшимися с Большого взрыва, который в соответствии с существующей гипотезой обусловил возникновение и эволюционное расширение (экспансию) нашей Вселенной, что сопровождалось коэволюционным интегрированием различных тенденций в системообразующие формы существования и сохранения структур и их связей. В концепции Э. Янча о самоорганизующейся Вселенной коэволюция рассматривается в качестве необходимого механизма интегрирования тенденций формирования микро- и макромира, складывающихся в результате нарушения симметрии вследствие Большого взрыва. Следовательно, согласно концепции Э. Янча, коэволюция является неотъемлемым механизмом (свойством) возникновения и исторического формирования нашей Вселенной

как самоорганизующейся системы, начиная с «Большого взрыва». С позиций применяемого им системного подхода коэволюция рассматривается как объективная, закономерная взаимосвязь формирующихся макро- и микромира «при сопоставлении условий одновременной дифференциации и комплексификации на микроскопической и макроскопической ветвях эволюции» [2, с. 152]. Образование микро- и макроуровня организации материи и их эволюция являются выражением нарушения исходной симметрии. Если, как говорит Э. Янч, «...границы между различными стадиями эволюции отмечены нарушениями симметрии», то с учетом данных обстоятельств находит логическое объяснение важнейшее атрибутивное свойство коэволюции – сохранение определенной асимметричности, несходства между макро- и микроэволюцией, их относительной автономии и их воспроизводства в таком качестве как факторов системной, целостной, внутренне противоречивой организации Вселенной, ее способности к самоорганизации и саморазвитию.

Сохраняя некоторую асимметричность между макро- и микроэволюцией, воспроизводство неравновесности их онтологических параметров в самоорганизации Вселенной как системы, коэволюция тем самым формирует (генерирует) условия и соединяет эволюционные ресурсы сохранения бытия Вселенной. При этом асимметричность коэволюции не является абсолютной. Она не допускает полного слияния, тождества направлений эволюции. Коэволюция – механизм кооперирования различных эволюционных тенденций и таковым она может быть только при условии сохранения неодинаковости, относительной автономии микро- и макроэволюции. В этом плане (сохранение автономии, самоподобия, сходства самих с собой этих направлений развития) коэволюция выполняет роль обеспечения относительной симметрии структур и процессов самоорганизующейся Вселенной. Первым из нарушений симметрии в развитии Вселенной Э. Янч считает различия характерных особенностей четырех фундаментальных физических взаимодействий: гравитационного, электромагнитного, сильного и слабого ядерных. Еще одним нарушением симметрии в полной фазе развития Вселенной является возникновение небольшого избытка вещества по сравнению с антивеществом. Но именно этим избытком объясняется образование мира из вещества, нам знакомого. При этом «в результате космической коэволюции вещество, находящееся на различных стадиях организации, распространяется по всему пространству времени своего рода неупорядоченной филогении» [2, с. 152].

Нам представляется, что в данном случае коэволюция проявляется в ряде своих фундаментальных

свойств – экспансии, транслировании и генерировании пространственно-временной самоорганизации вещества Вселенной. Различные стадии организации вещества имеют свои пространственно-временные особенности. В связи с отмеченным допустимо подчеркнуть, что коэволюция является фактором формирования пространственно-временной организации вещества различных уровней сложности как важнейшего ресурса сохранения бытия универсума.

Э. Янч предпринял попытку раскрыть генезис коэволюции как фундаментального принципа сохранения самоорганизующейся Вселенной на различных ступенях ее исторического развития прежде всего на примере анализа «трех основных фаз коэволюции микро- и макрокосма: космической, химической, биологической, социобиологической, экологической и социокультурной эволюции» [2, с. 159]. Это означает, что коэволюция является механизмом или фундаментальным принципом формирования единства мира как способа сохранения его бытия.

Мы не ставим задачу обстоятельно анализировать все достоинства и ограничения коэволюционной концепции Э. Янча в связи с экспансией самоорганизации Вселенной, заключающейся в качественном усложнении материальных структур вплоть до появления человека разумного и становления социокультурной эволюции. Для нас было важно выявить и подчеркнуть идеи связи необходимости коэволюции с нарушениями симметрии, формированием различных тенденций эволюции. Эти обстоятельства выявляют некоторую асимметричность в соотношениях тенденций эволюции на различных стадиях самоорганизации Вселенной и позволяют наметить направление осмысления фундаментального значения коэволюции, сохраняющей такого рода относительную асимметричность, как генерируемый в качестве важнейшего принципа коэволюции ресурс сохранения Универсума.

В настоящее время становятся достаточно популярными представления о коэволюции как взаимозависимом, или сопряженном, развитии объектов, систем, явлений и т. д. Важно выявить, какие фундаментальные тенденции в существовании Универсума обуславливают необходимость и сущностные проявления коэволюции. С этих позиций становится возможным более основательное понимание причин и стратегии коэволюции как единства общих ее принципов в развитии природы и общества. Соответствующее знание можно было бы преобразовать не только в стиль научного осмысления путей достижения более безопасного состояния природы и общества, но и добиваться его востребованности в системе образования и в практических

мерах по построению более стабильного общества.

Изложим более конкретно наши представления об асимметричности коэволюции. Асимметричность коэволюции живой и неживой природы обусловлена специфическими особенностями биологических проявлений процессуально-структурной организации, активности биосистем, направленной на их самосохранение, самовоспроизводство и поддержание их качественной определенности. Подобная определенность формируется в процессе исторического саморазвития живого (эволюция) во взаимосвязи и взаимозависимости с изменениями неживой природы, адаптации к ней и воздействия на нее и ее изменением. Существенным эволюционным «приобретением» биологической жизни является ее способность активно противостоять внешним факторам энтропийного равновесия и сохранять неравновесное, актуально и потенциально-организованное состояние по отношению к небиологическим условиям окружающей среды. Такого рода неравновесность складывается и воспроизводится во взаимосвязи и единстве существенных проявлений живого прежде всего на его организменном уровне. Как известно, к таким свойствам живого относятся следующие: клеточное строение, обмен веществ в форме биохимических превращений (захватывая и аккумулируя разнообразные вещества в среде обитания, в процессах ассимиляции, живые организмы превращают их в необходимые им биохимические соединения, выделяют вовне продукты диссимиляции и тем самым воспроизводят и сохраняют свою жизнь), саморегуляция – поддержание постоянства внутренней среды, раздражимость, изменчивость, наследственность, самовоспроизведение, рост, развитие, энергетическая и вещественная зависимость, открытость и способность аккумулирования энергии, вещества и информации, адаптивная способность, специфическая морфологическая выделенность в сравнении с объектами неживой природы, специфика химического состава (белки, жиры, углеводы, нуклеиновые кислоты), размножение. Открытость, неравновесность, асимметричность коэволюции обусловлены избыточностью аккумулируемых вещества и энергии, что характеризует одно из сущностных свойств живого – его преадаптивность или такую объективную направленность самовоспроизводства биологических организмов, в котором сопряжены внутренние процессы сохранения жизни с эволюционным формированием упреждающего или опережающего энергетического потенциала, морфологических структур и поведенческих механизмов биосистем по изменению и приспособлению внешней среды в качестве средств продолжения

жизни. «Жизнь, – согласно пояснению В. И. Вернадского, – захватывает значительную часть атомов, составляющих материю земной поверхности. Под ее влиянием эти атомы находятся в непрерывном, интенсивном движении. Из них все время создаются миллионы разнообразнейших соединений. И этот процесс длится без перерыва десятки миллионов лет...» [3, с. 54]. Часть единого процесса самовоспроизводства живых организмов, осуществляющих необходимые для сохранения жизни изменения внешней среды и «запускающих» при этом «ток атомов», не проходящий непосредственно через организм, В. И. Вернадский называл «техникой жизни», существующей в живой природе в различных формах. Особенно масштабной на нашей планете, по заключению В. И. Вернадского, становится биогенная миграция химических элементов, вызванная техникой жизни цивилизованного человечества. «Здесь, – писал В. И. Вернадский, впервые в истории Земли, биогенная миграция, вызванная техникой жизни, может быть, преобладает по своему значению над биогенной миграцией, производимой массой живого вещества. При этом изменились биогенные миграции для всех элементов. Этот процесс совершился чрезвычайно быстро, в геологически ничтожное время» [4, с. 129]. Стихийная адаптация «живого вещества» (совокупности живых организмов) к условиям неживой природы включает стихийную же его активность по изменению этих условий, превосходящую интенсивность самоизменения неживого. В сравнительной неравнозначности тех и других изменений, их взаимообусловленности опять же проявляется важнейший принцип коэволюции живой и неживой природы – ее асимметричность, а следовательно, неравносостояние их сосуществования, требуемая для самосохранения жизни, в том числе как стихийного движителя качественного изменения структур неживой природы. В. И. Вернадский подчеркивал, что «На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом. И чем более мы изучаем химические явления биосферы, тем более мы убеждаемся, что на ней нет случаев, где бы они были независимы от жизни» [3, с. 54]. Жизнь создает на поверхности Земли неравновесную ситуацию взаимосвязанного процесса самовоспроизведения, саморазвития и развития химических структур, появления новых химических соединений. Если бы жизнь исчезла, то на земной поверхности не оказалось бы силы, «которая могла бы давать непрерывно начало новым химическим соединениям.

На ней неизбежно установилось бы химическое равновесие, химическое спокойствие, которое

временами и местами нарушалось бы привносом – веществ из земных глубин...» [3, с. 55].

Качественная определенность живого обусловлена также спецификой его системной организации, в которой присутствуют молекулярно-генетический, клеточный, организменный, популяционно-видовой, биогеоценотический и биосферный (глобально-экосистемный) уровни. Благодаря их взаимосвязи и взаимной обусловленности в актуально-ситуационном состоянии активности, видовом разнообразии и историческом обновлении сохраняется неравновесность живого во взаимодействии с неживой природой и поддерживается асимметричность коэволюции, обуславливающая доминирующую роль живого как растущей геологической силы в изменении среды его распространения.

В настоящее время невозможно с учетом уровня научного знания построить общую научную картину мира, исключая принцип универсального эволюционизма, но также невозможно ее рационализировать, исключив принцип универсального коэволюционизма. В этом плане коэволюционная обусловленность взаимосвязи и единства относительной симметрии (сходства, равновесности) и относительной асимметрии (различий, несходства, неравновесности) есть только одна из фундаментальных тенденций генерирования разнообразных ресурсов сохранения бытия развивающегося мира во взаимосвязи с его системной организованностью.

Согласно современным исследованиям фундаментальной проблемы взаимосвязи симметрии и асимметрии в прогрессивной биологической эволюции и эволюции биосферы, происходит историческое усложнение организации живых систем, возрастает их относительная автономия и активность в адаптации и изменении внешней среды, а также заметнее возрастают проявления асимметричности в сравнении с параметрами симметричности. Это обстоятельство отнюдь не снимает, а, напротив, в условиях экологической дестабилизации биосферы, вызываемой человеческой деятельностью, делает значительно более актуальной проблему исследования соотношения относительной симметрии (сходства, устойчивости, равновесности) и относительной асимметрии (несходства, различий, неравновесности, неустойчивости, изменчивости) в генерировании ресурсов сохранения бытия человека и природы в их взаимосвязи. Нерасторжимую связь и взаимообусловленность симметрии и асимметрии в процессах коэволюции мы рассматриваем в соответствии с существующими точками зрения как проблему диссимметрии, выражающую, на наш взгляд, одну из тенденций гармонизации сопряженного развития систем различной природы. Данный подход

о взаимосвязи симметрии, асимметрии и диссимметрии соответствует ряду научных и философских разработок по соответствующей теме.

Как подытоживал геолог Македонов А. В., рассматривая развитие представлений о диссимметрии, начиная с прижизненных изданий трудов В. И. Вернадского и заканчивая работами 70-х г. XX в. «К настоящему времени определились некоторые обобщающие представления. Диссимметрия в самой краткой форме представляет собой направленную ритмичность и является не просто суммой отклонений от симметрии, а универсальной формой бытия, объединяющей все формы симметрии и асимметрии, которые являются ее предельными случаями» [5, с. 560].

В диссертационной работе Ю. Р. Хисматуллиной [6] обосновывается положение о диссимметрии как противоречивом единстве симметрии и асимметрии. Диссимметрия – это асимметрия внутри симметрии и наоборот. При этом центральной объяснительной абстракцией является понятие симметрии. Оно указывает на равновесное состояние, согласованность в структурах и движениях материальных объектов и явлений. Асимметрия есть противоречащее симметрии понятие, которое обозначает утрату элементов симметрии.

Ю. А. Урманцев предпринял продуктивную попытку исследования проблемы взаимосвязи симметрии и асимметрии как фундаментальной. Сформулированный им «закон» симметрии гласит, что «любая система симметрична в бесконечном ряде отношений», но не в любых отношениях, поскольку «существует бесконечный ряд других отношений, в которых система асимметрична» [7, с. 77]. При этом закон системной симметрии действителен во всей реальности, – во всех формах движения, формах существования изменения и сохранения, действия отношения, в материальных и идеальных формах.

В качестве важнейших признаков симметрии выделены следующие: только такие изменения объекта, которые «оставляют» его «тождественным самому себе по инвариантным признакам», инвариантными являются вещи, свойства, отношения, процессы, явления, законы, которые при преобразованиях симметрии остаются неизменными; свойство объекта превращаться в самого себя после соответствующих его изменений [7, с. 79, 80].

Асимметрия является противоположностью симметрии. Сущность асимметрии как категории состоит в том, что она выражает несохранение признаков объектов относительно изменений. А поскольку относительно совокупности изменений существуют инвариантные признаки, то в качестве необходимого дополнения любой

асимметрии существует соответствующая ей симметрия. Как категория симметрия отражает явление сохранения признаков объектов относительно его изменения. Если другая совокупность множества признаков изменения тех же объектов не является инвариантной по отношению к инвариантной, то в данном случае дополнением симметрии объектов будет соответствующая ей асимметрия. Инвариантные и неинвариантные свойства объекта существуют только как взаимоотноительные, взаимосвязанные, взаимообусловленные, взаимно развивающиеся и сохраняющиеся. Объект инвариантен самому себе и неинвариантен одновременно. Согласно оценке Ю. А. Урманцева, выражением законов композиции различных признаков системы является «... требование взаимоотноительности инвариантного – сохраняющегося, тождественного, покоящегося... и вариативного, изменяющегося, различного, движущегося, т. е. измененный...» [7, с. 81].

Единство симметрии и асимметрии представляет внутренний ресурс сохранения системной организации в диалектическом, системном, синергетическом и коэволюционном выражении одновременно. Подчеркивая нерасторжимую связь симметрии и асимметрии, что выявляется в логике системного учения о симметрии, Ю. А. Урманцев пишет: «... Каждому покою, тождеству сохранено системное учение о симметрии, вынуждает поставить в соответствие определенное множество движений, различий, изменений, и, наоборот. Каждому движению, различию, изменению она заставляет поставить в соответствие определенное множество покоев, тождеств, сохранений» [7, с. 52]. Соответственно, уже на «самом абстрактном уровне» становится возможным понимание, что у объектов нет безотносительной симметрии и асимметрии. То, что представлено как симметричное (равное, тождественное), может оказаться асимметричным (неравным, различным) в другой теории и наоборот.

Исследуя симметрию изменения и развития, Ю. А. Урманцев пришел к заключению о том, «что симметрия – это... равенство...» и «вся история развития учения о симметрии – это история открытий тех или иных равенств» [7, с. 96]. Относительно асимметрии развития и изменения он делает вывод о том, «что асимметрия – это... неравенство и вся история открытий нарушений тех или иных симметрий – это история открытий тех или иных... неравенств относительно тех или иных преобразований» [7, с. 103]. Как и симметрия (сохранение), так и асимметрия (изменчивость) являются фундаментальными сторонами всякого бытия, существующими во взаимосвязи, без чего невозможна

системная его организация. Системная асимметрия в качестве неотъемлемого атрибута присутствует во всех формах движения, существования, развития, эволюционного сохранения и т. д. в материальной и идеальной реальности. Соответственно, существуют физические, химические, геолого-минералогические, биологические, социальные, пространственные, временные и другие асимметрии. Согласно оценке Ю. А. Урманцева, «любая система развития или изменения асимметрична в бесконечном ряде отношений» [7, с. 103–104]. Существует многообразная асимметричность или неравенство объектов развития, его фаз в отношении прошлого, настоящего и будущего, внутренних и внешних источников развития и т. д. Среди всех проявлений асимметрии Ю. А. Урманцев выделил как «наиболее фундаментальное неравенство», соотношение прошедшего и будущего развития, выражающее «самое главное» в процессе эволюции – ее «векторизованный, необратимый характер» [7, с. 104]. Для нашей статьи данная констатация о возрастании роли и расширении масштабов асимметрии в процессе эволюции (прежде всего эволюции биологической), которая ведет к росту системной организации живого во взаимосвязи с изменениями абиотической и биотической среды, при одновременном увеличении роли «живого вещества» в изменении и усложнении внешних условий его бытия, весьма существенна.

Приведенные выдержки из известных исследований позволяют считать, что исследование проблемы диссимметрии как соединяющей в себе симметрию и асимметрию является одним из важнейших современных направлений исследования коэволюционной стратегии, важнейшей функцией которой (сущностным свойством) является генерирование ресурсов развития и сохранения бытия природы и общества в их единстве.

Козволюция поддерживает равновесие живых систем с неживой природой и одновременно ограничивает его, «делает» относительным, поскольку формирует стихийную селективную зависимость становления их неравновесности как фактора и адаптированности к изменениям среды существования. С другой стороны, коэволюция снижает, но не устраняет полностью, неопределенность, которая возникает в русле неравновесного взаимодействия со средой, связывая ее с равновесностью, стихийно формируя определенный «норматив» связи равновесности и неравновесности, симметричности и асимметричности, что позволяет системе сохранять свои динамические свойства. Козволюция фактически генерирует относительную симметричность и относительную асимметричность в их единстве

(диссиметрию), равновесность и неравновесность (устойчивость и изменчивость) живых систем как важнейшие ресурсы (фундаментального характера) их сохранения (самоорганизации), воспроизводства и саморазвития в настоящем и будущем безопасном существовании.

Козволюция – это процесс генерирования ресурсов бытия природы и общества. Генерирование ресурсов бытия для его сохранения осуществляется в процессе экспансии живого (биологического и социального). Экспансия – это не только пространственно-временное «растекание» жизни и человека по планете и выход его в космос. Мы понимаем экспансию и как усвоение химических элементов неживой природы и их специфический биологический и социальнотехнологический способ интегрирования. В результате получают молекулы живого (биологического), обладающей способностью кодировать генетический и социокультурно-исторический опыт развития, воспроизводства и сохранения живого. Это также сугубо биологическая экспансия, например, взаимодействие организмов одного вида в процессе обмена генетической информацией, энергией, веществом для воспроизводства потомства. Это также взаимодействие популяции различных видов в разнообразных вариантах. Это также стадно-семейная организация высших животных, в которой присутствует ролевая дифференциация особей, создающая целостность такой организации, обуславливающая сохранение жизни вида. Биологическая экспансия проявляется также в процессе организации определенных условий сохранения живых систем (строительство гнезд, рытье нор, создание платин для безопасного ведения заботы и сохранения потомства). Экспансия проявляется в поведенческих ритуалах, являющихся фактором полового отбора. Семья человека фактически представляет собой форму бытия и способ генерирования биологических и социокультурных условий для формирования предпосылок воспроизводства потомства или сохранения вида производства человека. Здесь имеет место внутрисемейная коэволюция. Благодаря коэволюционному генерированию ресурсов, таким образом, появляется новое качество биологической и социальной организации. С точки зрения понимания коэволюции как процесса кооперативного взаимодействия элементов различных объектов появляется системная организация, несводимая к сумме частей (элементов) и обладающая интегративными свойствами. Интегративные свойства есть главный признак целостности системы. Это означает, что в процессе коэволюции происходит генерирование структурных, функциональных и других свойств элементов, в результате чего и появляется наиболее общая организация, которая

способна на основе интегративных процессов формировать общие адаптивные способности, а значит, и сохранение составляющих его частей.

Козволюцию можно рассматривать как специфический механизм взаимной экспансии по использованию и обмену веществом, энергией, информацией, действиями, опытом в его широком значении, элементами структурно-функциональной организации и т. д., вследствие чего могут формироваться более общие, высокоорганизованные системные образования, интегрирующие разнообразие параметров исходных объектов и увеличивающие возможности самосохранения в развитии. Такого рода козволюционная экспансия является важнейшим фактором формирования единства мира (взаимосвязанное сосуществование физических, химических, биологических, социокультурных объектов, явлений, процессов, систем, их взаимопроникновение и взаимное освоение в широком понимании). Намек на козволюционную сущность экспансии в материальном мире содержится в умоглядной идее Анаксагора (V век до н. э.) гомеометрии (греч. – подобной и части) относительно структуры материи, занимающей все пространство. Данная идея выражалась в положении о том, что в любом объекте присутствуют частички всех вещей, или – «во всем ее части всего». Онтологическое значение козволюционной экспансии заключается в генерировании ресурсов (вещественных, энергетических, информационных, организационных, структурных, включая различные закономерности, свойства, объективные принципы и т. д. и т. п.), что приводит в итоге к росту возможностей сохранения системной организации объектов различной природы в их самовоспроизводстве и развитии. Понятие «ресурсы» в философском плане является неразработанным. В данной статье одним из важнейших фундаментального характера ресурсов в козволюционной стратегии эволюционного развертывания универсума, сопровождающегося ростом сложности и автономии системной организации бытия вплоть до человека разумного, мы будем рассматривать принцип единства симметрии (как сохранения) и асимметрии (как изменения) различных по природе систем, выражающийся в их интегрирующем явлении диссимметрии.

Заключение. В статье обосновывается подход, согласно которому сущностные свойства козволюции выявляют ее фундаментальный характер как явления, складывающегося в процессе образования Вселенной и фундаментальных закономерностей ее самоорганизации (саморазвития и усложнения вплоть до возникновения человека и формирования общества). Козволюция как механизм экспансии, генерирования ресурсов

развития, системного интегрирования и сохранения самоорганизующейся Вселенной в той или иной степени пронизывает все ее структурные уровни, обуславливает их связи, сохранение и изменение и т. д. и т. п. вплоть до связей различных мотивов в элементарных актах деятельности и поведения человека. В контексте темы статьи нужно «поучиться» у природы и рассмотреть, каким образом в живой природе козволюция генерирует ресурсы ее бытия, ее сохранения, формирует ее единство, системную организованность в сопряжении с прогрессивной тенденцией развития жизни, ускорением ее эволюции. Представляется, что важнейшей функцией козволюции является генерирование ресурсов в процессах экспансии живого, а такой же по значимости функцией эволюции является «продуктивное» использование этих ресурсов для развития, усложнения (совершенствования), системной организованности разнообразных форм жизни и их исторической сменяемости, что и позволяет живому существовать миллиарды лет на нашей планете. Впрочем, это также наша гипотеза, вытекающая из основной задачи статьи и имеющая в своей основе определенные объективные предпосылки, состоящие в некоторых различиях функций эволюции и козволюции, которые, к сожалению, на уровне фундаментального философского поиска изучены недостаточно. Человеком в его жизнеустройстве пока что движет стимул прежде всего «счастья для себя» за счет использования ресурсов природы в узком их понимании, которыми он стремится всемерно распоряжаться как внешней по отношению к нему данностью, как существующим для него «инобытием».

Понимаем ли мы истинную, глубинную сущность козволюции, которая «прячется» за выражениями «сопряженная эволюция», «взаимозависимое развитие», «взаимосодействие в достижении общего позитивного результата» и т. д.? Знаем и понимаем далеко не все и, как часто бывает, не с опережением, а с отставанием, да еще и упрощаем для вящей пользы. А Гераклит, впрочем, давно и точно высказался о вездесущности человеческого разума и «скромности» природы: «Природа прячется!». Мы, сегодняшние пилигримы общества потребления, выпытываем у природы, где еще и какие у нее запрятаны ресурсы для нашей благонаправленной прогрессивной эволюции, но по какому-то ребяческому стеснению не спрашиваем у себя (а Гераклит постоянно выпытывал все у себя сам): «А есть ли у природы и должна ли быть у человека прогрессивная козволюция?», которая научит его ограничивать расточительную эволюционную ресурсоманию и подскажет ответ на вопрос, каким должно быть устройство общества, руководствующееся козволюционной

стратегией генерирования ресурсов наряду с уже имеющимися иными достижениями, включая и систему образования. Я этого не знаю и только приоткрыл в данной статье некоторые фундаментальные проявления генезиса коэволюционной стратегии.

Литература

1. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. 2-е изд. М.: КомКнига, 2011. 272 с.
2. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 143–158.
3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2007. 576 с.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
5. Македонов А. В. Учение В. И. Вернадского о диссимметрии геологических объектов // В. И. Вернадский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 558–561.
6. Хисматуллина Ю. Р. Симметрия, асимметрия и диссимметрия в структуре и развитии живой материи: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08. Саратов, 2005. 178 л.
7. Урманцев Ю. А. Эволюционика, или общая теория развития систем природы, общества и мышления. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.

Reference

1. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Sinergetika: Nelineynost' vremeni i landshafty koevolyutsii* [Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution]. Moscow, KomKniga Publ., 2011. 272 p.
2. Yanch E. Self-optimizing Universe. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporaneity], 1999, no. 1, pp. 143–158 (In Russian).
3. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Ayris-press Publ., 2007. 576 p.
4. Vernadskiy V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 261 p.
5. Makedonov A. V. The doctrine of V. I. Vernadsky on the dissymmetry of geological objects. *V. I. Vernadskiy: pro et contra* [Vernadsky: pro et contra]. Saint Petersburg, RHKGI Publ., 2000, pp. 558–561 (In Russian).
6. Xismatullina Yu. R. *Simmetriya, asimmetriya i dissimmetriya v strukture i razvitii zhivoy materii. Dis. kand. filos. nauk* [Symmetry, asymmetry and dissymmetry in the structure and development of living matter. Cand. Diss.]. Saratov, 2005. 178 p.
7. Urmancev Yu. A. *Evolyuetsionika, ili obshchaya teoriya razvitiya sistem prirody, obshchestva i myshleniya* [Evolution, or the general theory of the development of systems of nature, society and thinking]. Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ., 2009. 240 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 15.05. 2020

УДК [101.1:316+316.628.2](476)

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь

**СОЦИОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ПОДДЕРЖАНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ**

В статье раскрывается роль социопсихологических и экологических факторов – совокупности показателей, необходимых для осуществления жизнедеятельности и процессов адаптации человека в рамках концепции качества жизни. В заявленной теме «качество жизни» оценивается как переживание и поддержание человеком экологических условий (условий окружающей среды) своей жизнедеятельности. Психологические аспекты взаимоотношения человека и среды рассматриваются в рамках экологической психологии. Необходимость привлечения психологической теории для оценки влияния экологических условий на человека определяется возможностью прогнозирования с ее помощью жизнедеятельности и процессов адаптации личности, определения закономерностей и психологических особенностей данного процесса. Рассмотрены социопсихологические факторы – социально-экономические и социально-психологические условия жизнедеятельности, их взаимовлияние, личностные и социальные характеристики, включая пол, возраст, семейный статус. Сделан вывод о том, что важным направлением совершенствования социально-психологического климата как основы оптимального качества жизни является оптимизация комплекса факторов среды на основе разработок специалистов по гигиене и физиологии труда, а также путем психологической регуляции отношения к миру.

Ключевые слова: качество жизни, психология окружающей среды, социопсихологические, экологические факторы, здоровье.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**SOCIOPSYCHOLOGICAL AND ENVIRONMENTAL FACTORS
MAINTAINING AN OPTIMAL QUALITY OF LIFE**

The article reveals the role of sociopsychological and environmental factors of the set of indicators necessary for the implementation of human activity and adaptation processes in the framework of the concept of quality of life. In the stated topic, "quality of life" is evaluated as the experience and maintenance of environmental conditions (environmental conditions) by a person of their life activity. Psychological aspects of the relationship between a person and the environment are considered in the framework of environmental psychology. The need to use psychological theory to assess the impact of environmental conditions on a person is determined by the possibility of predicting the life activity and processes of adaptation of the individual, determining the patterns and psychological features of this process. Sociopsychological factors of socio-economic and socio-psychological conditions of life, their mutual influence, personal and social characteristics, including gender, age, and family status are considered. It is concluded that an important direction for improving the socio-psychological climate as the basis for optimal quality of life is to optimize the complex of environmental factors based on the development of specialists in occupational hygiene and physiology, as well as by psychological regulation of attitudes to the world.

Key words: quality of life, environmental psychology, sociopsychological factors, environmental factors, health.

Введение. Степень удовлетворенности человека условиями своего существования включает целый ряд компонентов (факторов). Возникает необходимость определять закономерности и психологические особенности проявления данных факторов с целью достижения оптимального качества жизни.

Основная часть. Энциклопедический словарь определяет качество жизни как «совокупность свойств жизни человека, включающая его внутренние возможности осуществлять жизнедеятельность с той или иной интенсивностью

и экстенсивностью, а также свойства, выражающие уровень соответствия параметров среды и характеристик жизненных процессов индивидуально и социальным потребностям, интересам, ценностям и целям» [1, с. 12]. Из определения следует, что качество жизни включает степень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей. В первом (материальном) компоненте качество жизни рассматривается под углом обеспечения жизнеспособности людей в обществе, когда качество жизни сводится к понятию «уровень жизни», что характеризует сугубо

экономический подход. Для него характерен акцент на использование количественных объективных показателей жизни населения, среди которых доминирующими выступают уровень доходов, определяемый величиной ВВП на душу населения.

Кроме материального, критериями оптимального качества жизни являются удовлетворенность жизнью, экологическая безопасность, свобода религиозного выбора, уровень демократизации общества и ряд др. Такими характеристиками качество жизни отражает состояние и результат условий жизни. Особую роль играет субъективная оценка степени удовлетворения материальных и духовных потребностей. В рамках выбранной проблематики будем рассматривать «качество жизни» как переживание и поддержание человеком экологических условий (условий окружающей среды) своего существования.

Психологические аспекты взаимоотношения человека и окружающей среды осуществляются в рамках экологической психологии, которая определяется как «междисциплинарная область знаний об органично включенной в жизнедеятельность человека среде и служащей важным фактором регуляции его поведения» [2, с. 457]. Ее предметом исследования является воздействие экологических факторов (факторов среды) на психику человека. Направление «психология окружающей среды» как часть психологической науки возникло в 60-х гг. XX в. на фоне возрастающего понимания того, что существующая экспериментальная (лабораторная) психология не может дать полного представления о поведении человека «в реальном мире», в силу отсутствия учета всех факторов, определяющих его в естественных условиях. Изучает роль и «влияние экологических факторов на человека: его психику, мозг, поведение и возникающие при этом последствия» [3, с. 37]. Исследования по выделению наиболее значимых для психики человека экологических факторов, изучение с психофизиологической точки зрения их влияния на здоровье и поведение, разработка методик оптимальной организации этих факторов – задача экологической психологии. Роль подобных исследований в связи с изменением характеристик окружающей человека среды возрастает.

Основы анализа отношений человека к различным сторонам действительности еще в начале XX в. были заложены А. Ф. Лазурским в его учении «об экзопсихике» [4] и В. М. Бехтеревым в его учении «о соотносительной деятельности» [5], когда отношение личности к тем или иным объектам среды рассматривается как специфическая реакция, обусловленная особенностями данной личности. Наиболее глубокая

разработка категории «отношение» была сделана в концепции В. Н. Мясищева, который определяет его как избирательную, осознанную связь человека со значимым для него объектом и одновременно как субъективную реальность, отражаемую человеческим сознанием в его личных мнениях и настроениях, поведении [6]. Им подчеркивается характер данных отношений, обусловленный как индивидуальным жизненным опытом, так и влиянием опыта общественно-исторического.

На рубеже 80-х гг. XX в. исследования психологических аспектов взаимодействия человека со средой удалось объединить в рамках направления «психология окружающей среды». Ж. Годфруа определяет его как науку, которая занимается изучением наиболее эффективных способов улучшения условий в населенных пунктах и различных местах, в которых протекает деятельность человека [7].

В общем виде предметом исследования психологии окружающей среды являются отношения человека со средой своего окружения, взаимосвязи между переменными среды и различными психологическими реакциями человека на них, его поведением. Как правило, эта связь происходит в рамках понятия «жизнедеятельность». Оно позволяет наиболее адекватно и полно отразить реальные социально-психологические явления и процессы, сопровождающие человека как их субъекта в ходе повседневной жизни. Особую теоретическую и практическую значимость данный термин приобретает при анализе факторов, влияющих на поступки человека в условиях проживания в экологически неблагоприятной среде. Встает вопрос удовлетворенности базовыми компонентами качества жизни, что является основанием для определения «адаптированности» личности к существующим условиям жизнедеятельности. Понятие адаптации выступает при этом социально-психологическим понятием [8].

Формирование в сознании «образа» воздействия того или иного фактора является очень сложным. А. И. Иванов указывает: это связано с тем, что данный образ не всегда существует в конкретной форме, а часто бывает «ложным или замаскированным» другими факторами и может иметь окраску либо «угрозы», либо «соответствия», т. е. благоприятной «среды» [9]. Поэтому ответная реакция может быть либо адекватной сложившейся ситуации, либо, наоборот, неадекватной. На этой основе строится и структура поведения человека. Если условия среды выходят за рамки границ «соответствия», то и ответная поведенческая реакция может быть «начиная с общей оценки, такой как самочувствие и заканчивая реакцией на угрожающий

фактор с целью его устранения или нивелирования его воздействия» [9]. Очень важно, что подобная реакция может формироваться даже не на сам фактор, а на его образ, представление об угрозе. Это факторы, на которые сам индивидуум в той или иной степени способен оказывать влияние в силу особенностей личности. Эта способность выражается в особенностях поведения, эмоционально-волевой, мотивационной сфере и пр. Отношение может быть проанализировано по соотношению в нем эмоционального и рационального компонентов. Переработка личностью своего субъективного отношения к явлениям и предметам окружающего мира может происходить в рамках «избирательности», в результате чего формируется отношение к целым группам объектов и явлений мира. При этом одни явления и предметы имеют большую ценность (доминируют), другие – меньшую ценность (любовь к животным в жизни по значимости может стоять после работы, семьи, друзей и т. д.).

Практический компонент характеризуется готовностью и стремлением к практическому взаимодействию с объектами отношения. Например, можно стремиться получить от природного объекта «полезный продукт». Как правило, мотив данной деятельности – удовлетворение прагматических потребностей. Другой может стремиться к такому характеру взаимодействия с природным объектом, когда оно само по себе становится самоценным.

Поступочный компонент характеризует активность личности, направленной на изменение ее окружающей среды в соответствии со своим субъективным отношением. Одним из важнейших социально-психологических факторов является *зрелость* личности как личностный фактор. В основе ее понимания лежит осознание и восприятие личностью системы экологических ценностей.

В современной научной литературе к социально-психологическим факторам как *источникам* формирования поведения личности относят многочисленные личностные и социальные характеристики, такие как культурные, социальные составляющие, включая пол, возраст, семейный статус, условия труда и др. Существуют объяснительные модели половых различий в нервно-психическом здоровье, каждая из которых основана на соответствующем объеме эмпирических данных. Психофизиологический подход связывает функциональные особенности женского организма с большей предрасположенностью к нервно-

психическим заболеваниям. Два других объяснения основаны на ролевой теории. В первом объяснении акцентируются множественность ролей и повышенное социальное давление, характеризующее социальную роль женщины в современном обществе. Нервно-психическая патология выступает как реакция на ролевую перегрузку. Второе объяснение основано на существовании социально-ролевых стереотипов. Культурные нормы и стандарты поведения предписывают женщине при переживании трудностей болеть и обращаться за медицинской помощью, тогда как мужскому стереотипу реакции соответствующая агрессия и алкоголизация.

Существует устойчивая связь между психическим здоровьем и семейным статусом, опосредованная фактором пола. Наиболее высокий уровень психического здоровья устанавливается у состоящих в браке мужчин, затем следуют одинокие и никогда не состоявшие в браке женщины, затем – женщины, состоящие в браке. Наихудшее психическое здоровье отмечается у одиноких мужчин, разведенных и овдовевших женщин.

Корреляция с возрастом в каждом исследовании здоровья для белорусской популяции устанавливает ухудшение здоровья с увеличением возраста. В производственных выборках систематически выявляется парадоксальная связь возраста и здоровья. Она получила название «эффекта здорового рабочего», выражающегося в лучшем здоровье работающих 55–60 лет и старше по сравнению с младшими возрастными группами. Это несоответствие выявлялось неоднократно в ходе многочисленных опросов.

Экологические факторы среды – те или иные несовершенства технологии, загазованность, пыль, шум, вибрация, монотонность, нервно-психическое напряжение, неудобная поза и тому подобные сказываются негативно на социально-психологическом самочувствии. Поэтому важнейшим направлением совершенствования социально-психологического климата является оптимизация комплекса факторов среды. Эта задача решается на основе разработок специалистов по гигиене и физиологии труда, эргономике и инженерной психологии.

Заключение. Создание оптимального качества жизни требует совершенствования социально-психологического климата и экологических условий. Эта задача должна решаться на основе разработок специалистов по гигиене и физиологии труда, восприятием личностью системы экологических ценностей, а также сознательное следование им.

Литература

1. Качество жизни. Краткий словарь. М.: Смысл, 2009. 168 с.
2. Психология. Словарь. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

3. Аракелов Г. Г. Экопсихологическая катастрофа населения // Мир психологии. 1997, № 1. С. 25–37.
4. Лазурский А. Ф. К учению о психической активности. Новые экспериментальные данные // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. IV (134). С. 201–251.
5. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1904. 224 с.
6. Мясичев В. Н. Личность и отношения человека // Проблемы личности. М. 1969. Т. 1. С. 63–73.
7. Годфруа Ж. Что такое психология: в 2 т. М.: Мир, 1992. Т. 1. 496 с.
8. Баранова А. В., Хащенко В. А. Социально-психологические факторы оценки качества жизни – Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 года. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 293–297.
9. Иванов А. В. Уральская матрица. Демоны подсознания. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: [http://www. document.wikireading.ru>5686](http://www.document.wikireading.ru>5686). Дата обращения: 18.11.2019.

References

1. *Kachestvo zhizni. Kratkiy slovar'* [The quality of life. Brief Dictionary]. Moscow, Smysl Publ., 2009. 168 p.
2. *Psikhologiya. Slovar'* [Psychology. Vocabulary]. Moscow, ONLAJN Publ., 1990. 494 p.
3. Arakelov G. G. Ecopsychological disaster of the population. *Mir psikhologii* [World of psychology], 1997, no. 1, pp. 25–37 (In Russian).
4. Lazurski A. F. To the doctrine of mental activity. New experimental data. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 1916, buk. IV (134), pp. 201–251 (In Russian).
5. Behterev V. M. *Psikhika i zhizn'* [Psyche and Life]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1904. 224 p.
6. Myasishchev V. N. Personality and human relationships. *Problemy lichnosti* [Problem of personality], 1969, no. 1, pp. 63–73 (In Russian).
7. Godfrua Zh. *Chto takoye psikhologiya* [What is psychology]. Moscow, Mir Publ., 1992, vol. 1, 406 p.
8. Baranova A. V., Khashchenko V. A. Socio-psychological factors for assessing the quality of life. *Materialy 3-go Vserossiyskogo s'yezda psikhologov* (“*Yezhegodnik Rossiyskogo Psikhologicheskogo obshchestva*”) [Materials of the 3-rd All-Russian Congress of Psychologists] (“*Vearbook of the Russian Psychological Society*”). St. Petersburg, 2003, vol. 1, pp. 293–297 (In Russian).
9. Ivanov A. B. *Ural'skaya matritsa. Demony podsoznaniya* [Ural matrix. Demons of the subconscious]. Available at: [http://www. document.wikireading.ru>5686](http://www.document.wikireading.ru>5686) (accessed 18.11.2019).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной Академии наук Республики Беларусь (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natalia Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Senior Leading, the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 02.03.2020

УДК 004.056.57:316.4

О. П. Пунченко

Одесская государственная академия технического регулирования и качества (Украина)

**КОДИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
ПЕРЕВОДА МЫСЛИ В ЗНАК**

В статье обосновывается тезис, что все цивилизации в своем развитии предстают как информационный процесс. Анализируется сущность информации, экспоненциальный рост на современном этапе. Объясняется, что этот процесс потребовал новых методов ее обработки, одним из которых выступает кодирование. Обоснована сущность кода, кодирование охарактеризовано как социотехнический процесс. Социальная сторона учитывает процесс качества информации, техническая связана с созданием систем кодирования и декодирования. Кодирование информации реализуется на основе семиотики, теории связи и психологии, оно раскрыто как гносеологический акт перевода мысли в знак.

Ключевые слова: информация, кодирование, сигнал, знак, гносеология, мышление, интеллект, цивилизация.

O. P. Punchenko

Odessa State Academy of Technical Regulation and Quality

**INFORMATION CODING AS AN INTELLECTUAL PROCESS
OF TRANSFER OF THOUGHT TO A SIGN**

The article substantiates the thesis that all civilizations in their development appear as an information process. The essence of information is analyzed, exponential growth at the present stage. It is explained that this process required new methods for its processing, one of which is coding. The essence of the code is substantiated; coding is characterized as a sociotechnical process. The social side considers the process of information quality, the technical one is associated with the creation of coding and decoding systems. Information coding is implemented based on semiotics, communication theory and psychology, it is disclosed as an epistemological act of translating thought into a sign.

Key words: information, coding, signal, sign, epistemology, thinking, intelligence, civilization information, coding, signal, sign, epistemology, thinking, intelligence.

Введение. В структуре современного этапа развития научного знания можно выделить ряд олицетворяющих направленность его поиска проблем, среди которых в эпицентр этого поиска вышли проблемы информации, ее сущности и роли в общественном развитии и глобализации, нынешнего крайне противоречивого этапа экономического и социокультурного бытия социума. Вторая составляющая современного эпицентра науки вызвала к жизни настоятельную необходимость обоснования стратегии выживания человечества. Она нашла свое отражение в работах П. А. Водопьянова и В. С. Крисаченко, А. Н. Чумакова, М. Делягина, Б. Калачева, А. И. Зеленкова, И. А. Гобозова, А. С. Панарина, В. С. Степина, А. П. Назаретяна, Л. А. Мосионжника и многих др.

Несмотря на то, что обе проблемы – и информация, и глобализация – имеют свой объект исследования, они тесно взаимосвязаны между собой через понятие цивилизация. Обоснование сущности цивилизации как социокультурного образования показало, что человечество «квантуется» ни нациями, ни расами, оно «квантуется» цивилизациями. Это вытекает из понимания

людьми мира и своего места в нем, своей роли, значения и решаемых задач. Значит, в основе этого «квантования» лежит субъективная, воображаемая виртуальная картина мира, общая для данной цивилизации и чуждая для всех остальных. Пока эта картина через выработанную информацию хотя бы относительно позволяет объяснить окружающую реальность и существовать в ней – цивилизация может жить. А распад этой единой для всех картины и есть момент надлома – потеря людьми того, что их объединяло. Следовательно, цивилизация – это информационный процесс. Все цивилизации разрабатывали информацию, использовали ее и, конечно же, искали различные формы ее защиты. Проблема сущности информации, ее значимости для нового этапа цивилизационного развития человечества привела Ф. Фукуяму к обоснованию тезиса, что в конце XX – начале XXI в. произошла «информационная революция», имеющая свою специфику и задачи, и мы должны с этим согласиться. Начинается бурное исследование категории «информация». Это осуществляется в работах Н. Винера, К. Шеннона, Л. Бриллюэна, У. Эшби, Д. Робертсона, в отечественной

литературе у В. П. Бройдо, М. В. Заренина, А. Н. Колмогорова, А. Матвеева, Н. Н. Моисеева, А. В. Макаровой, В. М. Глушкова, И. Б. Новика, А. С. Холево, В. С. Степина и многих др.

Исследование информации как многоаспектного и многоуровневого научного феномена – процесс сложный, включающий в себя ее производство, обработку, кодирование, символизацию, цифровизацию, передачу и хранение. Из перечисленных процессов остановимся на кодировании как более связующем философию, психологию и теорию передачи данных, более глубоко раскрывающемся движении интеллектуальной мысли современного специалиста в этой области.

Основная часть. Если ставится вопрос об исследовании одной из основных составляющих передачи и хранения информации, то важно уточнить понятие «информация».

Термин «информация» означает «разъяснение, изложение». Более широко он означает осведомление о каком-либо событии или чьей-либо деятельности как совокупность сведений о предмете.

Существуют различные подходы к ее исследованию, среди которых выступают следующие: антропоцентрический, техноцентрический и ноуцентрический.

Антропоцентрический подход ведет отсчет от работ К. Шеннона (1943–1948 гг.), в которых информация понимается как совокупность сведений, сообщений, данных. При этом К. Шеннон в «Математической теории связи», появившейся в науке в связи с потребностями техники связи, уделил особое внимание не столько сущности информации, ее качества, сколько проблеме количества информации. Это одна из важнейших характеристик информации, поскольку она выражает внешнюю определенность субъекта, проявляется через его величину, объем, степень развития, свойств, темпа протекания производственных, управленческих и других процессов.

Техноцентрический подход в объяснении информации, ее сущности характерен для технических наук. В его основе лежит процесс взаимодействия данных и методов. Данные выступают первой составляющей этой модели информации, к которым относятся материальные объекты, зарегистрированные сигналы. Информация здесь предстает как динамический объект, не существующий сам по себе, а образующийся в ходе взаимодействия данных и методов. При этом методы выступают как способ воспроизведения и обработки данных.

Ноуцентрический подход состоит в отказе от определения информации из-за ее всеобщности и фундаментальности. На это обстоятельство

обращают внимание ряд авторов. Так, К. Шеннон рассматривает информацию как материю и массу. Он полагает, «что с информацией можно обращаться почти так же, как с такими физическими величинами, как масса и энергия» [1, с. 25]. Н. Винер утверждает о нейтральности информации, согласно которому «информация – это не материя и не энергия» [2, с. 166], и что неправомерно сводить информацию к веществу или энергии. В то же время Н. Винер пишет, что «информация – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира, в процессе нашего приспособления к нему». Здесь информация рассматривается как созидательная сторона связи, которая ведет от внешнего мира к человеку. Это понимание информации несколько отличается от идеи У. Эшби, который рассматривал информацию «как меру разнообразия множеств». Аналогично этому В. М. Глушков рассматривает информацию как «теоретическое выражение меры неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и времени» [3, с. 36].

Успехи квантовой механики привели науку к идее бытия квантовой информации. «Это новый вид информации, который можно передать, но нельзя размножить» [4, с. 64], – отмечает А. С. Холево. Квантовая информация – это сверхплотная информация, поскольку «является прямым обобщением идеи сверхплотного кодирования» [4, с. 94]. Методологией ее познания выступает феноменологический метод и математическая логика.

Новый подход к понятию «информация» обнаруживается у М. В. Заренина, который считает, что информация существовала в природе до ее использования интеллектом *Homo Sapiens*, но лишь как возможность. В таком случае информация как форма отражения свойств живой и неживой природы может рассматриваться как всеобщий атрибут движения материи на всех ее структурных уровнях. И надо согласиться с М. В. Зарениным, что «природа не знает понятия «сведения»! Это мы, абстрагируя признаки, связи и свойства объектов, определяем информацию как сведения сообщения, данные о предметах, фактах и обстоятельствах, событиях и явлениях, которые могут восприниматься вне зависимости от формы представления и интерпретироваться в зависимости от глубины познания предмета или явления» [5, с. 25].

Но в исследовании информации он идет дальше, глубже, выражая в общей дефиниции ее научно-философское понимание. «Информация – это транслируемые во в нем признаки, свойства, особенности объектов или их образы, отражающие взаимодействия и коммуникативные объектные связи в вещественной и невещественной форме» [5, с. 25].

Информация в таком понимании резко отличается по содержанию и методологии ее производства от сведений, которыми пользовалось человечество в предыдущих цивилизациях.

Следовательно, информация выступает как всеобщий, объективный и многоуровневый и многоаспектный феномен, обладающий качественными и количественными характеристиками.

Поскольку любая цивилизация выступает как информационный процесс, то человечество всегда искало методы и способы ее обработки, передачи и хранения. Этому способствовало возникновение и развитие письменности и позволило, по выражению М. С. Кагана, «оторвать высказывание от говорящего и придать ему самостоятельное предметное бытие, благодаря которому послания могли бы переживать своих отправителей и оставаться навсегда во внаследственной памяти человечества» [6, с. 274].

По мере прогресса познания и роста с ним информации стало возможным искать пути упрощения, минимизации, уплотнения информации. Одним из таких путей стало ее кодирование.

Как развивалось производство особо важной для социума информации, так синхронно развивались и способы ее защиты. Развитие кодирования на всем протяжении производства информации отражало все усложняющийся и в то же время своеобразный двойственный характер движения интеллекта людей, занимающихся кодированием. С одной стороны, необходимость выбора и разработки кода. Код – совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из определенных символов для ее передачи, обработки и хранения. Конечная последовательность кодовых знаков называется символом.

Но всегда есть тайная информация, интерес к которой постоянно возрастал. Ее расшифровка также базируется на технических устройствах (сегодня – компьютерах). Она отражает особый уровень интеллектуального развития личности, склада его ума, знаний, способностей. Сегодня эти «взломщики информации» – хакеры, есть практически во всех странах, несмотря на то, что ни в одной стране в системе высшего образования не существует официально факультетов, готовящих этих «специалистов». Однако большой набор программ работы с информацией является благодатной почвой для их функционирования, тем более, что своя страна их не наказывает за то, что они овладевают военными, экономическими, финансовыми и другими тайнами различных стран. Это сейчас они существуют в виде внеправовой касты хакеров.

Теория кодирования – это не сугубо техническая проблема, но в ней содержится глубокий

гносеологический аспект перевода мысли в знак. «Кодирование, – отмечает М. В. Заренин, – это наделение информационного объекта кодовым условным обозначением – знаком или группой знаков (символов), представленных по определенной системе правил для передачи, хранения или запоминания» [5, с. 34].

Процессы кодирования информации составляют ядро мысли и знака, исследующего свойства знаковых систем. В качестве знаковых систем здесь рассматриваются языки, прежде всего искусственные, как средства научного познания. Но процессы кодирования тесно связаны не только с семиотикой, они взаимопереплетены и с психологией, тесно опираясь на мышление. С первой ее связывает то, что теория кодирования является составной частью общей науки о знаках, т. е. семиотики, которая исследует знаки в связи со знаковой ситуацией. Под знаковой ситуацией понимается отношение между источником информации или объектом, к которому знак относится (поскольку он его обозначает), между знаком как носителем информации и субъектом, которому знак предназначен и чье поведение этим знаком регулируется. В связи со знаковой ситуацией знак содержит в себе: семантический аспект – в предмете, который он обозначает; прагматический аспект – ответная реакция субъекта, в сознании которого этот знак воспринимается; синтаксический аспект – отношение к другим знакам в структуре знаковой системы.

Несомненно, теория кодирования тесно связана и с психологией, поскольку гносеологическое содержание знаков и их роль раскрываются через неразрывную связь мышления и языка. В кодировании четко высвечивается содержание концепции интроспекции, согласно которой объектом познания субъекта выступает его мышление. Согласно этой концепции исследователь, опираясь на систему собственно мышления, получая сигнал извне, переводит его в знак. Мышление здесь выступает как системообразующая основа вышеотмеченного процесса. Но поскольку «геометрия» мышления на данную проблему у исследователей различна, то, опираясь на уже достигнутое, каждый из них усложняет и методы кодирования, и методы декодирования. У них мышление предстает, по словам С. Л. Рубинштейна, как «движение мысли, раскрывающее связь, которая ведет от отдельного к общему и от общего к отдельному. Мышление – это опосредованное – основанное на раскрытии связей, отношений, опосредований – и обобщенное познание объективной реальности» [7, с. 310]. Но мышление – это наиболее обобщенная и опосредованная форма психического отражения действительности с помощью языка, который

выступает материальной оболочкой мысли. Выполняя экспрессивную функцию, он облакает мысль в строгую логическую форму и в этом плане язык представляет собой непосредственную действительность мысли.

Процесс перевода мысли в знак технически труден и специфичен. Здесь характерная для информации ситуация включает такие моменты, как наличие источника информации, ее передатчика и носителя, наличие определенного кода, служащего для перевода элементов передаваемого содержания из одной изоморфной структуры в другую и, наконец, наличие потребителя информации, использующего ее для удовлетворения личных и общественных целей. Те явления, которые непосредственно передают информацию, выступают по отношению к использующей ее системе сигналами.

Сигнал всегда выступает как способ передачи информации, поскольку он несет в себе закодированную информацию. Прежде чем передать сигнал, субъект познания связан с процессом кодирования мысли, т. е. переводом ее в определенный знак. Сигнал всегда отражает содержание знака и в этом их общность. Но сигнал и знак нельзя отождествлять. Их диалектическая взаимосвязь заключается в том, что в наиболее широком смысле понятие сигнала включает в себя понятие знака и означает любое материальное явление, которое выступает в роли посредника информации.

В наиболее узком смысле, сигнал – это материальное явление, «предупреждающее о наступлении вслед за ним определенного действия или вообще служащее средством ориентации человека» [8, с. 96]. Наличие сигналов предполагает сознательное, осмысленное отношение к ним как со стороны подателя (передатчика), так и со стороны получателя (приемника). Рациональная

деятельность человека всегда обусловлена системой сигналов, посылаемых ему, воспринятых и переработанных его мозгом. Сигнал всегда однонаправлен, а знак предполагает интерактивную, обратную связь, адекватную реакцию партнеров по коммуникации. Если сигнал выступает как естественное средство коммуникации, то знак – это искусственное орудие общения и познания.

Позитив знака состоит в том, что природа, материя безразлична для его значения. Знак имеет предметное значение лишь потому, что он не имеет отношения к понятию об этом предмете. И тем не менее диалектика познания такова, что образы не могли бы существовать без использования в познании определенных знаков. Уже одно это говорит не только о гносеологической природе знака, но и необходимости его для познания действительности.

Заключение. Таким образом, передача информации осуществляется через сигнал как особую форму кодирования сообщений. Общая информационная ситуация включает в свое содержание: источник информации (содержащий сообщение) – передатчик – сигнал, несущий в себе закодированную информацию – приемник – адресат.

В структуру диалектического процесса перевода мысли в знак входят: мышление – слово – сам процесс кодирования – сигнал декодирования. Несомненно, кодированная информация более спрессована, спроектирована, она уплотнена, упрощена для восприятия и понимания, идеи в ней практически не повторяются. Кодированные сообщения всегда более сжаты, жестко организованы и менее расплывчаты, они создаются специально, чтобы содержать максимальное количество информации. И современная теория и практика кодирования как процесс перевода мысли в знак решает эти детерминирующие задачи информационной цивилизации.

Литература

1. Шеннон К. Некоторые задачи теории информации // Информационное общество. М.: АСТ, 2004. С. 25.
2. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 344 с.
3. Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. 2-е изд. М.: Наука, 1987. 552 с.
4. Холево А. С. Введение в квантовую теорию информации. М.: МЦНМО, 2002. 127 с.
5. Заренин М. В. Информация: свойства, ресурсы, инновационные технологии. Гомель: Полесепечать, 2012. 224 с.
6. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999. 720 с.
8. Резников Л. О. Гносеологические вопросы семиотики. Л.: изд-во ЛГУ, 1964. 304 с.

References

1. Shannon K. *Nekotoryye zadachi teorii informatsii* [Some tasks of the theory of information]. *Informatsionnoye obshchestvo* [Information Society]. Moscow, AST Publ., 2004. P. 25.
2. Winer N. *Kibernetika ili upravleniye i svyaz' v zhivotnom i mashine* [Cybernetics or control and communication in the animal and machine]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 344 p.

3. Glushkov V. M. *Osnovy bezbumazhnoy informatiki* [Fundamentals of paperless computer science]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 552 p.
4. Kholevo A. S. *Vvedeniye v kvantovuyu teoriyu informatsii* [Introduction to the quantum theory of information]. Moscow, MCCNMO Publ., 2002. 127 p.
5. Zarenin M. V. *Informatsiya: svoystva, resursy, innovatsionnyye tekhnologii* [Information: properties, resources, innovative technologies]. Gomel', Polespechat' Publ., 2012. 224 p.
6. Kagan M. C. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of the culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. 416 p.
7. Rubinsten S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Peter Publ., 1999. 720 p.
8. Reznikov L. O. *Gnoseologicheskiye voprosy semiotiki* [The epistemological questions of semiotics]. Leningrad, LSU Publ., 1964. 304 p.

Информация об авторе

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры «Стандартизация, оценка соответствия и образовательных измерений». Одесская государственная академия технического регулирования и качества (65020, г. Одесса, ул. Кузнечная, 15, Украина). E-mail: olegpetr02.09@gmail.com

Information about the author

Punchenko Oleg Petrovich – DSc (Philosophy), Professor, the Department of “Standardization, conformity assessment and educational measurements”. Odessa State Academy of Technical Regulation and Quality (15, Kuznechnaya str., 65020, Odessa, Ukraine). E-mail: olegpetr02.09@gmail.com

Поступила 10.02.2020

УДК 1(091)+101.1:316

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

**ФЕНОМЕН «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ» И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

В статье анализируются концепции «справедливой войны» от эпохи Средневековья до XXI в. Делается вывод о том, что современные трактовки «справедливой войны» имеют в качестве истока ее средневековые концепции, однако они представляют собой попытку выстроить концепцию этой войны на новых основаниях. Раскрывается сущность языковой проблемы трактовки: концепт *bellum justum* в традиции русского языка переводится как «справедливая война», а в традиции английского – как «законная война». На основании этого делается вывод об амбивалентности современных концепций «справедливой войны». «Кризис политического» был определен как результат вытеснения экономикой политики; нивелирования насильственных форм контроля и подавления в стремлении достижения порядка как иллюзорной безопасности. В результате «кризиса политического» «гуманитарные» войны под видом современной «справедливой» войны перенимают эстафету у религиозных войн, отменяющих главную цель войны: достижение мира, что в принципе обрекает все современные типы войн на тотальность как бесконечность. Именно с возвращением «справедливой войны» было связано возникновение в современном мире угрозы «тотальной» войны. Анализ современных теорий «справедливой войны» позволил увидеть как неочевидность ее этической достоверности, так и раскрыть нравственный и правовой смысл этой концепции, позволяющей рационализировать ее нормативные ограничения.

Ключевые слова: насилие, справедливая война, кризис политического, принципы справедливой войны, нравственность, законность, мир.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

**PHENOMENON OF “JUST WAR” AND ITS TRANSFORMATION
IN THE MODERN WORLD**

The author of this article analyzes the concept of a “just war” from the Middle Ages to the XXI. It is concluded that the modern interpretations of “just war” have its medieval concepts as the source, but they represent an attempt to build the concept of this war on new foundations. The essence of the language problem of interpretation is revealed: the concept of *bellum justum* in the tradition of the Russian language is translated as “just war”, and in the tradition of English as “legal war”. Based on this, the conclusion is drawn about the ambivalence of modern concepts of “just war”. The “political crisis” was defined as the result of economic crowding out of politics; leveling of violent forms of control and suppression in an effort to achieve order as an illusory security. As a result of the “political crisis”, “humanitarian” wars under the guise of a modern “just” war take the baton from religious wars that cancel the main goal of the war: achieving peace, which in principle dooms all modern types of wars to totality as infinity. It was with the return of a just war that the threat of a “total” war was created in the modern world. An analysis of modern theories of just war made it possible to see both the non-obviousness of its ethical certainty and to reveal the moral and legal meaning of this concept, which makes it possible to rationalize its regulatory limitations.

Key words: violence, just war, political crisis, principles of just war, morality, legality, peace.

Введение. Трансформация современных войн, их осуществление в «серых» зонах западной цивилизации, приватизация насилия, прозрачность границ национальных государств для экспансии «вируса» терроризма наглядно демонстрируют необходимость включения проблемы насилия в пространство философской рефлексии.

В конце XX – начале XXI в. в связи с переходом человечества к новому типу цивилизационного развития, информационному, и развернувшимися процессами глобализации в развитии

мирового сообщества складывается новая система императивов его развития. Мир принципиально резко меняет свой облик, в нем происходит интенсивный процесс формирования нового мироустройства. Такая быстрая и резкая трансформация социального, политического и культурного пространства не может не быть конфликтной и рискогенной.

Основная часть. Осмысление проблемы «справедливости войны» берет свое начало в философии античности, в частности в трудах

Гераклита, Сократа, Фукидида и других мыслителей. Принцип общественно-политической целесообразности является основным в определении «справедливой войны»: война справедлива, если она соответствует интересам государства. Так, например, Аристотель в «Политике» указывал следующие ее цели: защита своего государства и реализация господства над неразвитыми или варварскими государствами, неспособными к самоуправлению [1]. В продолжение этой мысли Цицерон выдвинул тезис о «справедливой и благочестивой войне», ведущейся для отмщения за причиненное зло и для изгнания врага [2]. В его понимании оправданна только такая война, которая ведется с целью защиты, а также наказания за нарушение мира. В то же время у мыслителя не вызывало сомнения справедливость права римлян повелевать низшими народами, поскольку посредством осуществления военного насилия эти народы приносят им благо.

Следовательно, можно утверждать, что античная философия заложила основы реалистической доктрины войны, согласно которой морально-нравственное начало не является определяющим критерием «справедливой войны», а применение военного насилия неизбежно, так как война есть факт жизни и полностью избежать ее негативные последствия невозможно.

Теоретически выверенная доктрина «справедливой войны» впервые была сформулирована христианской теологией и философией Средневековья, наиболее целостное выражение нашла в трудах Отцов Церкви, в частности у Августина Аврелия (Блаженного). С точки зрения Августина, война есть неотъемлемая часть мира. Неотъемлемость войны философ объяснял спецификой человеческой природы, подчеркивая, что война – это соблазн, которому человек не может противостоять, и одновременно это способ защитить себя от зла в мире, в котором ведется битва за добро. Таким образом, она есть следствие греховности человека, но в то же время она часть Божьего замысла, целью которого является мир, достигаемый победой [3].

Война при этом трактовалась Августином как зло, как недопустимое явление, нарушающее гармоничное состояние мира. Мир – это конечная цель Царства Божия, «ибо и мистическое название этого царства, т. е. Иерусалим, означает осмотр мира» [4, с. 107]. Мир сущего, согласно мысли Августина, это состояние «равновесия порядка» [4, с. 106], правильное определение места для вещей, их верное соотношение друг с другом, взаимосвязь, отвечающая их предназначению, значимости и т. п. Мир как порядок предполагает согласованность всех его уровней, в том числе и мира людей, их взаимоотношений. Основой этой согласованности

выступает христианская справедливость. Например, внутренний мир в государстве Августин уподобляет музыкальной гармонии, возникающей в результате совместной игры музыкантов, звучания инструментов и множества специально подобранных звуков разной высоты.

Философ разделял войны на праведные (справедливые) и неправедные (несправедливые). Под справедливой войной он понимал вооруженное насилие, направленное на достижение мира, обеспечение его торжества, миротворение, т. е. справедливая война – это средство достижения мира. В частности, справедливой является война, связанная с самозащитой, освобождением. Таким образом, Августин не отказывал народу в праве войны как самозащиты, отстаивания свободы, безопасности государства. Другим критерием справедливой войны у него выступает вера, поэтому справедливой является война «во славу Господню», восстанавливающая Божественный миропорядок. Справедливая война имеет место как в ситуации отражения нападения, обороны, так и при совершении нападения, если она направлена на предотвращение большего зла. В этом смысле справедливая война определялась как наказание для нарушителя состояния мира. Соответственно, несправедливыми являются те войны, которые, во-первых, нарушают гармонию мира, разрушают правильный порядок вещей (захватнические войны, преследующие низменные цели грабежа, установления тиранического господства); во-вторых, насаждают ложный идеал народа-завоевателя в ущерб завоеванным народам, что ведет к угрозе их полного уничтожения. Целесообразно отметить, что в качестве примера несправедливой войны философ приводил захватнические войны Римской империи.

Таким образом, стремление к миру – один из основных критериев справедливой войны, определяющийся как этическими нормами, установленными христианским вероучением, так и естественным для человека стремлением к миру. Именно в силу этого война, определяемая этими установками, оказывается справедливой. «Мы, – писал Августин, – не ищем мира, чтобы воевать, мы воюем, чтобы найти мир» [4, с. 107]. Мыслитель настаивал на том, что государство и его правители не должны ставить целей, которые не включали бы блага граждан, соблюдения принципов морали, так как их главная задача заключается в достижении и сохранении мира, а также осуществлении безопасности граждан и государства в целом. Эта задача является первостепенной для Града Земного с его эгоистической и захватнической политикой.

Для оценки вооруженной борьбы философ использовал два этико-правовых принципа:

- 1) правого дела (чтобы начать войну, у государства должны быть достаточные основания);
- 2) легитимной власти.

Августин акцентировал внимание и на субъекте справедливой войны: святом воителе, защитнике веры. Философ рассуждал о праведном долге как человека, так и государства: защищать невинных исходя из заповеди любви, в том числе даже посредством оружия и войны. Августин говорил также о праведности патриотизма, его ценности как долге перед страной, миролюбивости и способности существовать в мире. Для того чтобы патриотизм не выродился в ненависть к другому, необходимо любовь к отечеству соотносить с любовью к ближнему, что станет основой для принятия другого. Именно поэтому патриотизм, согласно мысли Августина, является одним из оснований гармоничного порядка мира.

Появление стройной доктрины «справедливой войны» в философских трудах Отцов Церкви не случайно. Это связано с тем, что христианство в IV в. стало легализованной религией и государство в новых условиях нуждалось в выработке концепции войны с точки зрения христианского вероучения. Августину Аврелию удалось создать наиболее приемлемую для своего времени концепцию, соединившую позитивный опыт гуманистической мысли эпохи Античности и христианское вероучение о войне.

Фома Аквинский, принимая концепцию «справедливой войны» Августина Аврелия, значительно развил ее в работе «Сумма теологии» [5]. Так, в частности, он отметил главный критерий справедливой войны, суть которого заключается в том, что справедливой может быть признана только такая вооруженная борьба, которая ведется по воле Бога. Рассуждая о допустимости справедливой войны в жизни общества, Фома Аквинский определил ее как «авторизованную компетенцию», т. е. на применение военной силы должна быть санкция со стороны государственной власти, а решение о начале войны – приниматься законной властью. Однако это не отменяет того факта, что война и насилие являются всегда грехом.

Как и Августин Аврелий, Фома Аквинский настаивал на том, что осуществление военных действий против врага не отменяют заповеди любить его по-христиански. Поэтому военные действия целесообразно ограничить следующими требованиями: война должна быть справедливым делом, а не беззаконием; правителям следует развязывать войну, руководствуясь только правильными намерениями; вооруженная сила в ходе войны должна использоваться пропорционально, причем не только в ситуации отражения нападения, но и для самозащиты.

Концепции «справедливой войны» Августина Аврелия и Фомы Аквинского легли в основу социального учения христианской церкви, утверждающего, что война является злом, но в то же время и некой постоянной реальностью бытия. В контексте миротворческого духа христианства она трактуется как наказание человека и общества, как плата за грехи, как нарушение гармонии мира. Будучи следствием братоубийственной ненависти между людьми, вооруженное противостояние неотделимо от судьбы грешного человечества: как бич Божий война не исчезнет полностью на земле до тех пор, пока не исчезнет сам грех.

Таким образом, в эпоху Античности и Средних веков целесообразность и справедливость войны определялись обществом и государством, их интересами и мотивами, общественно-политической выгодой. Однако начиная с эпохи Возрождения мерилom справедливого вооруженного противостояния становится человек как субстанция миропорядка и полноправный субъект.

В Новое время и эпоху Просвещения было разработано учение о «вечном мире», оказавшее существенное влияние на становление современной концепции справедливой войны. Значимая роль в разработке идеи «вечного мира» принадлежит И. Канту. Несмотря на этическую составляющую идеи о вечном мире, немецкие мыслители (И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель) постепенно отказались от кантовского просветительского идеала, поставив под сомнение возможность достижения вечного мира [3]. Идеи Г. Гегеля о нравственной составляющей войны и его критика идеи «вечного мира» нашли сторонников в XIX и XX вв., утверждающих «войну как высшее проявление духовной мощи народа, как более совершенную форму государственной деятельности» [6].

В XX в. к проблематике «справедливой войны» обращались в своих трудах такие мыслители, как Фоушин Н., Уолтцер М., Джонсон Дж., Маргентау Х., Уолтц К. и др.

Современные трактовки «справедливой войны» имеют в качестве истока ее средневековые концепции (Аврелий Августин, Фома Аквинский), однако они представляют собой не столько переработку идей средневековых мыслителей, сколько попытку выстроить концепцию этой войны на новых основаниях. Например, расширение принципов «справедливой войны» за счет включения новых: *jus ante bellum* и *jus post bellum*; актуализация практических аспектов применения принципов в ситуации трансформации современной войны; стремление разрешить проблему моральной и правовой составляющей войны. Так, например, Х. Сисе исходит из реалистической

трактовки права войны и в качестве основополагающего требования, определяющего этико-правовые условия начала и ведения военных действий, характеризующего войну как справедливое явление общественно-политической жизни, определяет меру нравственности субъектов вооруженного противоборства [7].

Наиболее целостно-обобщенный подход представлен в исследовании норвежского теоретика войны Сисе Х. «Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах» [7]. Исходя из реалистической трактовки права войны, Х. Сисе отметил в качестве критерия «справедливой войны» меру нравственности субъектов вооруженного противоборства. Так, нравственность является критерием возможности начинать и вести военные действия. Это порождает стремление наложить на практику использования военной силы нравственно-правовые ограничения.

Выделяются две группы этико-правовых принципов «справедливой войны»: *jus ad bellum* (право на войну), т. е. обоснованное начало войны; *jus in bello* (военное право, право войны) – справедливое ведение войны. Суть принципов *jus ad bellum* сводится к следующему: 1) у войны должны быть справедливые мотивы, а ее цель могла бы быть оправдана с точки зрения морали; 2) война должна вестись в соответствии с установленной справедливой целью; 3) войну может объявлять только легитимная власть; 4) война должна быть последним средством в разрешении поставленной задачи; 5) она не может быть начата в отсутствии разумных шансов на успех; 6) предполагаемое бремя войны должно быть адекватным практическим целям. Принципы *jus in bello* в современной теории «справедливой войны» трактуются как наиболее приемлемые в плане определения морально правомерных во время войны действий противоборствующих сторон. В соответствии с ними гражданское население должно обладать правом неприкосновенности; допустимым считается только пропорциональное использование насилия. Х. Сисе отмечал, что одни войны безнравственны и поэтому недопустимы, другие же могут быть оправданы с моральной точки зрения. Поэтому, исходя из этих принципов, возможно определить, когда правомерно прибегать к войне и что сделает ее справедливой.

Целесообразно подчеркнуть языковую проблему трактовки: концепт *bellum justum* в традиции русского языка переводится как «справедливая война», а в традиции английского – как «законная война». При этом важно отметить, что Х. Сисе, говоря о нравственности, предполагает правовые основания нравственных действий. Русский перевод не раскрывает этой связи понятий «справедливости» и «законности».

Более того этическая составляющая понятия «справедливость» для мировоззрения человека, сформированного в русскоязычном пространстве, более значима, чем его правовая составляющая. В силу этого суть проблемы может быть выражена следующим образом: в англоязычной традиции определение войны как справедливой не предполагает ее нравственной составляющей, в русскоязычной традиции такая война оказывается неприемлемой с позиции морали и нравственности, а значит, не может быть в принципе оценена как справедливая. На основании этого полагаем правомерным рассматривать современные концепции «справедливой войны» как амбивалентные, а также акцентировать проблему трансформации «справедливой войны» в «тотальную».

В начале XXI в. современную войну правомерно определить как «перевертыш» справедливости: она претендует на справедливость, имея своей целью наказание врага как преступника. Таким образом, справедливость этой войны не имеет ничего общего с основными установками справедливости, предложенными в средневековой концепции. Процесс криминализации врага привел к тому, что современная справедливая война больше не завершается заключением мирного договора, она становится бесконечной. Важной особенностью этой новой войны является отсутствие третьей стороны в споре о справедливости: получается, что справедливой является та война, которую ведет сильнейший.

В современном мире происходит трансформация регулярной «справедливой войны» в иррегулярную «тотальную». Это связано с «кризисом политического», который определим как результат вытеснения экономикой политики; нивелирования насильственных форм контроля и подавления в стремлении достижения порядка как иллюзорной безопасности. В результате «кризиса политического» «гуманитарные» войны под видом современной «справедливой войны» перенимают эстафету у религиозных войн, отменяющих главную цель войны: достижение мира, что в принципе обрекает все современные типы войн на тотальность как бесконечность. Именно с возвращением «справедливой войны» было связано возникновение в современном мире угрозы «тотальной» войны.

Заключение. Таким образом, анализ современных концепций «справедливой войны» позволил увидеть неочевидность ее этической достоверности. В современной теории «справедливой войны» анализируются критерии этико-правовой легитимности применения военных средств при решении конфликтов, а также морально-правовые аспекты действий. Несмотря на то, что идея и концепция справедливой войны

имеет свою историю, а ее принципы получили закрепление в международных документах, принятых после Второй мировой войны, этическая составляющая справедливого вооруженного противоборства неочевидна, тем более, что ни в одной войне принципы справедливого военного противостояния полностью не исполнялись и не

могут исполниться. Однако смысл данной концепции состоит в том, что она позволяет осмыслить, рационализировать и нормировать ограничения военных действий и определить четкие критерии как нравственной, так и правовой оценок войны как явления, находящегося вне пространства нравственности и права.

Литература

1. Аристотель. Политика // Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376–644.
2. Цицерон Марк Туллий. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1975. 126 с.
3. Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
4. Августин Блаженный. Творения: в 4 т. СПб.; Киев: Алетейя УЦИММ-Пресс, 1998. Т. 3, кн. 1–13: О Граде Божием. 595 с.
5. Фома Аквинский. Сумма Теологии. Киев: Ника-Центр, 2011. Ч. 2–2: Вопр. 1–46. 576 с.
6. Румянцева Т. Г. Гегель о правомерности и нравственном значении войн против кантовской идеи «вечного мира» // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики: материалы Междунар. семинара / под ред. А. С. Зильбера, А. Н. Саликова. Калининград, 2013. С. 80–88.
7. Сисе Х. Справедливая война?: о военной мощи, этике и идеалах: пер. с норв. М.: Весь мир, 2007. 176 с.

References

1. Aristotle. Politics. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, 1983, vol. 4, pp. 376–644 (In Russian).
2. Ciceron Mark Tulliy. *Izbrannyye sochineniya* [Selected essays]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1975. 126 p.
3. Sidorenko I. N. *Filosofiya nasiliy: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of violence: from metaphor to concept]. Minsk, BGU Publ., 2017. 175 p.
4. Avgustin Blazhennyy. *Tvoreniya* [Creations]. St. Petersburg; Kiev, Aleteya USIMM-Press Publ., 1998. Vol. 3, book 1–13. 595 p.
5. Foma Akvinskiy. *Summa Teologii* [Sum of Theology]. Kiev, Nika-Sentr Publ., 2011. 576 p.
6. Rumyanceva T. G. Hegel about the legitimacy and moral significance of wars against the Kantian idea of “eternal peace”. *Materialy Mezhdunar. seminar* (“Kantovskyy proyekt vechnogo mira v kontekste sovremennoy politiki”) [Materials of the International Seminar (“Kant’s project of eternal peace in the context of modern politics”)]. Kaliningrad, 2013, pp. 80–88 (In Russian).
7. Sise H. *Spravedlivaya vojna?: o voyennoy moshchi, etike i idealakh* [Just war?: about military power, ethics and ideals]. Moscow, Ves’ mir Publ., 2007. 176 p.

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolayevna – DSc (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal’variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Поступила 04.03.2020

УДК 344.3/4

Н. П. Бородко¹, М. И. Мисуно²¹Частное учреждение образования «БИП-Институт правоведения»²Филиал БГТУ «Белорусский государственный колледж промышленности строительных материалов»**ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО И ТОКИЙСКОГО ВОЕННЫХ
ТРИБУНАЛОВ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

В статье на основе материалов Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов над главными военными преступниками Второй мировой войны исследуется проблематика регулирования на международном и внутригосударственном уровнях вопросов составов международных преступлений, совершаемых гитлеровцами на оккупированных территориях, рассматривается процесс формирования международного права, Организации Объединенных Наций. Особо подчеркивается необходимость формирования по проектам Нюрнберга объективной информации итогов Второй мировой войны.

Ключевые слова: Нюрнбергский международный военный трибунал, международный трибунал для Дальнего Востока, преступления против мира, преступления против безопасности, военные преступления.

N. P. Borodko¹, M. I. Misuno²¹Private Institution of Education BIP-Institute of Law²Belarusian State College of Building Materials Industry**IMPORTANCE OF THE NUREMBERG AND TOKYO MILITARY TRIBUNALS
FOR THE SUBSEQUENT DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW**

The article examines the problems of regulation at the international and domestic levels of the composition of international crimes committed by the Nazis in the occupied territories. Author uses the materials of the Nuremberg and Tokyo military tribunals over the main war criminals of the Second World War and analyzes the process of formation of international law and the United Nations. Author particularly emphasizes the need to formulate objective information on the results of World War II on Nuremberg's projects.

Key words: Nuremberg International Military Tribunal, International Tribunal for the Far East, crimes against peace, crimes against security, war crimes.

Введение. О Нюрнбергском и Токийском процессах над главными военными преступниками Второй мировой войны сказано и написано очень много. И все же, на наш взгляд, идеи и решения, заложенные Международным военным трибуналом (далее – МВТ), не являются сегодня сугубо архивным материалом. Напротив, сегодня неофашистские идеи, партии и движения в Европе, Украине набирают силу. Ведется пересмотр истории, причин и итогов Второй мировой войны. Российскую Федерацию, Республику Беларусь пытаются обвинить в участии в развязывании этой страшной войны. Поставлена одна цель – реабилитация фашизма, осужденного 75 лет назад.

Основная часть. Вторая мировая война принесла чудовищные потери (людские, материальные и др.). После окончания бойни перед европейскими народами встали новые проблемы: возвращение на родину миллионов угнанных жителей и военнопленных, восстановление разрушенной гитлеровской Германией государственности и экономики. Но главной задачей

было показать народам всех стран, и в первую очередь народу немецкому, преступную политику правящей верхушки гитлеровской Германии, ввергнувшей Европу в губительную войну, избавить человечество от изуверской фашистской идеологии. И это имело огромное значение для будущего человечества, так как являлось предупреждением о неотвратимой и суровой ответственности тем, кто совершит агрессию или иные международные преступления. Все эти действия были ориентированы на предотвращение третьей мировой войны. Решению данных задач должны были способствовать Нюрнбергский и Токийский военные трибуналы.

Воззрение о необходимости пресечения и наказания за совершение нарушений законов и обычаев ведения войны в нормы международного права, предусматривающие ответственность отдельных лиц за нарушение права войны, произошло в ходе и после Второй мировой войны. Уже в нотах наркомата иностранных дел СССР от 25 ноября 1941 г., от 6 января 1942 г.

Советское правительство потребовало суровой ответственности и наказания преступного фашистского правительства Германии за его разбойные действия.

Положения об уголовной ответственности отдельных лиц были сформулированы и закреплены в решениях Московской (1943 г.), Крымской (1945 г.) и Потсдамской конференций (1945 г.).

Так, в этих решениях отмечалось, что германские офицеры, солдаты и члены гитлеровской партии, которые имеют какое-либо отношение к зверствам, убийствам и казням в странах, захваченных германскими вооруженными силами, будут доставлены обратно в страны, в которых совершены их ужасные преступления для того, чтобы они подверглись обвинению и справедливому и быстрому наказанию по законам этих стран. Закрепилось обязательство государств арестовывать и предавать суду военных преступников и тех, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства либо военные преступления [1, с. 174].

Конкретно нормы об уголовной ответственности отдельных физических лиц были сформулированы в уставах и приговорах международных военных трибуналов для суда над главными немецкими и японскими военными преступниками. Так, статья 6 Устава Международного военного трибунала, прилагаемого к Соглашению между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран от 8 августа 1945 г., в частности, устанавливала: «Следующие действия, или любые из них, являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны либо войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства и истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности;

бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, неоправданное военной необходимостью, и другие преступления;

в) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жесткости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены или нет» [2, 122]. Нюрнбергскому суду были преданы 24 главных военных преступника. Двенадцать из них были приговорены к смертной казни. Слушание дела началось 20 ноября 1945 г. Приговор огласили 1 октября 1946 г. Состоялось 403 открытых судебных заседания. Рассмотрено более 3 тыс. документов. Допрошено около 200 свидетелей (еще несколько сотен свидетелей были допрошены по поручению Трибунала). Единственный в международной практике прецедент – признание гитлеровских организаций преступными (гестапо, СС, СА). Решения МВТ свидетельствуют о том, что организация может совершать общественно опасные действия, т. е. действия, признаваемые за преступления, и притом совершать их не случайно, а в осуществление тех решений, которые принимаются в порядке, установленном для выражения коллективной воли.

Уставом МВТ были признаны и нашли отражение в решениях Трибунала семь основополагающих принципов:

1. Ответственность любого лица и его наказание за преступления согласно международному праву.

2. Отсутствие состава преступления во внутреннем праве не освобождает от ответственности и наказания за него согласно международному праву.

3. Преступные действия в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства не освобождают от ответственности за их совершение.

4. Преступные действия по приказу не освобождают от ответственности, если существовал сознательный выбор.

5. Каждый обвиняемый в международно-правовом преступлении имеет право на справедливое рассмотрение своего дела на основе фактов и права.

6. Наказанию подлежат международно-правовые преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности.

7. Принцип неприменности срока давности к военным преступлениям.

Учитывая, что немецкие фашисты вместе с японскими милитаристами в ходе Второй мировой

войны совершили тягчайшие преступления против народов, то после разгрома Японии в декабре 1945 г. 19 января 1946 г. был утвержден Устав Международного трибунала для Дальнего Востока. Данный документ был аналогичен Уставу Нюрнбергского трибунала с той лишь разницей, что в Уставе Токийского международного трибунала определялись военные преступления как нарушения законов или обычаев войны без их непосредственного перечисления, как это было сделано в МВТ. Суду были преданы 28 руководящих государственных деятелей Японии (премьер-министр, министры, представители высшего военного командования). Трибунал вынес обвинительный приговор в отношении 20 обвиняемых.

С правовой точки зрения Нюрнбергский и Токийский процессы имели огромное значение для дальнейшего развития международного права и новых принципов. Если рассматривать направления, по которым шло развитие международного права под воздействием перечисленных выше уголовных процессов, то можно отметить следующее.

1. Разработка международно-правовых норм, направленных на поддержание мира, предотвращение агрессии: определение агрессии, принятое ООН в 1974 г.; утверждение правовых норм о запрещении пропаганды войны; формирование понятий преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности и признание их как тягчайших международных преступлений, направленных против мирового сообщества, основ международного права.

2. Формулирование в ходе Нюрнбергского процесса понятия преступлений против человечности и решения МВТ по этим вопросам содействовали разработке международно-правовых норм о защите прав человека в мирное время, о международном сотрудничестве в этой области: разработка в 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, значительного количества международных договоров в этой области, таких как Международные пакты о правах человека (1966 г.) – все это привело к тому, что ныне права человека являются не только внутренней, но и международной проблемой, а экономические и социальные права признаны всеми государствами столь же важными, как и политические, и гражданские, чего не было в 1948 г., когда разрабатывалась Всеобщая декларация прав человека. Достигнутый прогресс в этой области отвечает интересам населения всех стран.

3. Внедрение в международную практику и международное право принципа ответственности высших должностных лиц государств за планирование и совершение указанных преступлений,

причем ответственность распространяется на руководителей, организаторов и пособников. Они не освобождаются от ответственности, даже если действовали по распоряжению правительства или по приказу начальника. Срок давности в отношении таких преступлений не применяется. В дальнейшем это положение было развито и закреплено в специальной конвенции 1968 г. о неприменимости срока давности к подобным преступлениям. Под влиянием этих решений в международном праве возникла новая отрасль – международное уголовное право.

4. Разработка и совершенствование международно-правовых норм о защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, в том числе Гаагская конвенция 1954 г. о защите таких ценностей и протоколы к ней.

5. Развитие и совершенствование норм международного гуманитарного права о защите военнопленных, раненых и больных в сухопутной войне и в войне на море, о защите гражданского населения.

6. Появившиеся под влиянием Нюрнбергского процесса в международном праве принципы и нормы оказывали позитивное воздействие на развитие и совершенствование национального законодательства государств. Во всех странах появились нормы об ответственности за деяния, признаваемые тяжкими международными преступлениями [3, с. 111–115].

Выполнение международных обязательств зависит от согласованности международной и национальной правовых систем и влечет необходимость реализации правотворческих и правоприменительных усилий по выполнению норм международного права на национальном уровне. Механизм имплементации норм международного права на внутригосударственном уровне существует в каждом государстве.

Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. содержит специальный раздел (VI) относительно преступлений против мира, безопасности человечества и военных преступления, включающий среди прочего планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны, совершение военных преступлений, геноцида и др. Изданы законодательные акты о борьбе с терроризмом [4].

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях 2003 г. внесено дополнение (статья 17.10) об ответственности за пропаганду и (или) публичное демонстрирование, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики. Под нацистской символикой или атрибутикой следует понимать флаг, гимн, эмблему, вымпел, галстук, нагрудный и опознавательный знаки национал-социалистической рабочей партии Германии или их копии [5].

Заключение. Итоги Нюрнбергского и Токийского процессов оказали мощное влияние на развитие международного права. Белорусское уголовное законодательство отвечает последним требованиям прогрессивного развития международного гуманитарного права (международное обычное право, Римский статут Международного уголовного суда), для которых характерно широкое понимание содержания принципа универсальной юрисдикции. На Ялтинской конференции (1945 г.) «Большая тройка» – И. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль приняли принципиальные решения о будущем Германии, новых границах государств, ставших объектами агрессии со стороны Третьего рейха и его сателлитов. Принято решение разоружить и распустить все германские вооруженные силы, навсегда уничтожить германский Генеральный штаб, изъять и уничтожить все

германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства, подвергнуть всех преступников справедливому и быстрому наказанию, стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения, устранить всякое нацистское и милитаристическое влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа. Для поддержания мира и безопасности было решено создать Организацию Объединенных Наций.

В настоящее время считаем необходимым формировать и проводить международные научные исследования и проекты по темам Нюрнберга и их отражения в сегодняшней действительности, выносить их результаты на обсуждение научных форумов и конференций.

Литература

1. Калугин В. Ю., Акулов Д. В. Пресечение нарушений в механизме имплементации международного гуманитарного права. Минск: Тессей, 2004. 401с.
2. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: в сб. материалов / под общ. ред. Р. А. Руденко. М.: 1957–1961. Т. 7. С. 16–41.
3. Карташкин В. А. Права человека и международное гуманитарное право // Юрист-международник. 2006. № 2. С. 21–23.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Академия МВД, 2001.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Академия МВД, 2010.

References

1. Kalugin V. Yu., Akulov D. V. *Presecheniye narusheniy v mekhanizme implementatsii mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava* [Suppression of violations in the mechanism of implementation of international humanitarian law]. Minsk, Tessey Publ., 2004. 401p.
2. Rudenko R. A. Nuremberg trial of major German war criminals. *Sbornik materialov* [Collection of materials]. Moscow, vol. 7, 1957–1961, pp. 16–41 (In Russian).
3. Kartashkin V. A. Human rights and international humanitarian law. *Prava cheloveka i mezhdunarodnoye gumanitarnoye pravo* [Human Rights and International humanitarian law], 2006, no. 2, pp. 21–23 (In Russian).
4. *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'* [The Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk, Akademiya MVD Publ., 2001.
5. *Kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses]. Minsk, Akademiya MVD Publ., 2010.

Информация об авторах

Бородко Николай Петрович – доцент кафедры гражданского права и процесса. Частное учреждение образования «БИП-Институт правоведения» (220004, г. Минск, ул. Короля, 3, Республика Беларусь). E-mail: nicko2004@rambler.ru

Мисуно Марьян Иосифович – кандидат экономических наук, директор филиала БГТУ «Белорусский государственный колледж промышленности строительных материалов» (220052, г. Минск, ул. Гурского, 21, Республика Беларусь). E-mail: nicko2004@rambler.ru

Information about the authors

Borodko Nikolay Petrovich – Assistant Professor, the Department of Civil Law and Process. Private Institution of Education BIP-Institute of Law (3, Korolya str., 220004, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nicko2004@rambler.ru

Misuno Marian Iosifovich – PhD (Economy), Manager. Belarusian State College of Building Materials Industry (21, Gurskogo str., 220052, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nicko2004@rambler.ru

Поступила 02.03.2020

УДК 004.056.57:316.4

И. И. Дыдышко

Одесский колледж транспортных технологий (Украина)

СМЫСЛОСОРАЗМЕРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ

В статье содержание рефлексии «философия техники» раскрывается в двух аспектах: археологическом и методологическом. Первый аспект отражает движение технического интеллекта, основой которого выступает обыденный уровень познания. Второй аспект позиционирует себя через связь с возникшей наукой и ее методологическим инструментарием. Показан двойственный характер методологии, ее инструментальная и конструктивная составляющие. Объяснено содержание проектирования, аргументации, идеализации и моделирования при разработке современных технических артефактов.

Ключевые слова: техника, археология, методология, цивилизация, проектирование, аргументация, идеализация, моделирование, мышление.

I. I. Dydyszko

Odessa College of Transport Technology

MEANING OF THE METHODOLOGICAL COMPONENTS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN TECHNOLOGY

The article reveals the content of the reflection “the philosophy of technology” in two aspects: archaeological and methodological. The first aspect reflects the movement of technical intelligence, the basis of which is the ordinary level of knowledge. The second aspect positions itself through its connection with the emerging science and its methodological tools. The dual nature of the methodology its instrumental and constructive components are shown. The contents of the design, argumentation, idealization and modeling in the development of modern technical artifacts are explained.

Key words: technology, archeology, methodology, civilization, design, argumentation, idealization, modeling, thinking.

Введение. Современный этап общественного развития характеризуется не просто усилением динамики развития всех сфер бытия человечества, а радикальными его переориентациями, обусловленными, во-первых, переходом к новому типу цивилизационного устройства человечества – информационному; во-вторых, геополитическими реалиями глобализации современного мира. Сегодня эти переориентации в своем единстве находятся в эпицентре проблем всего комплекса научного знания. Если становление новой цивилизации отражает прогрессивный, поступательный характер развития человечества, отражающий качественное преобразование всех сторон общественной жизни, и в этом содержится больше позитивного, то глобализация, вызвавшая к жизни столкновение политических, экономических, финансовых, социокультурных интересов ведущих стран мира, содержит большой негатив в виде глобальных рисков. Эти риски представляют собой «потенциальные угрозы мировому сообществу, проистекающие из нерешенных противоречий общественного развития на глобальном уровне» [1, с. 14]. И снижать сегодня степень глобальных рисков одними увещаниями невозможно, необходим высокий уровень технического развития конкретного

общества. И афоризм «силе всегда надо противопоставлять силу» заставляет страны ускорить темпы развития техники, особенно в военной сфере.

Развитие технических артефактов в истории человечества – это особый срез объяснения природы и сущности человека. И если исходить из утверждения Протагора, что «человек есть мера всех вещей», то значимость его технической деятельности сильно возрастает, поскольку по созданным Homo Sapiensom артефактам наука имеет возможность определить возраст человечества, это с одной стороны. А с другой – движение его технического интеллекта дает возможность согласиться с утверждением В. Г. Горохова, что «человек существо техническое». И остановить процесс развития его технических интересов и потребностей невозможно.

К исследованию сущности и роли техники в общественном развитии обращались и обращаются многие исследователи: Капп Э., Энгельмейер П. К., Дессауэр Ф., Буссе К., Агасси Д., Митчам К., Сколимовски Г., Ортега-и-Гассет, Рело Ф., Юнгер Ф., Ленк Х., Мамфорд М., Фукуяма Ф., Бабосов Е. М., Горохов В. Г., Котенко В. П., Кудрин Б. И., Кутырев В. А., Назаретян А. П., Мелещенко Ю. С., Панарин А. С.,

Попкова Н. В., Розин В. М., Степин В. С. и многие др.

Несмотря на позднее оформление в структуре философии ее новой рефлексии – «философии техники» (1877 г.), она быстрыми темпами развертывает ареал своих исследований, начиная с 60-х гг. XX в., в связи с развернувшейся в социотехническом пространстве научно-технической революцией.

Основная часть. Философия, постоянно расширяя смысловое поле познания природной и социальной реальности, в конце XIX в. оформляет в виде специального исследования новый тип своей рефлексии – «философию техники». Вначале исследуется ее роль в общественном развитии, затем началось бурное разъяснение ее сущности как технического артефакта, а затем обратились к исследованию ее социальных последствий.

История техники пестрит и реальными негативными примерами, и гениальными предвидениями последствий развития техники. В качестве негативного примера можно отметить движение луддитов в Англии, выступивших против применения машин в ходе промышленного переворота в этой стране (конец XVII – начало XIX в.). Гениальное предвидение негативных последствий развития железнодорожного транспорта (Николаевская железная дорога, связавшая Москву и Петербург, была открыта в 1851 г.) обнаруживается у Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» – ее гибель от этого вида техники. Вряд ли можно выяснить количества последующих жертв данного вида технического прогресса не только в мире, но и в одной отдельно взятой стране, обладающей большим количеством железнодорожных веток. О негативизме социальных последствий научно-технического прогресса на экологию планеты указывают П. А. Водопьянов и В. С. Крисаченко. Вначале они отмечают, что этот прогресс «принес несомненные блага для человечества: позволил человеку обеспечить высокое качество жизни, существенно повысить продуктивность сельского хозяйства, создать современные технологии, существенно усовершенствовать средства коммуникаций и перемещений, избавиться от множества заболеваний, добиться успехов в использовании ресурсов природы. И далее они отмечают, что «вместе с тем научно-технический прогресс имеет и свои отрицательные стороны, угрожающие существованию человека. В первую очередь, это касается опасности термоядерной войны вследствие использования атомного и термоядерного оружия, угрозы применения химического и бактериологического оружия, отравления природной среды промышленными отходами, в особенности радиоактивными,

психологических нарушений и перегрузок в условиях урбанизации и т. д. Эти и другие последствия достижений науки и техники приводят во многих случаях к деградации природы и являются свидетельством того, что именно человек может дойти до массового самоубийства, а заодно уничтожить и все иные формы жизни» [2, с. 263].

Исследование философии техники как особого типа философской рефлексии дало возможность выделить в ее содержании В. Г. Горохову две основные составляющие. «Философия техники, – пишет он, – является в значительной своей части археологией технических знаний, если она обращена в прошлое, и методологией технических знаний, если она обращена в настоящее и будущее» [3, с. 122].

Если анализировать археологический аспект, связанный с деятельностью по производству технических артефактов, то можно уйти к границе, когда в одном субстрате, помимо биологической составляющей, возникает социальная, ведь, как отмечалось выше, Homo Sapiens – «существо техническое». Что же касается передачи технических знаний потомкам, то, как считает Ф. Фернандо-Арместро, обнаруженные в Испании артефакты не меняли свою технологию производства в течение 500 лет. И на протяжении технического бытия человечества, практически вплоть до XVI в. технические знания и технологии передавались по принципу научения – «делай как я», ареалом их бытия и развития был обыденный уровень познания.

Даже со становлением системы теоретического знания, коренной излом в ее содержании не затрагивает «техне», поскольку оно затрагивало и технику, и технологическое знание, и искусство, и, конечно же, ремесло. «Техне, – отмечает А. Ф. Лосев, – это, во-первых, ремесло, во-вторых, искусство, и, в третьих, наука...», которую древний грек понимает практически» [4, с. 107].

Нейтральный характер технической деятельности по отношению к техническому прогрессу был характерен для эпохи Средневековья. Отдельные изобретения трактовались как подражание самой природе, поскольку они «не шли наперекор естественному ходу вещей, а были направлены только на ускорение или замедление природного процесса, исходили из него, приспосабливались к нему, лишь кое-что в нем подправляя, применительно к потребностям человека» [5, с. 16].

В настоящее время методологический инструментальный технических наук, обращенный в настоящее и будущее, выходит на первый план по отношению к археологии технического знания. «Методология опирается на нормативно-рациональные основания, – отмечает

Т. Г. Лешкевич, – и понимается двояко, во-первых, как система принципов и способов организации теоретической и практической деятельности, и, во-вторых, как знание этой системы» [6, с. 350]. Методология регулирует и направляет познавательный процесс с учетом как современного уровня знаний, так и исследовательских интересов субъекта познания. В ней выделяется две составляющие: «инструментальная, где формируются требования, которые обеспечивают протекание мыслительных и практических операций, определяется не содержание, а ход мысли и действия; конструктивная, направленная на приращение знания, получение нового содержания» [6, с. 350]. Здесь конструктивная составляющая отражает процесс теоретизирования в науке. «Теоретизирование в технических науках характеризуется сознательной модельной установкой. Его практика состоит в поиске и научном обосновании способов и средств идеализации познавательных задач в сфере инженерной деятельности» [7, с. 493].

Помимо эмпирических, теоретических методов, форм научного познания, а также современных методологических инноваций, используемых в технических науках, в их содержании главенствующую роль играют проектирование, абстрагирование, идеализация, моделирование технических артефактов. Они отражают исследовательскую деятельность субъекта. Основой этой деятельности выступает мышление, которое связано с языком как материальной оболочкой мысли. Язык, выполняя экспрессивную функцию, облекает мысль в строгую логическую форму и в этом плане он представляет собой непосредственную действительность мысли.

Технические науки... «обеспечивают инженеров знаниями, необходимыми для расчетно-проектировочной деятельности, что позволяет, с одной стороны, определять функциональные, конструктивные и иные параметры создаваемых объектов, а с другой – структурирует саму процедуру разработки технических устройств и технологических процессов» [7, с. 235].

Что же представляет собой проектирование? Это процесс создания проекта – прототипа, прообраза предполагаемого или возможного технического артефакта. Эти спроектированные артефакты коренным образом отличаются от будущих реальных тем, что они более «сжаты», жестко организованы и менее расплывчаты. Они подчинены определенной цели, сознательно созданы для того, чтобы содержать максимальное количество информации по проектируемому артефакту. Это обеспечивается проектировщиком различными символами, знаками, условных таблиц, при помощи которых он однозначно выражает строгое определенное содержание проекта.

Этим данные семиотические категории способствуют строгости и точности мышления проектировщика в целом. Они не связаны с наглядными артефактами, помимо той наглядности, которая присуща им самим как графическим знакам и символам. Это обстоятельство создает простор для абстрактной мысли. Кроме того, оперирование такими знаками дает познанию крайне сжатый, сокращенный способ движения мысли, что является, несомненно, неопределимым преимуществом. Пользование научными семиотическими знаниями позволяет выражать сущность будущего проектируемого артефакта в своеобразно кодированном виде через систему отношений, которая подвергается преобразованию с помощью разработанных наукой методов. Благодаря этому в высокой степени возрастает относительная самостоятельность научного мышления, его способность проникать через барьер, отделяющий проект от реального артефакта.

В данном случае на помощь проектированию приходит абстрагирование. Абстрагирование – формирование образов реальности посредством отвлечения и пополнения, т. е. путем использования лишь части из множества соответствующих данных и прибавление к этой части новой информации, не вытекающей из этих данных. Абстрагирование упрощает задачу познания. Однако научное абстрагирование предполагает не только умение упрощать ситуацию, но и усмотрение в результатах отвлечения информации, необходимой для общего метода решения множества однотипных задач, предсказания последствий экспериментов, проектирования, прогнозирования теоретической и практической деятельности. Абстрагирование предстает как обобщенный образ, в котором определенная контекстуальная свобода обязательно сочетается с информационной полнотой об объекте (техническом артефакте). Различение абстракций и предметов практического действия явилось предпосылкой постановки гносеологической проблемы отношения знания и объективной реальности, позволяющей выделить на этой основе два типа абстракций – реальных и идеализированных.

Абстракции, применяемые к непосредственно чувственным данным, результаты которых могут быть осмыслены на материальных моделях, называются реальными. В этом плане «абстрактные объекты технической теории являются, – утверждает В. П. Огородников, – «однородными» в том смысле, что собраны из некоторого фиксированного набора блоков по определенным правилам «сборки». Например, в электротехнике таковыми являются емкости, индуктивности, сопротивления» [8, с. 330]. Остальные – идеализациями, т. е. они обязательно входят в состав теоретических

схем, проектов математизированных и семиотических теорий.

Идеализация представляет собой процесс мыслительного конструирования понятий о технических артефактах и технологических процессах, не существующих в реальности, но таких, для которых имеются прообразы в реальности («идеальный газ», «абсолютно твердое тело», «вечный двигатель» и др.). Идеализация позволяет формулировать законы, строить абстрактные схемы реальных явлений и процессов. Критерием ее истинности и эвристичности служит практика. Идеализация наделяет мысленно объект качествами, свойственными идеалу как образцу, нечеловеческому, что позволяет исследователю улучшать не только качество содержания технического артефакта, но и его внешнее оформление.

Техническое знание и техническая практика тесно связаны с моделированием. Основным понятием здесь является модель, выступающая как описание (теоретический аспект) и как процесс воплощения мысли в предметную реальность, аналоговую будущему техническому артефакту. Моделирование представляет собой процесс исследования технических объектов путем построения и познания их моделей, использование моделей для определения и уточнения характеристик и рационализации способов построения вновь конструируемых объектов. Моделирование как метод познания реализует себя в двух формах – предметное и знаковое. Предметное моделирование предполагает функциональное исследование технического артефакта на моделях, воспроизводящих основные свойства физического, динамического или функционального характера. Знаковое моделирование строится на моделях, в которых основой познания являются схемы, чертежи, формулы и другие идеализированные формы. Здесь важнейшей формой выступает логико-математическое моделирование, производимое выразительными и дедуктивными средствами логики и математики.

Моделирование предполагает использование процессов абстрагирования и идеализации. Эти его особенности существенны в том случае, когда предметом моделирования являются сложные технические системы, поведение кото-

рых зависит от большого числа взаимосвязанных факторов различной природы (физических, технологических и др.). В ходе исследования такие системы отображаются в разных моделях, дополняющих друг друга.

В технических науках моделирование глубоко проникает и в теоретическое мышление, и в практическую деятельность. Это не только одно из средств отображения предметов технической реальности, но и критерий проверки технических знаний на научность.

Однако и проектирование, и абстрагирование, и идеализация, и моделирование в разной степени отражают в своем содержании прогностический аспект. Техническое прогнозирование базируется на опережающей форме отражения действительности. Эта познавательная деятельность направлена на создание вероятностных сценариев технических артефактов, которые могут быть реализованы в будущем по отношению к уже существующим и которые внедрены в практическую деятельность человека.

Заключение. Несомненно, исследование сущности и социальной значимости техники в общественном развитии – это большой позитив такой рефлексии, как «философия техники». Сегодня необходимо исследование археологии технического знания, ведь наука идет вперед, постоянно оглядываясь назад.

Однако ведущая роль в развитии технического знания и технических наук принадлежит методологическому аспекту. Благодаря ему теория технических артефактов выражает свой креативный и эвристический потенциал, раскрывает свой богатый внутренний потенциал. И в этом отношении, как утверждает В. Г. Горохов, его мышление должно носить конструктивный, критический характер. Философская критика «есть мысль субъекта о реалиях бытия. В этом плане она есть форма движения знания, момент развития познания, это элемент познания, слагаемое познания. Она может выступать в форме проверки знания на научность, уточнения и корреляции их, способов вывода позитивных сомнений в истине, фактором развития относительной истины» [9, с. 9]. Только специалист, обладающий таким мышлением и вооруженный вышеуказанной методологией, способен творить новое в технике.

Литература

1. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. 512 с.
2. Водопьянов П. А., Крисаченко В. С. Стратегия бытия человечества. Минск: Беларуская навука, 2018. 306 с.
3. Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук. М.: Гардарики, 2007. 335 с.
4. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: ИПЛ, 1988. 366 с.
5. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1987. 447 с.
6. Лешкевич Т. Г. Философия и теория познания. М.: ИНФРА-М, 2013. 408 с.

7. Котенко В. П. История и философия технической реальности. М.: Академический проект: Трикста, 2009. 623 с.
8. Огородников В. П. История и философия науки. СПб.: Питер, 2011. 352 с.
9. Пунченко О. П. Гносеологические основания философской критики. Одесса: Астропринт, 2000. 192 с.

References

1. Chumakov A. N. *Global'nyy mir: stolknoveniye interesov* [Global World: Conflict of Interest]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 512 p.
2. Vodop'yanov P. A., Krisachenko V. S. *Strategiya bytiya chelovechestva* [The strategy of human being]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2018. 306 p.
3. Gorokhov V. G. *Osnovy filosofii tekhniki i tekhnicheskikh nauk* [Fundamentals of the philosophy for technology and technical sciences]. Moscow, Gardariki Publ., 2007. 335 p.
4. Losev A. F. *Derzaniye dukha* [Daring of the Spirit]. Moscow, IPL Publ., 1988. 366 p.
5. Gaydenko P. P. *Evolyutsiya ponyatiya nauki (XVII–XVIII vv.)* [Evolution of the concept of science (XVII – XVIII centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 447 p.
6. Leshkevich T. G. *Filosofiya i teoriya poznaniya* [Philosophy and theory of knowledge]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 408 p.
7. Kotenko V. P. *Istoriya i filosofiya tekhnicheskoy real'nosti* [History and philosophy of technical reality]. Moscow, Akademicheskii proyekt: Triksta Publ., 2009. 623 p.
8. Ogorodnikov V. P. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 352 p.
9. Punchenko O. P. *Gnoseologicheskiye osnovaniya filosofskoy kritiki* [The epistemological foundations of philosophical criticism]. Odessa, Astroprint Publ., 2000. 192 p.

Информация об авторе

Дыдышко Иосиф Иосифович – кандидат философских наук, доцент, директор. Одесский колледж транспортных технологий (65005, г. Одесса, пл. Алексеевская, 17, Украина). E-mail: d_ii@ukr.net

Information about the author

Dydyshko Iosif Iosifovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Director. Odessa College of Transport Technology (17, Alekseevskaya Sq., 65005, Odessa, Ukraine). E-mail: d_ii@ukr.net

Поступила 10.02.2020

УДК 930.1

О. А. Матусевич

Белорусский государственный технологический университет

**ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ АРХАИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Статья посвящена анализу взаимосвязи процесса архаизации общества и исторического сознания. Данная работа представляет собой попытку оценить роль и значение исторического сознания в трансформациях общества, связанных с посткоммунистическим транзитом. Архаизация общества приводит к неприятию ревизии устоявшейся картины прошлого, активизации исторической политики, институализированной селекции прошлого, принятию мемориального законодательства. Состояние исторического сознания в постсоветском регионе можно охарактеризовать противоборством традиционного, модернистского и постмодернистского восприятия прошлого. Архаизация массовых представлений о прошлом сопровождается усилением в историческом сознании черт, характерных для традиционных обществ. В результате нарастающей архаизации общество возвращается к старым историческим нарративам, которые оправдали себя в прошлом (объясняли, легитимировали и регулировали), но они были сформированы в более простых условиях и не выполняют свои функции в новой ситуации. Автор отмечает, что взаимовлияние процесса архаизации общества и исторического сознания носит двоякий характер. С одной стороны, процесс архаизации можно наблюдать в функционировании непосредственно исторического сознания (упрощение и стереотипизация оценок, рост эмоциональности дискурса, псевдонаучность, героизация и идеализация прошлого). С другой стороны, историческое сознание является идеологическим фундаментом архаизации социальных отношений, поставляя объяснительные модели и легитимируя в глазах общественности ретроспективный поворот.

Ключевые слова: историческое сознание, архаизация, посткоммунистический транзит, исторический нарратив.

О. А. Matusevich

Belarusian State Technological University

**SIGNIFICANCE OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS
DURING THE ARCHAIZATION OF SOCIETY**

The article is devoted to the analysis of the relationship between process of the archaization of society and historical consciousness. The article is an attempt to assess the role and significance of historical consciousness in the transformations of society associated with post-communist transit. The processes of primitivization, irrationalization and mythologization of public consciousness caused by archaization change the working conditions of historians. Archaization of society leads to a rejection of the revision of the established patterns of the past, the intensification of historical policy, institutionalized selection of the past, and the adoption of memorial legislation. The state of historical consciousness in the post-Soviet region can be characterized by the confrontation of the traditional, modernist and postmodern perceptions of the past. The archaization of social representations of the past is accompanied by an increase of the features specific to the historical consciousness of traditional societies. As a result of growing archaization, society returns to old historical narratives that justified themselves in the past (explained, legitimized and regulated social relations), but they were formed in simpler conditions and would not fulfill their functions in the new situation. The author notes that the mutual influence of the process of archaization of society and historical consciousness is twofold. On the one hand, the process of archaization can be observed directly in the functioning of historical consciousness (simplification and stereotyping of assessments, growth of emotionality of discourse, pseudoscience, heroization and idealization of the past). On the other hand, historical consciousness is the ideological foundation of the archaization of social relations, providing explanatory models and legitimizing political decisions.

Key words: historical consciousness, archaization, post-communist transit, historical narrative.

Введение. Трансформационные процессы, которые сопровождают посткоммунистический транзит, создают ситуацию информационной, ценностной и прогностической неопределенности, что может принимать весьма болезненные

формы деформации общественного сознания. Отмечается рост массовых иррациональных страхов перед происходящими сложно прогнозируемыми изменениями, девальвация научного знания, и как следствие происходит клерикализация общества,

растет популярность конспирологии, оккультизма и эзотерики, распространяются лженаучные представления. Все вышеперечисленные явления характеризуют процесс архаизации общества, на который особое внимание обратил российский философ Ахиезер А. С. В статье предпринимается попытка на основе подхода А. С. Ахиезера оценить роль и значение исторического сознания в трансформациях общества, связанных с посткоммунистическим транзитом, который порождает новую волну архаизации социальных отношений.

Основная часть. С точки зрения А. С. Ахиезера, «архаизация выступает как форма регресса» [1, с. 90]. По сути, «архаизация – это масштабная реверсивная актуализация в общественном сознании установок на иррациональные и примитивизированные схемы восприятия, понимания и объяснения социального мира» [2, с. 66]. Таким образом, архаизация активно навязывает те идеи и модели поведения, которые неадекватны новым социальным условиям.

Согласно концепции А. С. Ахиезера, неудачное реформирование общества, при котором не соответствуют ожиданиям людей, приводит к тому, что социальный мир становится для людей дискомфортным, это побуждает их к пассивному сопротивлению и дезорганизации. При этом архаизация может выполнять адаптационную и компенсаторную функции на этапе кризиса, дает людям ощущение стабильности в переходные периоды. При нормальном ходе трансформационных процессов архаизация является лишь временным упрощением социальной жизни, но в отдельных случаях упрощение становится системным и приводит к отрицательным последствиям [2, с. 65, 66].

В период кризиса в публичном пространстве проявляется склонность людей к ностальгии по прошлому, которое воспринимается как завершенное, а потому устойчивое и стабильное. Эта склонность используется в политических целях для легитимации прежней властной структуры или конструирования национальной идентичности, когда прошлое представляется в гиперболизированной и мифологизированной форме, активно эксплуатируется идея «золотого века». В условиях болезненного отношения значительной части населения к происходящим преобразованиям архаизация в постсоветских странах принимает форму «вытеснения в нынешнем дискурсе власти разговоров о реформах концептом «славного прошлого»» [3, с. 106]. Обращение к мифологизированному прошлому связано со стремлением к формированию картины мира, которая могла бы удовлетворить запрос на искоренение катастрофических изменений в обществе, социальные смыслы начинают

выводить «путем сличения с культурным прецедентом» [4], что должно легитимировать ретроспективный поворот социальных отношений.

Вызванные архаизацией процессы примитивизации, иррационализаций и мифологизации общественного сознания изменяют условия работы историков. Политизация прошлого в сочетании с архаизацией исторического сознания приводит к неприятию ревизии устоявшейся картины прошлого или изучению «белых пятен» и «неудобных» событий истории, к ограничению доступа к архивам. Такая ситуация способствует увеличению разрыва между научным и обыденным уровнями исторического сознания, что создает почву для формирования остро конкурирующих социальных памятей.

Ввиду большого социального потенциала архаизации, который определяется значительностью массы ее носителей, может происходить проникновение архаизации в государство вплоть до превращения его в орудие архаизации, что можно наблюдать в проводимой на постсоветском пространстве исторической политике. Во многих бывших советских республиках и странах Варшавского договора возобладала целенаправленная деятельность элит по формированию коллективной памяти, которая предусматривает институализированную селекцию прошлого в поддержку внутренней и внешней политики государства. Стремление контролировать образ прошлого в общественном сознании приводит к появлению мемориального законодательства, что серьезно ограничивает возможность публичной дискуссии на исторические темы, табуирует определенные темы и точки зрения. Проведение активной исторической политики ведет к перманентным «боям за историю» внутри стран и за их пределами.

В результате волны архаизации исторического сознания исчезает способность к критическому анализу прошлого, растет нетерпимость к инакомыслию и вариативности оценок. Общество не рационализирует опыт прошлого и не опознает в своем прошлом причины и источники нынешних социальных проблем и политических потрясений. Историю начинают использовать для поиска виновников дискомфортных социальных изменений. Упрощения в публичном историческом дискурсе происходят путем бинарных оппозиций «черное – белое», «свой – чужой». В таких условиях аргументация заменяется оценочными суждениями. Обращение к архаике способствует не только усилению косности исторического сознания, но и формированию каноничности восприятия картины прошлого вплоть до сакрализации отдельных событий истории и исторических личностей, а также росту значения символизма, когда исторические

символы (зачастую специально сконструированные) начинают играть важнейшую роль в публичном пространстве, в том числе для манифестации политической позиции в отношении актуальных событий. Архаизация исторического сознания создает культурную основу для принятия политических решений и часто служит их единственным обоснованием.

В ситуации краха советского проекта и становления национальных государств происходит обращение к истории, чаще мифологизированной и героизированной древности, которая воспринимается как наиболее удобный источник национальной идентичности. Изобретение архаики, порождение псевдоистории, «удревление» культуры являются в наше время результатом процесса архаизации посредством целенаправленной интеллектуальной деятельности в условиях кризиса идентичности.

Состояние исторического сознания в постсоветском регионе можно охарактеризовать противоборством традиционного, модернистского и постмодернистского восприятия прошлого. Процесс архаизации исторического сознания характеризуется усилением признаков, свойственных традиционному обществу: транслировать необходимо великие события; исторической памяти приписывается морально обязывающее действие; прошлому отдается приоритет над настоящим по принципу «раньше было лучше»; укрепляется аксиологическая убежденность в ценности прошлого; формируется установка на сохранение прошлого в аутентичном виде, «соответственно любой «пересмотр истории» оказывается опасным, разрушающим идентичность социальной структуры» [5]. Модерное восприятие истории меняет ценностный вектор на противоположный – «раньше было хуже», обращение к прошлому призвано осудить зло, коренящееся в прошлом, чтобы произвести социальные перемены. «Историческая память в культуре модерна становится мощным инструментом преобразования» [5]. Для общества постмодерна характерны множественность интерпретаций, безоценочное и в силу этого бесконфликтное отношение к истории. «Плюралистическая мозаичная культура постмодерна отказывается от селекции исторических фактов по их значимости, нивелируя различия между великими историческими событиями и фактами биографий частных лиц. Пестуя многообразие, она отказывается от оценочных суждений в отношении прошлого, в котором во все времена существовали многообразные формы блага и зла» [5]. Таким образом, в публичных дискуссиях на историческую тематику можно наблюдать у представителей так называемого консервативного направления преобладание именно традиционного подхода

к пониманию истории, для либерально настроенной общественности характерен модернистский взгляд на прошлое и в меньшей степени постмодернистский подход, который, на наш взгляд, чаще встречается в научном сообществе.

На постсоветском пространстве яблоком раздора этих трех подходов к истории стало до реформенное советское прошлое, а в эпицентре споров – Великая Отечественная война и личность Сталина. Традиционное направление воспринимает советское время как «золотой век» и сакрализирует события Великой Отечественной войны в советском прочтении, весьма болезненно реагируя на иные трактовки истории. Модернистский подход акцентирует внимание на теме репрессий, ошибок в управлении СССР, в том числе в период войны, особо подчеркивая причины военного провала на начальном этапе военных действий. В свою очередь научное сообщество в основе своей ушло от написания больших национальных нарративов, отдавая предпочтение демонстрации полифонии прошлого (микроистория, устная история, *memory studies* и др.), и, как отмечал Поль Рикёр, историю событий все больше превращается в историю интерпретаций.

В результате нарастающей архаизации начинает преобладать традиционный подход к прошлому, общество возвращается к старым историческим нарративам, которые оправдали себя в прошлом (объясняли, легитимировали и регулировали), но они были сформированы в более простых условиях и не выполняют свои функции в новой ситуации. Поэтому архаизация – это реакция общества, а не способ решения накопившихся противоречий. Архаизация исторического сознания, если перефразировать А. С. Ахиезера, это процесс, в ходе которого образовавшийся вакуум исторической памяти заполняется отжившими формами исторического нарратива и историческими мифами. Однако явления, характеризующие архаизацию, воспринимаются в обществе как нравственно оправданная реакция, призванная восстановить нарушенный порядок. Но несмотря на выполнение в периоды кризиса адаптивной и компенсаторной функций, архаизация несет серьезные риски, поскольку некритичная обращенность в прошлое приводит к фактическому отказу от анализа причин актуальных проблем и прогноза развития социума, потому что архаизация вызвана ожиданиями восстановления прежних норм общественных отношений.

Заключение. Одной из главных причин архаизации социальных отношений и общественного сознания служит кардинальная смена привычных ориентиров в транзитивном обществе. Разочаровавшись в настоящем, разуверившись в будущем, в условиях низкой социальной адаптивности

ущемленные социальные группы стараются найти себе некие «реперные» точки в прошлом. Поэтому архаизация основана на чувстве социальной ностальгии, когда настоящее оценивается негативно благодаря мифу, которому приписаны отчасти реальные и выдуманные характеристики прошлого, выступающего предметом идеализации. Процесс архаизации можно наблюдать непосредственно в функционировании исторического сознания (упрощение и

стереотипизация оценок, рост эмоциональности дискурса, псевдонаучность, героизация и идеализация прошлого). Архаизация предполагает преобладание в обыденном историческом сознании традиционного восприятия событий прошлого. С другой стороны, историческое сознание является идеологическим фундаментом архаизации социальных отношений, поставляя объяснительные модели и легитимируя в глазах общественности ретроспективный поворот.

Литература

1. Ахиезер А. С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 1. С 89–100.
2. Катруха Е. В. Теоретико-методологические основания исследования архаизации общественного сознания // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2018. С. 63–68.
3. Мариненко Я. С. Тенденция архаизации российского общественного сознания в свете акций Александра Бренера и Pussy Riot // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 105–107.
4. Исаков А. Л., Ермоленко В. В. Моделирование архаизации политического процесса как методологическая проблема социально-гуманитарного знания // Инженерный вестник Дона. 2011. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/506> (дата обращения: 08.02.2020).
5. Беляева Е. В. Безопасное историческое сознание // Strategia supravietuirii din perspectiva bioeticii, filosofiei și medicinei / Culegere de articole științifice cu participare internațională. Vol. 21/ Red. responsabil dr. hab. în filosofie, prof. univ. Teodor N. Țirdea. Chișinău, 2015. P. 150–154 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by> (дата обращения: 08.02.2020).

References

1. Akhiezer A. S. Archaization as a category of social sciences (on the experience of Russia). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2001, vol. IV, no. 1, pp. 89–100 (In Russian).
2. Katrukha E. V. Theoretical and methodological foundations of the study of archaization of public consciousness. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina* [Bulletin of the Kharkiv National University by V. N. Karazin], 2018, pp. 63–68.
3. Marinenko Ya. S. The tendency to archaize Russian public consciousness in the light of shares of Alexander Brener and Pussy Riot. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 420, pp. 105–107 (In Russian).
4. Isakov A. L., Ermolenko V. V. Modeling the archaization of the political process as a methodological problem of social and humanitarian knowledge. *Inzhenernyy vestnik Dona* [Engineering Bulletin of Don], 2011, no. 3. Available at: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2011/506> (accessed 08.02.2020).
5. Belyaeva E. V. Safe historical consciousness. *Strategia supravietuirii din perspectiva bioeticii, filosofiei și medicinei / Culegere de articole științifice cu participare internațională. Vol. 21/ Red. responsabil dr. hab. în filosofie, prof. univ. Teodor N. Țirdea. Chișinău, 2015, pp. 150–154. Available at: <http://elib.bsu.by> (accessed 08.02.2020).*

Информация об авторе

Матусевич Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Information about the author

Matusevich Ol'ga Aleksandrovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Поступила 10.03.2020

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

ПРАВОСЛАВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ БИОЭТИКИ

В статье показано, что современная православная церковь принимает активное участие в обсуждении злободневных проблем этического характера, в особенности биоэтики и медицинской этики. Церковные идеологи интерпретируют эти вопросы в рамках православной догматики, всячески отстаивают принцип провиденциализма. Выявлено, что православие становится более приспособленным к обновлению социальных взглядов, к социальным проблемам современности. Церковь стремится противостоять дегуманизации общественных отношений, она признает достижения современной медицины, но высказывает сомнения в том, что наука способна решить все проблемы. Церковь также осуждает абсолютизацию индивидуальной свободы в решении вопросов жизни и смерти. Выявлено, что религиозная мораль становится более приспособленной к социальным интересам современного общества.

Ключевые слова: православие, церковь, социальное служение, христианские ценности, общество, биоэтика, духовный кризис.

N. M. Kozhich

Belarusian state technological university

ORTHODOX INTERPRETATION OF THE BASIC PROBLEMS OF BIOETHICS

The article shows that the modern Orthodox Church takes an active part in the discussion of topical issues of an ethical nature, especially bioethics and medical ethics. Church ideologists interpret these issues within the framework of Orthodox dogma, strongly advocate the principle of providence. It is revealed that Orthodoxy is becoming more adapted to the social problems of our time for the renewal of social views. The church seeks to counter the dehumanization of social relations, it recognizes the achievements of modern medicine, but expresses doubts that science is able to solve all problems. The Church also condemns the absolutization of individual freedom in resolving issues of life and death. It is revealed that religious morality is becoming more adapted to the social interests of modern society.

Key words: Orthodoxy, church, social ministry, Christian values, society, bioethics, spiritual crisis.

Введение. В настоящее время большую актуальность приобретают вопросы биоэтики, которая включает в себя широкий спектр проблем, например суррогатное материнство, эвтаназия, трансплантология и др. Это обусловлено рядом обстоятельств, связанных с трансформацией сознания и образа жизни современного общества, а также с ускорением социальных процессов. Данные проблемы являются наименее изученными, так как большинство из них возникло сравнительно недавно. Их решение представляется достаточно сложным и многовариантным. Важно отметить, что при попытке учесть разные точки зрения создается ситуация, которая в этике обозначается как нравственный конфликт. Это означает, что стремление выполнить одну моральную норму порождает нарушение другой нормы. Таким образом, однозначного ответа не существует. Тем не менее люди нуждаются в конкретном выборе в процессе своей жизнедеятельности, который при этом обусловлен определенной системой ценностей. По этой причине актуальным будет рассмотрение вопросов биоэтики в интерпретации православия, которое позиционирует себя

в качестве важной составляющей в духовном возрождении современного общества.

Основная часть. Как известно, биоэтика рассматривает отношение человека к биосу, предполагает защиту всего живого, а также жизни и здоровья человека. Многие исследования в области биологии и медицины требуют нравственной определенности в отношении проблем жизни и смерти. Например, одной из обсуждаемых проблем является эвтаназия как практика прекращения жизни человека, который вследствие неизлечимого заболевания испытывает невыносимые физические страдания. Различают два вида эвтаназии: активную и пассивную. Первая предполагает прекращение поддерживающей терапии, а вторая представляет собой введение специальных препаратов, вызывающих быструю и безболезненную смерть. Второй вид эвтаназии часто рассматривают как самоубийство с врачебной помощью. Считается, что эвтаназия должна осуществляться по просьбе самого больного, но если человек находится в бессознательном состоянии, то может быть применена и недобровольная эвтаназия. Во многих западных странах, например некоторых

штатах США, Канаде, Нидерландах, Бельгии, Люксембурге и других эвтаназия легализована. Она рассматривается как гуманистическая деятельность, при этом считается, что жизнь не имеет самостоятельной ценности, если в ней преобладают отрицательные эмоции. Именно качество жизни является ведущим принципом современной западной медицины. Кроме того, как известно, поддержание жизни неизлечимо тяжелобольного человека требует значительных финансовых затрат. Противники эвтаназии, напротив, заявляют, что легализация эвтаназии приведет к массовым злоупотреблениям и обесцениванию жизни. В Республике Беларусь, Российской Федерации и других странах постсоветского пространства эвтаназия запрещена. Однако эта проблема не теряет актуальности в силу мировоззренческого плюрализма современного общества. Православная церковь к эвтаназии относится резко отрицательно. В Основах социальной концепции сказано, что церковь «не может признать нравственно приемлемыми распространённые ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии... Просьба больного об ускорении смерти подчас обусловлена состоянием депрессии, лишаящим его возможности правильно оценивать свое положение... «Право на смерть» легко может обернуться угрозой для жизни пациентов, на лечение которых недостает денежных средств» [1]. Из-за легализации эвтаназии у людей не будет стимула искать новые способы лечения болезней и облегчения страдания. Религиозные идеологи утверждают, что церковь также противостоит «определённой идеологии, к которой относится уже сложившийся термин «культура смерти»... Почему человек не может сам принимать решение, когда ему умереть?... потому что грань между «решением, которое сам принял», и решением, до которого его довели», является крайне нечёткой... не только чисто физическое, но и психологическое давление может сильно влиять на решение человека – и когда он находится полностью во власти других, им нетрудно убедить его выразить согласие на эвтаназию. «Право на смерть» естественно переходит в «обязанность умереть» [2]. В христианской философии с момента ее возникновения появился вопрос о природе зла и страдания, поскольку их наличие ставило под сомнение сущность самого Бога как абсолютного блага, творца совершенного мира. Это привело к появлению так называемых теодицей, т. е. представлений, которые снимают с него ответственность за существование зла в мире. Само понятие «теодицея» было введено Лейбницем. Философ утверждал, что все происходящее приведет только к лучшему. Зло есть необходимое условие для осознания человеком добра. Теодицей

также можно считать взгляды христианского богослова-философа Аврелия Августина. Он утверждал, что зло – это следствие человеческого греха, отклонение от добра, Бога. С общехристианской точки зрения зло рассматривается как испытание, посланное Всевышним для покаяния и укрепления веры и силы духа людей. Также считается, что если Бог и напрасно испытывает человека, то последний получит награду за страдания в загробной жизни. Таким образом, душевные и физические страдания неизбежны, а достойное их переживание оценивается как религиозно-нравственный подвиг. Церковь по-прежнему проповедует спасение души, от верующих требует покаяния в грехах, смирения, покорности, пребывания в молитве и постах. В этой связи стремление избежать страдания путем эвтаназии рассматривается как богоборчество. Православная церковь видит в больном человеке самоубийцу, а врача, помогающего уйти из жизни, отождествляет с убийцей. В своих рассуждениях церковь исходит из соблюдения заповеди «не убивай», а также рассмотрения жизни как божественного дара. Человек не имеет никакого морального права распоряжаться собственной жизнью и вмешиваться в промысел божий. Именно поэтому для богоборца не может быть никаких оправданий. Священнослужители отмечают, что альтернативой эвтаназии может быть обезболивание, помощь психолога, психотропная терапия.

В последнее время широко распространенной проблемой стал аборт, что является следствием разрушения института семьи и брака, результатом сексуальной революции, а также неблагоприятной экономической ситуации в стране. Аборт превратился в обычную медицинскую практику. Это вызывает неоднозначную оценку в общественном мнении. Считается, что аборт вполне допустим, если женщина сама приняла такое решение и она имеет право распоряжаться собственным телом, а также, если это необходимо по медицинским показаниям, т. е. беременность и роды угрожают жизни будущей матери или в результате диагностики выявлены дефекты развития эмбриона. Православие любые оправдания аборта рассматривает как признак моральной деградации, тем более, что все церковные канонические правила приравнивают аборт к убийству. Всячески подчеркивается, что «зарождение человеческого существа является даром Божиим, поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно» [1]. Женщин, совершивших аборт, церковь призывает к покаянию и заявляет, что ответственность за убийство нерожденного ребенка несет и отец, если он дал на это свое согласие, а также врач, проводивший процедуру.

Церковь также осуждает и технологическое вмешательство в процесс зарождения человеческой жизни, видит в этом прямую угрозу духовному и физическому здоровью людей, «пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни, Церковь не может считать нравственно оправданными. Если муж или жена неспособны к зачатию ребенка, а терапевтические и хирургические методы лечения бесплодия не помогают супругам, им следует со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание» [1]. Суррогатное материнство также недопустимо, поскольку «здесь речь идет о принципиальном искажении института брака как союза одного мужчины и одной женщины, у которых рождаются дети. Возникает третий участник союза – суррогатная мать, которая низводится до физической эксплуатируемой телесности: она должна выносить ребенка, получить за это деньги и отбыть восвояси» [3].

Дискуссионным в настоящее время является вопрос о возможностях новых биотехнологий и генной инженерии. Речь идет о генетической терапии, о создании генетических копий живых организмов, в том числе и человека. Достоинствами этих методов являются способность современных людей быстро и целенаправленно изменять природную среду, самих себя и свое потомство. Это позволит победить многие наследственные болезни, совершенствовать живые организмы. Однако в данном случае также могут быть злоупотребления, например спекуляции на несчастье бездетных людей, ошибки при создании генома. Результатом клонирования также будет не ребенок своих родителей, а близнец отца, матери, сестры и т. д., что, безусловно, может породить правовые проблемы. Это значит, что фактически клонирование обесценивает саму жизнь. Отношение к таким технологиям православной церкви резко отрицательное. В Основах социальной концепции говорится, что «человек не вправе претендовать на роль творца себе подобных существ или подбирать для них генетические прототипы, определяя их личностные характеристики по своему усмотрению. Замысел клонирования является несомненным вызовом самой природе человека, заложенному в нем образу Божию, неотъемлемой частью которого является свобода и уникальность личности» [1]. Правда, церковь не осуждает так называемое «терапевтическое клонирование», которое преследует цель создания клеток и органов человеческого организма для замещения их больных аналогов.

Современная медицина достигла значительных успехов в области трансплантологии органов,

однако актуальной остается проблема донорства. Не всегда находятся люди, желающие добровольно пожертвовать своими органами, кроме того, закон запрещает посторонним людям продать или подарить свой орган. Поэтому чаще всего органы изымают у трупов. Во многих странах Европы, в том числе и Беларуси, существует практика, основанная на концепции «предполагаемого согласия», когда врач имеет право отбирать необходимые органы из организма умершего пациента. Такая практика с точки зрения церкви не соотносится с понятием человеческой свободы. Таким образом, выходит, что прагматичное использование трупов может привести к дегуманизации человеческих отношений, торговле органами и т. д. Церковь также осуждает фетальную терапию, которая предполагает использование тканей и органов человеческих зародышей, подвергшихся аборт на разных стадиях развития. Тем не менее церковь рассматривает добровольное пожертвование части своего тела для спасения другого как проявление подлинного христианского поведения, при этом подчеркивая, что принцип жертвенности ни в коем случае не должен превращаться в принуждение, «сама жертвенная смерть Спасителя является свидетельством этической ценности самопожертвования. Но самопожертвование как сознательное и добровольное действие человека исключает любое психологическое или силовое воздействие. Определенным видом нравственного насилия, с нашей точки зрения, может стать превращение человеческой способности к жертвенности в норму, или правило, или новый критерий гуманности» [4]. В Основах социальной концепции подчеркивается, что «добровольное прижизненное согласие донора является условием правомерности и нравственной приемлемости эксплантации. В случае, если волеизъявление потенциального донора неизвестно врачам, они должны выяснить волю умирающего или умершего человека, обратившись при необходимости к его родственникам» [1].

Заключение. В решении основных вопросов биоэтики церковь занимает достаточно консервативную позицию, которая мотивируется в первую очередь религиозной догматикой, а затем стремлением противостоять дегуманизации общественных отношений. С одной стороны, церковь признает достижения современной науки в области биологии и медицины, но в то же время осуждает ученых за попытки стать лучше самого Бога. Научная деятельность, с точки зрения религиозных идеологов, как бы представляет собой желание вмешаться в божественный промысел, другими словами, подрывает основы провиденциализма.

Церковь ввиду возможных негативных следствий призывает ученых, врачей к ответственности и всячески противостоит либеральной тенденции, которая абсолютизирует индивидуальную

свободу в решении вопросов жизни и смерти. Тем не менее важно признать, что религиозная мораль стала более приспособленной к социальным интересам современного общества.

Литература

1. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru>. Дата доступа: 7.08.2019.
2. Худиев С. Почему церковь против эвтаназии. URL: <http://www.foma.ru>. Дата доступа: 7.08.2019.
3. Козлов М., протоиерей. Почему нужно каяться за суррогатное материнство? URL: <http://www.foma.ru>. Дата доступа: 7.08.2019.
4. Идея жертвы в трансплантологии // Из кн. И. Силуяновой «Антропология болезни», изданной Сретенским монастырем в 2007 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru>. Дата доступа: 7.08.2019.

References

1. *Osnovy' sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru> (accessed 7.08. 2019).
2. Khudiev S. *Pochemu tserkov' protiv evtanazii* [Why is the church against euthanasia]. Available at: <http://www.foma.ru> (accessed 7.08. 2019).
3. Kozlov M., protoierey. *Pochemu nuzhno kayat'sya za surrogatnyoye materinstvo?* [Why is it boring to repent for surrogacy?]. Available at: <http://www.foma.ru> (accessed 7.08. 2019).
4. *Ideya zhertvy v transplantologii*. Available at: <http://www.pravoslavie.ru> (accessed 7.08. 2019).

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kozhich Natal'ya Mikhaylovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 02.03.2020

УДК 001.92

Ю. В. Никулина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

**ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМ НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
ПРИ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ**

В настоящее время для оценки результативности научно-исследовательской деятельности наряду с экспертными заключениями все шире используются наукометрические показатели. Данные индикаторы совместно с экспертными заключениями стали применяться на всех этапах процесса управления наукой. Обосновывается, что современные наукометрические методы позволяют составить общее представление о результатах научно-исследовательской деятельности в отрасли науки, научном коллективе, а также об использовании этих результатов в научном сообществе. В статье представлен обзор основных наукометрических систем, учитывающих количество публикаций и количество цитирований как по отдельности, так и вместе. Дана характеристика основных международных наукометрических баз данных. Показано, что подобные базы данных дают возможность оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией. Также они являются мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов и т. д. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, появившиеся в последние годы в отношении тенденции широкого применения различных наукометрических показателей для оценки научной деятельности. Показаны основные недостатки наукометрических методов оценки научной деятельности. Обоснована необходимость применения экспертных технологий при оценке эффективности научной деятельности.

Ключевые слова: наукометрия, индекс цитирования, базы данных, научная публикация, публикационная активность.

Y. V. Nikulina

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

**OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE USE
OF INTERNATIONAL SYSTEMS OF SCIENTIFIC CITING
WHEN ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC WORK**

Nowadays in order to evaluate productivity of research activities along with expert opinions scientometric indices are being increasingly used. These indicators, together with expert opinions, have been used at all stages of the science management process. It is proved, that modern scientometric methods allow to make a General idea of the results of research activities in the field of science, the research team, as well as the use of these results in the scientific community. The article provides an overview of the main scientometric indicators, taking into account the number of publications and the number of citations. The characteristic of the main international scientometric databases is given. It is shown, that such databases provide the possibility of operational support of scientific research relevant reference and bibliographic information. They are also a powerful tool for assessing the effectiveness and efficiency of research organizations, scientists, the level of scientific journals, etc. The article discusses the controversial issues that have emerged in recent years in relation to the trend of widespread use of various scientometric indicators for evaluating scientific activity. The main drawbacks of scientometric methods of scientific activity evaluation are shown. The necessity of using expert technologies in evaluating the effectiveness of scientific activities is justified.

Key words: scientometrics, citation index, database, scientific publication, scientific publication, publication activity.

Введение. Приблизительно до начала XX в. научная деятельность была уделом довольно узкого круга людей, а вклад каждого ученого оценивался научным сообществом фактически только в соответствии с содержательными качественными критериями. Однако в середине 40-х гг. XX в., когда занятие наукой стало довольно массовым

явлением, возникла проблема информационного кризиса, связанного с ростом объемов научных исследований и коллективов, а также с возникновением междисциплинарных проектов.

Для оценки эффективности научной работы постепенно начинают использовать хорошо зарекомендовавшие себя в других предметных

областях интеллектуальные инструменты. К таким инструментам относятся, в частности, система сбалансированных индикаторов, основанная на ключевых показателях эффективности. На сегодняшний день наряду с экспертными оценками разработаны и широко применяются для оценки эффективности научной деятельности и наукометрические показатели.

Основная часть. Наукометрия – область наукоеведения, занимающаяся статистическими исследованиями структуры и динамики научной информации, появилась на основе первого в мире указателя цитированной литературы (Science Citation Index – SCI). Он был создан американским ученым-лингвистом Гарфилдом Ю. Регулярный выпуск данного указателя начался в 1964 г. На основе анализа библиографических массивов этого издания появилась новая научная дисциплина – наукометрия [1, с. 48].

В последние годы в качестве показателей эффективности деятельности ученых, исследовательских организаций, национальной науки в целом стали активно использоваться данные о числе публикаций и цитирований. Научные метрики широко применяются для оценки деятельности научных учреждений и отдельных ученых. При этом используется ряд наукометрических показателей и созданы специальные базы данных (индексы) для их расчета. Эти показатели основаны на количестве публикаций автора и количестве ссылок на его работы.

Научные институты и учреждения высшего образования по всему миру все более активно используют наукометрические показатели для оценки эффективности научной деятельности при оценке и продвижении научных сотрудников; проведении экспертиз заявок на финансирование в рамках различных целевых программ, грантовых проектов и конкурсов; приеме на работу научно-исследовательского персонала. Растущая социальная значимость науки обуславливает пристальное внимание ко всем факторам, от которых зависит ее развитие, и среди них состоянием системы учета результатов научно-исследовательской деятельности.

Возросший интерес к наукометрическим показателям вызван в первую очередь возможностью автоматизации процесса оценивания с использованием программных средств баз данных. Созданные во второй половине XX в. международные индексы цитирования стали востребованы в качестве одного из инструментов принятия решений относительно эффективности и важности тех или иных научных разработок в различных областях исследований. В совокупности с квалифицированной экспертной оценкой, позволяющей учитывать специфику научной деятельности, наукометрические индикаторы рассматриваются

как инструменты объективной и полноценной оценки научного потенциала ученых и научных организаций [2, с. 91].

Дешевизна и быстрота проверки, а также отсутствие человеческого фактора обуславливают популярность наукометрических показателей в экспресс-оценивании публикационной деятельности ученых. Пороговые ограничения по наукометрическим показателям представляют собой некий фильтр, который отсеивает слабых кандидатов и тем самым сокращает затраты на проведение дорогостоящего и трудоемкого экспертного оценивания качества научных результатов. Наукометрические показатели удобны для оценки фундаментальных исследований, результаты которых непосредственно не связаны с экономическим эффектом. Фундаментальные разработки направлены на развитие науки, поэтому их востребованность оценивают через отзывы научного сообщества на публикации с результатами исследований [3, с. 36].

Формально этот отзыв выражают индексом цитирования – суммарным количеством ссылок на рассматриваемые публикации. Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок в других источниках. Библиографическая ссылка на источник – важная этико-правовая норма в сфере науки. Ссылки можно рассматривать как показатель научной коммуникации. Считается, что это объективный показатель, поскольку его невозможно создать искусственно. Статистика научного цитирования позволяет определить закономерности формирования науки, темпы развития научных школ, вероятные места «прорыва» в науке [3, с. 37].

Высокая цитируемость статей обычно указывает на их полезность, однако низкий показатель цитируемости не отождествляет их малую ценность. Ссылки не только фиксируют связь той или иной работы со статьями предшественников, но и в неявной форме указывают на место и роль цитируемого автора в научном сообществе. Частота цитирования сильно коррелирует с известностью автора сообщения, наличием у него научных премий, поэтому частое цитирование можно считать признаком важности исследователя [3, с. 92].

Показатель количества ссылок на публикации сотрудников (цитируемость) свидетельствует об авторитетности и важности коммуникаций внутри научной организации, взаимном научном интересе, развитии и устойчивости научной школы. Практическое значение индикаторов состоит в том, что потребители научной продукции вполне могут делать свой выбор, ориентируясь на наукометрические показатели научных изданий, научных коллективов и отдельных ученых.

В связи с внедрением количественных подходов к оценке эффективности деятельности научных коллективов, качества научной продукции и выделенных на ее осуществление ресурсов и средств активно разрабатываются наукометрические системы. Важной методической проблемой мониторинга документопотока является обеспечение высокого качества инструментария (процесс измерения, статистическая обработка результатов и их адекватная интерпретация). Информация, полученная в процессе исследования, должна быть обработана, структурирована и сформирована в виде баз данных.

Наукометрическая база данных – это библиографическая и реферативная база данных, инструмент для отслеживания цитируемости научных публикаций. Это также поисковая система, которая формирует статистику, характеризующую состояние и динамику показателей востребованности, активности и индексов влияния деятельности отдельных ученых и исследовательских организаций [4, с. 454].

Международная практика наукометрических исследований сегодня базируется на использовании двух наиболее авторитетных коммерческих баз данных: Web of Science компании Thomson Reuters (США) и Scopus издательства Elsevier (Голландия). Именно эти две международные базы данных претендуют сегодня на объективную оценку качества и продуктивности научной деятельности отдельных ученых, организаций и страны в целом. Первый предлагает доступ примерно к 12 тыс. периодических изданий, второй – к более чем 18 тыс. действующих журналов [5, 6]. В обеих базах данных явно доминируют публикации на английском языке. Этот аспект не устраивает многих ученых и менеджеров науки, поэтому в разных странах и регионах разработаны свои системы наукометрии (Евросоюз, Россия, Китай, Япония и т. д.).

В России активно развивается, популярный и в Республике Беларусь, национальный индекс научного цитирования (РИНЦ). Проект РИНЦ разрабатывается с 2005 г. компанией «Научная электронная библиотека» (elibrary.ru) – крупнейшего российского информационного портала в области науки, технологии, медицины и образования [7].

РИНЦ – это национальная российская информационно-аналитическая система, предназначенная для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией. Для получения необходимых пользователю данных про публикации и цитируемость статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструментарий Scince index [7]. Преимуществами публикации в РИНЦ являются возможность

публиковать свои работы на русском языке, более короткие сроки рецензирования и публикации статьи, более низкая, по сравнению с зарубежными, стоимость платы за публикацию ниже. РИНЦ аккумулирует информацию о цитировании публикаций из более 4500 российских журналов. В основе системы лежит библиографическая реферативная база данных, в которой индексируются статьи в российских научных журналах.

Делая общий вывод, следует отметить, что современные наукометрические методы позволяют составить общее представление о результатах научно-исследовательской деятельности в отрасли науки, научном коллективе, а также об использовании этих результатов в научном сообществе. Охарактеризованные выше и иные подобные, но менее популярные базы данных, предназначены не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но являются также и мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровень научных журналов и т. д. Изучение документопотока дает возможность обнаружить тенденции и определить темп развития конкретного научного направления, выявить наиболее эффективные научные коллективы.

Вместе с тем в современном научном сообществе все чаще звучат мнения о том, что применение наукометрических платформ для оценки научной продуктивности ученых, особенно в русскоязычном пространстве, не всегда дает возможность получить корректные и полные данные по двум основным причинам: учет только англоязычных публикаций и традиционно естественно-научная направленность в отборе журналов.

Конечно, использование международных баз данных – важный этап интеграции отечественных исследований в общемировой научный процесс, в котором инструменты наукометрии знакомы каждому исследователю. Однако рассчитываемые в индексах цитирования показатели научной деятельности не должны превалировать над экспертными заключениями. Целые пласты научных достижений не могут уместиться в колонки цифр, озаглавленные: «количество публикаций», «суммарное цитирование», «индекс Хирша», «импакт-фактор». Количественные далеко не всегда отражают реальную значимость публикации, поскольку допускают возможность спекуляций, «заказных» цитирований (например, аспирантами – научного руководителя), самоцитирование, «противоцитирование» (упоминание публикации автора в контексте несогласия с его исследованиями) [5, с. 250].

Помимо научного качества, может быть множество других причин для цитирования, например, тема статьи может быть модной и широко обсуждаемой, она может носить провокационный характер или быть скандально ошибочной, ее автор может быть настолько популярным, что цитирование его работ считается хорошим тоном среди коллег. Понятно, что ни одна из перечисленных причин не относится к качеству содержания статьи. Отсюда следует, что цитируемость не обязательно отражает важность и качество представленной работы [8, с. 41].

Кроме того, специфика каждой науки определяет свои традиции цитирования публикаций других исследователей и собственных разработок. Так, например, говоря об ограниченности применения наукометрических методов в области социогуманитарного знания, известный российский философ Мотрошилова Н. В. указывает, что социальные науки имеют объектом исследования конкретное общество, и, следовательно, нередко ограничены национальными и локальными рамками [4, с. 459].

Кроме того, как отмечает Н. В. Морозилова, если в естественных науках статья в журнале считается типичным исследовательским результатом, то в общественных и гуманитарных науках научным сообществом высоко ценится монография как результат деятельности ученого. С точки зрения библиометрии это означает, что естественные науки растут быстрее и срок актуальности научной публикации (степень устаревания научных публикаций) короче. Поскольку социальные и гуманитарные науки гораздо хуже вписываются в систему подсчетов в наукометрии, то с точки зрения формализованных методов научной политики, в основе которой лежат библиометрические инструменты, управлять ими гораздо труднее [4, с. 461–462].

Некоторые исследователи отмечают, что распространение формализованных подходов к оценке научной деятельности вступает в противоречие с гетерогенной природой больших исследовательских организаций и научно-образо-

вательных комплексов, каковыми являются университеты. Специфика их организационной структуры и многочисленные функции не укладываются в узкие рамки наукометрических исследований. Поэтому то, что успешно применимо для оценки деятельности индивидуального ученого, может не подходить для оценки деятельности организации в целом или всего научного направления [9, с. 40].

Заключение. Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что количественные методы оценки науки чаще всего будут не в полной мере объективны. Потому очевидно, что они не должны стать единственным критерием оценки эффективности научной деятельности. Как отмечает академик РАН Паршин А. Н., «Как только вы начинаете оценивать какой-то содержательный процесс по формальному показателю, так довольно быстро целью процесса становится не та содержательная деятельность, которую он оценивает, а стремление любой ценой увеличить этот показатель» [цит. по: 9, с. 259]. Еще более резко высказывается Н. В. Мотрошилова, которая утверждает, что «само по себе число публикаций и цитатных ссылок абсурдно истолковывать в качестве критериев оценки качества чьего-либо научно-исследовательского труда, его эффективности и результативности» [4, с. 460].

Таким образом, сами по себе данные наукометрических служб и систем, рассматриваемые исключительно в качестве дополнительных источников оценки, могут оказаться полезными, но брать их за основу при оценке качества научно-исследовательского труда, его результативности, эффективности и актуальности нецелесообразно. Только совокупность методов, которая включает независимую экспертную оценку, наукометрические показатели, разделенные показатели для разных отраслей знания, привлечение ученых к обсуждению каждого нового метода оценки, можно назвать объективным подходом к оцениванию научной деятельности, учитывающим полярность мнений и недочеты каждого из методов в отдельности.

Литература

1. Анохин А. А. Базы данных и поисковые системы по научному цитированию – оценка продуктивности трудов исследователя // Наш современник. 2016. № 2. С. 48–53.
2. Оганов Р. Г., Трущелев С. А. Наукометрические подходы к анализу результатов научно-исследовательской деятельности // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2012. 11 (2). С. 90–95.
3. Симоненко Т. В. Наукометрия: объект, предмет, методология // Наукометрия: методология, инструменты, практическое применение: сб. науч. ст. / Нац. АН Беларуси, Центр. науч. б-ка имени Я. Коласа; [редкол.: А. И. Груша и др.]. Минск: Бел. наука, 2018. С. 35–45.
4. Мотрошилова Н. В. Реальные факторы научно-исследовательского труда и измерения цитирования // Управление большими системами: сб. трудов. М.: Ин-т проблем управления, 2013. С. 453–475.
5. Web of Science [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wokinfo.com/>. Дата доступа: 30.01.2020.

6. SCOPUS [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.scopus.com/>. Дата доступа: 02.02.2020.

7. eLibrary [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elibrary.ru. Дата доступа: 05.02.2020.

8. Пипия Л. К., Дорогокупец В. С. К вопросу об оценке результатов научной деятельности // *Инновации*. 2017. 1 (219). С. 39–45.

9. Болотов В. А., Квелидзе-Кузнецова Н. Н., Лаптев В. В., Морозова С. А. Индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования // *Вопросы образования*. 2014. № 1. С. 241–262.

Reference

1. Anokhin A. A. Databases and search engines for scientific citation – evaluation of the productivity of the researcher's works. *Nash sovremennik* [Our contemporary], 2016, no. 2, pp. 48–53 (In Russian).

2. Oganov R. G., Truschelev S. A. Scientometric approaches to the analysis of research results. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika* [Kardiovaskuliarnaya therapy i profilactics], 2012, no. 11 (2), pp. 90–95 (In Russian).

3. Simonenko T. V. Scientometrics: object, subject, methodology. *Naukometriya: metodologiya, instrumenty, prakticheskoye primeneniye: sbornik nauchnykh statey* [Scientometric: Methodology, Bibliometric Tools, Practical Application: collection of scientific articles]. Minsk, Bel. navuka Publ., 2018, pp. 35–45 (In Russian).

4. Motroshilova N. V. Real factors of research and citation measurement. *Upravleniye bol'shimi sistemami: sbornik trudov* [Administration of large systems: collected papers]. Moscow, In-t problem upravleniya Publ., 2013, pp. 453–475 (In Russian).

5. Web of Science [E-resource]. Available at <http://wokinfo.com/> (accessed 30.01.2020).

6. SCOPUS [E-resource]. Available at <https://www.scopus.com/> (accessed 02.02.2020).

7. eLibrary [E-resource]. Available at www.elibrary.ru (accessed 05.02.2020).

8. Pipyay L. K., Dorogokupets V. S. On the issue of evaluating the results of scientific activity. *Innovatsii* [Innovations], 2017, no. 1 (219), pp. 39–45 (In Russian).

9. Bolotov V. A., Kvelidze-Kuznetsova N. N., Laptev V. V., Morozova S. A. Hirsch Index in the Russian Science Citation Index. *Voprosy obrazovaniya* [Education issues], 2014, no. 1, pp. 241–262 (In Russian).

Информация об авторе

Никулина Юлия Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного управления. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (220007, г. Минск, ул. Московская, 17, Республика Беларусь). E-mail: julianiklina@gmail.com

Information about the author

Nikulina Yuliya Vladimirovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Public Administration. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (17, Moskovskaya str., 220007, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: julianiklina@gmail.com

Поступила 05.03.2020

УДК328.185-043.865(476)

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

**ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Борьба с коррупцией является важнейшей государственной задачей в деле укрепления независимости и суверенитета нашего государства, обеспечения общественной безопасности в современных международных реалиях. Современные действия государственных и общественных институтов Республики Беларусь направлены на обеспечение системного противодействия коррупционным проявлениям во всех сферах жизни общества, защиту прав и свобод граждан, создание условий неотвратимости юридической ответственности и комплексное применение всех необходимых средств для недопущения причинения вреда общественным отношениям.

В статье показано, какие меры должны предпринимать государство и общество в целях предотвращения и уменьшения последствий таких вредных социальных явлений, как коррупция.

Ключевые слова: коррупция, статус, суд, государство, общество.

Y. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

**SIGNIFICANT FEATURES OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD
OF ANTI-CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The fight against corruption is the most important state task in strengthening the independence and sovereignty of our state, ensuring public security in modern international realities. Modern actions of state and public institutions of the Republic of Belarus are aimed at ensuring a systematic counteraction to corruption in all spheres of society, protecting the rights and freedoms of citizens, creating conditions for the inevitability of legal responsibility and comprehensive use of all necessary means to prevent harm to public relations.

The article shows what measures should be taken by the state and society in order to prevent and reduce the consequences of such harmful social phenomena as corruption.

Key words: corruption, status, court, state, society.

Введение. Статья 7 Конституции Республики Беларусь устанавливает принцип верховенства права. Государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства. Правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции Республики Беларусь, не имеют юридической силы.

Статья 14 Конституции Республики Беларусь определяет, что государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов [1].

Основная часть. Коррупция является масштабной проблемой современности, ни одно государство, независимо от его социально-экономического и политического устройства, не имеет абсолютного к ней иммунитета, что ставит под угрозу разрушения социально значимые ценности любого общества.

Статья 1 Закона «О борьбе с коррупцией» определяет: Коррупция – умышленное использование

государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей [2].

Подписание в 2003 г. Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции и реализация идеи создания Международной ассоциации антикоррупционных учреждений – результат глубокого осознания мировым сообществом серьезной опасности последствий

коррупции. Поддерживая и развивая инициативы по борьбе с коррупцией на национальном, региональном и международном уровнях, Республика Беларусь одним из первых государств-участников ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции [3].

В 2000–2005 гг. Республика Беларусь ратифицировала ряд важнейших международных конвенций: Конвенцию ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности, Конвенцию Совета Европы об уголовной и гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Выполняя свои международные обязательства, а также учитывая необходимость в выработке новых методов предупреждения и пресечения коррупции, Республика Беларусь принимает меры по дальнейшему совершенствованию антикоррупционного законодательства. В июле 2015 г. принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, а также устранения их последствий.

Согласно положениям Закона меры борьбы с коррупцией реализуются в республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях, подчиненных Правительству Республики Беларусь, областных, Минском городском, городских, районных исполнительных комитетах, местных администрациях районов в городах посредством создания и деятельности комиссий по противодействию коррупции в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь.

Обеспечение эффективности деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия правонарушений, создающих условия для коррупции и коррупционных правонарушений, устранения их последствий. В соответствии с Законом борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности как самостоятельно, так и во взаимодействии между собой, с иными государственными органами и организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь.

С целью создания условий для реализации отдельных положений Закона борьба с коррупцией осуществляется государственными органами и иными организациями посредством комплексного применения следующих мер:

- планирования и координации деятельности государственных органов и иных организаций по борьбе с коррупцией;

- установления ограничений, а также специальных требований, направленных на обеспечение финансового контроля в отношении государственных должностных и приравненных к ним лиц в целях предотвращения проявлений коррупции и их выявления;

- обеспечения правовой регламентации деятельности государственных органов и иных организаций, государственного и общественного контроля, а также надзора за этой деятельностью;

- восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, ликвидации иных вредных последствий правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений;

- установления правовых запретов в целях разграничения служебных (трудовых) обязанностей и личных, групповых и иных внеслужебных интересов государственных должностных и приравненных к ним лиц;

- проведения в установленном порядке криминалогической экспертизы проектов правовых актов, ранее принятых (изданных) правовых актов, а также криминалогических исследований коррупционной преступности в целях ее оценки и прогноза для выявления предпосылок и причин коррупции и своевременного принятия эффективных мер по ее предупреждению и профилактике;

- сочетания борьбы с коррупцией с созданием экономических и социальных предпосылок для устранения причин коррупции;

- упрощения административных процедур и сокращения их числа;

- вынесения на общественное (всенародное) обсуждение проектов нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией;

- организации антикоррупционного обучения государственных должностных лиц, а также лиц, обучающихся в учреждениях образования.

Статья 15 устанавливает требования к порядку принятия отдельных решений государственными органами и иными государственными организациями в сфере экономических отношений.

Государственные органы и иные государственные организации в порядке, установленном актами законодательства, обязаны проводить конкурсы, аукционы или иные процедуры, предусмотренные актами законодательства, при принятии решений:

1) о распоряжении государственным имуществом;

2) проведении закупок;

3) привлечении юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей к реализации государственных программ и государственных заказов;

4) распределении квот;

5) выборе поставщиков для государственных нужд;

6) возложении на юридическое лицо и (или) индивидуального предпринимателя отдельных функций государственного заказчика;

7) в иных случаях, предусмотренных актами законодательства.

Президентом Республики Беларусь может быть установлен иной порядок принятия решений.

Немаловажным является четкое перечисление в статье 25 названного закона перечня правонарушений, создающих условия для коррупции:

– вмешательство государственного должностного лица с использованием своих служебных полномочий в деятельность других государственных органов и иных организаций, если это не входит в круг его полномочий и не основано на законодательном акте;

– оказание государственным должностным лицом при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам физических или юридических лиц либо предоставление им необоснованных льгот и привилегий или оказание содействия в их предоставлении;

– использование государственным должностным или приравненным к нему лицом служебного положения при решении вопросов, затрагивающих его личные, групповые и иные внеслужебные интересы, если это не связано со служебной (трудовой) деятельностью;

– участие государственного должностного лица в качестве представителя третьих лиц в делах государственного органа, иной организации, служащим (работником) которого (которой) он является, либо подчиненного (подчиненной) и (или) подконтрольного (подконтрольной) ему (ей) государственного органа, иной организации;

– использование государственным должностным или приравненным к нему лицом во внеслужебных интересах информации, полученной при исполнении им служебных (трудовых) обязанностей, распространение и (или) предоставление которой ограничено;

– отказ государственного должностного или приравненного к нему лица в предоставлении информации физическим или юридическим лицам, предоставление которой этим лицам предусмотрено актами законодательства, умышленное несвоевременное ее предоставление или

предоставление неполной либо недостоверной информации;

– требование государственным должностным или приравненным к нему лицом от физических или юридических лиц информации, в том числе документов, предоставление которой не предусмотрено актами законодательства;

– нарушение государственным должностным лицом в личных, групповых и иных внеслужебных интересах установленного законодательными актами порядка рассмотрения обращений граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, и принятия решений по вопросам, входящим в его компетенцию;

– создание государственным должностным или приравненным к нему лицом препятствий физическим или юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов; делегирование государственным должностным лицом полномочий на государственное регулирование предпринимательской деятельности либо на контроль за ней лицу, осуществляющему такую деятельность, если это не предусмотрено законодательными актами;

– нарушение государственным должностным или приравненным к нему лицом установленного актами законодательства порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок;

– требование государственным должностным или приравненным к нему лицом предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, а равно нарушение государственным должностным или приравненным к нему лицом порядка ее предоставления, получения и использования, установленного актами законодательства.

Совершение указанных правонарушений влечет за собой ответственность в соответствии с законодательными актами.

Наиболее распространенными коррупционными преступлениями являются хищения, злоупотребление властью, служебный подлог, получение и дача взятки, получение незаконного вознаграждения госслужащим, не являющимся должностным лицом.

На основе анализа практики применения уголовного закона вносятся в соответствующие государственные органы предложения о совершенствовании законодательства о борьбе с коррупцией.

Система мер борьбы с коррупцией базируется на системе установленных государством и принятых в обществе принципов, что обеспечивает ее эффективность:

– законность;

– справедливость;

– равенство всех перед законом;

- гласность;
- неотвратимость ответственности;
- личная виновная ответственность;
- гуманизм.

Это указывает на наличие в Республике Беларусь системы противодействия коррупции. Успешность противодействия коррупции напрямую зависит не только от осуществления своих функций правоохранительными органами. Для всех руководителей, и в первую очередь государственных органов и организаций, необходимо обеспечить юридическую и моральную чистоплотность каждого сотрудника.

Обеспечение противодействия коррупции предполагает:

1) снижение экономических последствий проявления коррупции: расширение теневой экономики, уменьшение налоговых поступлений в государственный бюджет; нарушение конкурентных механизмов рынка; неэффективное использование государственных бюджетных средств; повышение конечной цены продукции или услуг; ухудшение инвестиционного климата;

2) снижение социальных последствий проявления коррупции: дискредитация права как основного инструмента регулирования жизни государства и общества; отвлечение государственных средств от целей общественного развития, увеличение имущественного неравенства, бедность значительной части населения; укрепление организованной преступности, увеличение социальной напряженности;

3) недопущение политических последствий проявления коррупции: уменьшение доверия к власти, рост ее отчуждения от общества; падение престижа страны на международной арене и т. д.

Необходимо осознать что коррупцией ставится под угрозу гарантированность прав и свобод всех членов общества, сохранение конституционного строя, законности и правопорядка в государстве. Коррупция без постоянного противодействия имеет свойство расширяться, поэтому антикоррупционная функция является одной из основополагающих функций любого государства.

Основной целью антикоррупционной политики каждого государства является обеспечение защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства от угроз воздействия и последствий коррупции, а также укрепление доверия общества к государству и его институтам. Это необходимые меры по противодействию коррупции.

К таким мерам относится совершенствование законодательства и законодательного процесса, прежде всего снятие противоречий в действующем законодательстве, создающих возможность для управленческого произвола и коррупции;

заккрытие многочисленных отсылочных норм в действующих законах; пересмотр неоправданно усложненных систем оплаты труда, штрафов и т. п.; ужесточение государственного и общественного контроля над ведомственным нормотворчеством.

В различных странах системы образования строятся на разных принципах, в их структуре в той или иной мере присутствуют управляющие ведомственные структуры, имеют свою специфику и системы взаимоотношений в них.

В вузах данный процесс имеет свои особенности, в которых целый ряд факторов влияет на возможность формирования коррупционных отношений. Главным фактором их устранения во многих странах служит система мер по противодействию коррупции.

Сообщения о злоупотреблении служебным положением появляются в отечественных СМИ регулярно. До сегодняшнего дня осуществляется планомерная работа по выявлению фактов злоупотребления властью, по уголовным делам. Все дела проходят по 35-й главе Уголовного кодекса. В 20-й и 21-й статьи закона четко определен перечень коррупционных правонарушений. В Уголовном кодексе есть составы, схожие с теми, что прописаны в Законе «О борьбе с коррупцией». На практике позволяют привлечь должностных лиц к ответственности даже за нарушение правил внутреннего распорядка организации, если их действия направлены против государственных интересов. Один закон не поможет победить коррупцию, однако вовремя принятый нормативно-правовой акт может значительно уменьшить коррупционные проявления в отдельных сферах деятельности.

Особый интерес представляет законодательная регламентация оплаты труда наемных работников в контексте противодействия коррупции в Республике Беларусь. Сложность для правового обеспечения и изучения представляет прежде всего оплата труда работников бюджетных организаций по причине недостаточно четкой правовой регламентации, значительной самостоятельности нанимателей в оплате труда, предоставляемой локальными актами организаций, а также одновременного влияния социального и психологического факторов. Содержание конституционных гарантий права на труд и достойную оплату труда зависит от ценностной ориентации, представляющей собой сознательную, устойчиво активную направленность личности, основанную на представлениях о справедливости, равенстве, свободе и других общепризнанных социальных ориентирах.

Заключение. Сложно не отметить всей своевременности мер, предпринимаемых государством и обществом в целях предотвращения

и уменьшения последствий такого вредного социального явления, как коррупция. Предотвращая любое правонарушение, например неправомерное распределение средств оплаты труда, нельзя выделить какие-то отдельные, особенно эффективные меры. Достижение результата, на который направ-

лены такие усилия, возможно лишь при использовании комплекса социальных и других мер. Центральное место в их ряду принадлежит мероприятиям правового характера достаточно широкого спектра, к числу которых относится в первую очередь законодательная политика государства.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2005. 48 с.
2. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь от 15.07.2015 / Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь, 23. 07.2015, № 22, 2/2303.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 13.12.2004, № 192, 2/1093.

References

1. *Konstitutsiya Respubliki Belarus' 1994 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami, prinyatymi na respublikanskikh referendumakh 24 noyabrya 1996 g. i 17 oktyabrya 2004 g.)* [Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (as amended, adopted at the national referendum 24 November 1996 and is being October 17, 2004 g.)]. Minsk, Amalfeya Publ., 2011. 48 p.
2. On the fight against corruption: The Law of the Republic of Belarus of 15.07.2015. *Natsional'nyy reestr pravovyikh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus]. Minsk, 2015, no. 122, 2/2303 (In Russian).
3. United Nations Convention against Corruption. *Natsional'nyy reestr pravovyikh aktov Respubliki Belarus'* [National register of legal acts of the Republic of Belarus]. Minsk, 2004, no. 192, 2/1093 (In Russian).

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 22.03.2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Дамарад А. А. Дваранства беларускіх зямель у канцы XVIII–XIX ст. (гістарыяграфічны аспект).....	5
Масейчук Л. И. Развіццё адукацыйнай сістэмы Базіліянскага ордэна ў XVIII ст.	12
Пугач І. В. Інстытуцыянальнае развіццё лясной варты на тэрыторыі беларускіх губерняў у 30-я гг. XIX– пачатку XX ст.	16
Острога В. М. Преподаватели учительских институтов Виленского учебного округа (вторая половина XIX– начало XX в.).....	21
Рыжанкоў І. М. Аграрны рух у Беларусі ў перспектыве вырашэння зямельнага пытання (чэрвень – жнівень 1917 г.).....	27
Семенчик Н. Е. Экономические последствия германского наступления в Беларуси в феврале–марте 1918 г.	32
Каляда І. У. Выяўленчае мастацтва Беларусі ў 1920-я гг.: традыцыі і пошук новых напрамкаў .	37
Коваль В. У. Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць беларускай дыяспары ў Чэхаславакіі (1920–1930-я гг.).....	42
Обухова Е. Н. Культурная деятельность этнических меньшинств Западной Беларуси (1921–1939 гг.) в оценке современной белорусской историографии.....	47
Дрожжа Л. Ч. Палітычны крызіс 1939 г. у трактоўках расійскіх і польскіх гісторыкаў.....	52
Крючек П. С. Миграционные процессы в БССР в послевоенный период (40–80-е гг. XX ст.)....	56
Райченко А. А. Белорусский лесотехнический институт в первой половине 50-х гг. XX в.	60
Якуш Н. М. Историческое наследие и культурный туризм Беларуси.....	64
Дубонос И. И. Проблемы американской историографии раннего боливарианизма.....	69
Астрога В. А. Эканамічныя войны ў старажытнасці.....	74
Зайцева Н. В., Кандрічына И. Н. Туризм на сельских территориях: перспективный бизнес с сохранением историко-культурного наследия.....	78
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. О воинских контингентах США и НАТО в Европе.....	82
ФИЛОСОФИЯ	86
Шалаев В. П. Синергетика в пространстве современных общественных теорий: истоки (Н. Н. Моисеев и С. П. Курдюмов).....	86
Водопьянов П. А. Контуры стратегии выживания в условиях экологической нестабильности.....	92
Бурак П. М. Коэволюционная стратегия в совершенствовании образования и формировании социокультурных условий безопасного будущего.....	97
Лазаревич Н. А. Социопсихологические и экологические факторы поддержания оптимального качества жизни.....	107
Пунченко О. П. Кодирование информации как интеллектуальный процесс перевода мысли в знак.....	111
Сидоренко И. Н. Феномен «справедливой войны» и ее трансформация в современном мире....	116
Бородко Н. П., Мисуню М. И. Значение Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов для последующего развития международного права.	121
Дыдышко И. И. Смыслсоразмерное содержание методологических составляющих в развитии современной техники.....	125
Матусевич О. А. Значение исторического сознания в процессе архаизации общества.....	130
Кожич Н. М. Православная интерпретация основных проблем биоэтики.....	134
Никулина Ю. В. Возможности и перспективы использования международных систем научного цитирования при оценке эффективности научной работы.....	138
Сергеева Е. М. Значимые особенности правового регулирования в сфере противодействия коррупции в Республике Беларусь.....	143

CONTENT

HISTORY	5
Damarad A. A. The nobility of the belarussian lands in the late XVIII–XIX century (Historiographic aspect).....	5
Maseichuk L. I. Development of the Basilian educational system Order in XVIII century	12
Pugach I. V. Institutional development of the forest guard in the territory of the Belarussian provinces in the 30s. XIX th – early XX th century.....	16
Ostroga V. M. Teachers of teachers’ institutes of the Vilna educational institute districts (the second half of the XIX– early XX centuries).....	21
Ryzhankou I. M. Agrarian movement in Belarus in the future solving the land issue (June – August 1917)	27
Semenchyk N. Ye. Economic consequences of the German offensive in Belarus in February – March 1918	32
Kalyada I. U. Art of Belarus in the 1920s: traditions and the search for new directions	37
Koval V. U. Exposition and exhibition activity of the Belarussian diaspora in Czechoslovakia (1920–1930 th)	42
Obukhova E. N. Cultural development of the ethnic minorities of the Western Belarus (1921–1939 th) in the assessment of the modern Belarussian historiography	47
Drozhzha I. Ch. Political crisis 1939 interpreted Russian and Polish historians	52
Kruchek P. S. Migration processes in the BSSR in the post-war period (40–80 th of the XX century)	56
Raichonak A. A. Belarussian Forestry Engineering Institute in the first half of the 50 th XX century	60
Yakush N. M. Historical heritage and cultural tourism of Belarus.....	64
Dubanos I. I. Problems of American historiography of early bolivarianism.....	69
Astroha V. A. Economic wars in ancient times	74
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Tourism in rural territories: perspective business with the saving of historical and cultural heritage.....	78
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. About US and NATO military contingents in Europe.....	82
PHILOSOPHY	86
Shalaev V. P. Synergetic in space of modern public theories: sources (N. N. Moiseyev and S. P. Kurdyumov)	86
Vodop’yanov P. A. Outlines of a survival strategy in an environmental environment instabilities.....	92
Burak P. M. Co-evolutionary strategy in improving education and shaping the socio-cultural conditions of a secure future	97
Lazarevich N. A. Sociopsychological and environmental factors maintaining an optimal quality of life	107
Punchenko O. P. Information coding as an intellectual process of transfer of thought to a sign.....	111
Sidorenko I. N. Phenomenon of “just war” and its transformation in the modern world.....	116
Borodko N. P., Misuno M. I. Importance of the Nuremberg and Tokyo Military Tribunals for the subsequent development of international law	121
Dydyshko I. I. Meaning of the methodological components in the development of modern technology	125
Matusevich O. A. Significance of historical consciousness during the archaization of Society	130
Kozhich N. M. Orthodox interpretation of the basic problems of bioethics	134
Nikulina Y. V. Opportunities and prospects for the use of international systems of scientific citing when assessing the effectiveness of scientific work	138
Sergeeva Y. M. Significant features of legal regulation in the field of anti-corruption in the Republic of Belarus.....	143

Редактор *Е. И. Гоман*
Компьютерная верстка *А. А. Селиванова, Е. В. Ильченко*
Корректор *Е. И. Гоман*

Подписано в печать 12.06.2020. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 17,3. Уч.-изд. л. 18,9.
Тираж 100 экз. Заказ 198.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.